

Василий Лягошкин

ТАЙНА ПРОЛИВА «ВРАТА СКОРБИ»

Том третий

Василий Лягоскин

**Тайна пролива «Врата
скорби». Том третий**

«Издательские решения»

Лягоскин В.

Тайна пролива «Врата скорби». Том третий / В. Лягоскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857012-4

Победа над Спящим богом завершила цикл приключений полковника Кудрявцева и его товарищей в далеком прошлом Земли. И... открыла новый! Что ждет их в новом мире и что это за мир? Какое задание предстоит теперь выполнить людям, уже отстаившим право человеческой цивилизации на существование? На эти вопросы, несомненно, ответ найдется. Потом — когда будут отражены первые атаки непримиримых врагов, и рядом, плечом к плечу, встанут новые друзья.

ISBN 978-5-44-857012-4

© Лягоскин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Профессор Романов. Куда мы попали?	6
Глава 2. Анатолий Никитин. Тракторист, разведчик и генератор идей	14
Глава 3. Валерий Ильин. Комендант и строитель	22
Глава 4. Александр Салоед. В голодном заточении	28
Глава 5. Полковник Кудрявцев. Железный Капут	35
Глава 6. Анатолий Никитин. Здравствуй племя – младое... знакомое	47
Глава 7. Профессор Романов. Лекция номер два	55
Глава 8. Виталька Дуб-младший. Магия крови	64
Глава 9. Анатолий Никитин. Кровавый четверг	72
Глава 10. Дуб-старший, Дуб-младший и королева Бэйла. Три в одном	79
Глава 11. Профессор Романов. Одна из граней Создателя	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Тайна пролива «Врата скорби» Том третий

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2017

ISBN 978-5-4485-7012-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Профессор Романов. Куда мы попали?

Солнце пекло немилосердно. Еще и эйфория от победы добавляла жару в разгоряченное тело. Но пот, который выступал на широком лбу Алексея Александровича, мгновенно высыхал – так, что его не приходилось поминутно вытирать. Такое сладкое слово «Победа!» заполняло все тело, без остатка. Казалось, ничто в этот день не сможет потеснить его в душе – ни кровавые останки двух предводителей племени неандертальцев, ни горькое понимание того, что в экспедициях разведгруппу никогда больше не будет сопровождать бесстрашный алабай, ни...

– Командир!

Этот окрик, полный недоумения и нешуточной тревоги, вернул профессора Романова с небес на грешную землю; на ту самую землю, где только что закончил свое тысячелетнее существование Спящий бог. То обстоятельство, что злокозненное божество, источник всех их бед (и обретений – что уж отрицать!) оказался одной из ипостасей их командира, полковника Александра Николаевича Кудрявцева, почти не удивило профессора. Над этим можно будет подумать потом, в уютной гостиной, за чашкой крепкого чая. Теперь же...

Все, как по команде, обернулись к огромной фигуре сержанта Левина. Последний, как оказалось, был одним из немногих, кто наблюдал за беспрецедентной битвой человека с богом (точнее, человека с самим собой), облаченным в полный боевой наряд. Шлем из непробиваемой пластмассы, что Борис (он же Барух, он же римский патриций Марк Туллий) держал в руках, лишь подчеркивал его ежесекундную готовность к бою.

– Вот так же, – успел невольно подумать Алексей Александрович, – Борис когда-то жил в режиме «Всегда готов» в далеком... будущем – в горах Афганистана. И вдобавил эти навыки в Борькину голову командир, Александр Николаевич.

А полковник Кудрявцев уже стоял рядом с Левиным, и тот чуть растерянно, но очень четко докладывал:

– Нет никаких неандертальцев, товарищ полковник! Ни их самих, ни стойбища... И вообще – ничего нет!

– Ага, – вспомнил Романов последний приказ командира, – это именно Борис побежал за вождем Дену, лишившимся сегодня деда и сына, и оставшимся единственным и последним «Высшим не-зверем». Впрочем, есть еще маленький Де... или нет?!

– Поконкретней, сержант! – резкий командный голос заставил Левина вытянуться по стойке «Смирно», а потом четко доложить:

– Товарищ полковник! За пределами лагеря наблюдается полное отсутствие привычной местности. Нет ничего – ни стойбища, не степи, ни стад животных.

– А что есть?

Сержант на пару секунд задумался, а потом выпалил:

– Степь! Бескрайняя степь. Совсем другая. И трава не совсем обычная – какая-то рыжая.

– Высохла, что ли? – это рядом с командиром возник вездесущий Никитин.

Он, кстати, тоже был в костюме разведчика; только шлем где-то оставил. Сержант пожал плечами, и поднял голову вверх, вслед за командиром. Профессор, да и многие рядом, выпавшие из цитадели сразу после низвержения божества, тоже устремили взгляды кверху, чтобы тут же прикрыть глаза от ослепительных лучей солнца – кто чем. Сам профессор воспользовался ладошкой. Но и сквозь нее – показалось Алексею Александровичу – радужную оболочку, и дальше, хрусталик, и даже часть головного мозга, отвечающего за зрение, немилосердно жгло. И он совсем не удивился, когда полковник Кудрявцев громким голосом скомандовал:

– Всем в укрытие! Живо все в цитадель!

Команды Александра Николаевича все привыкли выполнять без рассуждений. В том числе и потому, что полковник обычно подробно объяснял; буквально «разжевывал» каждое

свое распоряжение. После его выполнения, конечно. И всегда Алексей Александрович удивлялся разумности и очевидной необходимости выполнения принятого решения; но больше тому, что ему самому, в прошлом (или будущем) профессору Санкт-Петербургского университета, не пришла в голову такая простая мысль раньше. Теперь же в голосе командира Романов различил и тревожные нотки. В сердце профессора, тоже бросившегося к распахнутым настежь дверям, противно заныло: «Неужели сработало то самое чувство прорицателя, которое командир уже давно не демонстрировал? Неужели?!...».

Последняя мысль не успела сформироваться; ее перебил ужасный рев, который буквально подтолкнул в спину Романова, уже влившегося с общей человеческой рекой в просторный холл цитадели. За себя Алексей Александрович не беспокоился; надежность цитадели, возвышающейся над Цветочным городом, была проверена в недавней битве со Спящим богом. Но успеют ли скрыться от неведомой пока опасности; вбежать в двери, прежде казавшиеся такими широкими, а теперь немилосердно узкие, все, включая самого последнего из сородичей – полковника Кудрявцева? Командир, конечно же, не скроется за нерушимыми стенами, пока не убедится – снаружи не осталось никого.

Алексей Александрович замедлил было шаг, чтобы убедиться – это именно командир с громким стуком захлопнул входные двери, отрезая от надежного, уютного мирка цитадели и грозный рев неведомого врага, и солнце, такое неласковое сегодня, и все остальное, не имевшее отношение к главным ценностям нынешнего бытия профессора Романова. Последняя мысль заставила работать ноги быстрее. Теперешний профессор – молодой и тренированный разведчик – одним дыханием вбежал по крутой лестнице на самый верхний этаж – в зал с круговым панорамным окном, откуда совсем недавно он наблюдал за битвой полковника, и где находилась главная ценность этого мира.

– И всех остальных тоже! – Романов только теперь почувствовал, как разжалась внутри тугая пружина.

«Спусковым крючком» для этой пружины послужило встревоженное, но одновременно вспыхнувшее радостью лицо самого родного человека во Вселенной – Тани-Тамары. Русская никарагуанка прижалась к мужу всем телом; прежде всего животом, который тут же ткнулся в профессора чуть заметным толчком новой жизни.

– Дочки, – профессора захлестнуло теплой волной, имевшей запах любимой женщины, и маленьких, еще не рожденных человечков, – вот так бы и стоял, не отпуская тебя, родная...

Отпустить пришлось. Не совсем, конечно; к панорамному окну – к той его части, что выходила на частичку садов Семирамиды, которые очень органично вписались меж артефактов самых различных земных народов, и где толпился практически весь Совет; еще и несколько «лишних» затесались... Так вот – к командиру, который неведомым образом оказался тут раньше профессора, он подошел в обнимку с Таней-Тамарой. Полковник не обернулся, лишь чуть подвинулся, плотнее прижавшись к Оксане, тоже придерживающей руками большой живот.

– Как она-то успела?! – удивился было Алексей Александрович, вспомнивший, что совсем недавно Кудрявцева стояла внизу, рядом с мужем, – разве что он ее сюда на руках принес?

А потом и эта, и все остальные мысли растаяли бесследно; осталось лишь ярость и безмерное огорчение при виде непотребства, творящегося в любимом месте отдыха горожан. Посреди чудесного парка топтался огромный зверь, напомнивший профессору хищников, с которыми разведгруппе пришлось столкнуться за рекой, за Волгой.

– Да это же тираннозавр! – первым, конечно же, воскликнул Толик Никитин, тоже прижимавший к себе беременную «половинку», – какой огромный!

Зверь, действительно сильно напоминавший и очертаниями, и повадками – ломаными прыжками – вымершее доисторическое животное, топтался по цветущему уголку города

с видимым (так показалось профессору) удовольствием. И он многократно превышал тех, чью популяцию под корень извела разведгруппа.

– Пожалуй, ростом будет как раз с цитадель, – решил Алексей Александрович, крепче прижимая к себе супругу.

– Ты лучше на дубинку в его руках посмотри! – посоветовал Анатолию Левин, который уже занял свое место согласно боевого расчета.

Он стоял у «Корда», закрепленного на станке как раз напротив разгрома, что учинял сейчас хищник. Его палец расположился на спусковом крючке крупнокалиберного пулемета производства Ковровского завода имени Дегтярева, и профессор вдруг прочувствовал нестерпимое желание сержанта нажать на этот крючок, и не отпускать его, пока в ленте не закончатся патроны двенадцатого калибра.

Зверь за оградой первого периметра обороны города как раз высоко поднял дубинку, которая представляла собой толстый ствол какого-то дерева, очищенный от сучьев, и обрушил ее на крышу русской бани. Здание, которому была нипочем ярость Спящего бога, сплющило, как картонный домик. Зверь еще и наподдал по руинам трехпалой ногой, «украшенной» страшными когтями-кинжалами. Бревна, обломки досок, искореженное железо и кирпичные обломки от печки полетели направо, добавляя разрушений в саду. В зале раздался общий вздох боли и негодования; профессор отметил это, лишь когда понял, что сам чуть не плачет при виде чудовищного разорения воплощенной мечты. Этот многоголосый стон разрежала, как острым клинком, команда командира:

– Бэйла!

Обычно после этой короткой команды, в которую в бою превращалось имя снайпера разведгруппы, раздавался выстрел; или два, три... в зависимости от целей, которые нужно было поразить. Здесь цель была одна – огромная, по которой промахнуться не смог бы даже профессор. Романов не заметил, как в руке полковника оказался пульт автоматического управления толстыми стеклами панорамы; непробиваемая пластмасса дрогнула, и раздалась надвое – как раз напротив снайпера. На этот раз в руке Бэйлы Никитиной был американский трофей – страшный в своей точности и убойной силе «Барретт». Сухо и громко в замкнутом пространстве грохнула винтовка, и Алексей Александрович, как и многие вокруг отличавшийся в последнее время исключительным зрением, увидел, как от височной доли громадного зубастого черепа брызнуло кровью, и чем-то на удивление мелким и (так показалось Романову) неопасным для жизни бесчинствующего животного. Но удар стальной пули зверь, несомненно, ощутил. В узкую щель успел ворваться возмущенный, и угрожающий рев, который перебил звук второго выстрела. Было ли это совпадением, или гигант обладал предчувствием, сравнимым с тем, что отличало полковника Кудрявцева? Зрение не подвело профессора и на этот раз. Он прекрасно видел, как оба глаза «тираннозавра» отгородились от мира веками, и пуля, вылетевшая из оружия с прицельной дальностью в две тысячи метров, и пролетевшая не больше сотни из них, не смогла пробить эту тонкую преграду! Да – уродливую голову ощутимо дернуло назад; да – в реве чудовища добавилось жалобных ноток, но зверь лишь мотнул мордой, разбрызгивая кровь, и открыл глаза – целые, и горящие всесжигающей яростью. Он пригнулся, явно собираясь совершить прыжок к цитадели – туда, откуда летели больно жалящие стальные «осы». Но раньше прозвучала еще одна команда Кудрявцева:

– Сержант! Короткими.

Теперь стекло разверзлось перед хищным стволом «Корда». Одновременно Бэйла едва успела дернуть свой «Барретт» назад, и щель против нее «затянулась» от невидимого Романову движения пальцев командира. Первая очередь на три патрона двенадцатого калибра впечатления на профессора не произвела. Алексей Александрович видел прежде, как единственная пуля отбрасывает назад взрослого бизона, «летевшего» ей навстречу. А еще – как целая очередь буквально разрывает в клочья стаю медведесобак. Теперь же весь эффект от страшных

тяжелых пуль выразился в строчке кровавых отверстий на брюхе тираннозавра (может, болезненных, но явно не смертельных) и оглушительном реве разъяренного зверя.

Очередной команды Кудрявцева Александр Николаевич не услышал; скорее всего, с подчиненным полковник обменялся какими-то безмолвными знаками, понятными лишь им двоим. Немилосердно терзающий уши вой раненого животного как отрезало – это перед «Кордом», так и не доказавшим свое превосходство над живой плотью, сомкнулись прозрачные створки. Но ярость, которая выплескивалась из тираннозавра, казалось, пробивалась сквозь нерушимую преграду. Так же, как огонь неповрежденных диких глаз, обещавший сжечь, испепелить безумцев, посмевших встать на его пути. И даже (профессор каким-то чудом угадывал, «читал» мысли зверя!) нанесшего ему мучительные, хоть и не опасные раны.

– А ведь я действительно читаю его мысли! – изумился, а потом ужаснулся Алексей Александрович.

Ужаснулся – потому что понял – это сам зверь внушает свои мысли! И что если он сейчас... Последняя мысль ужасного создания материализовалась – в страшном ударе дубинкой, которая обрушилась на стену, что отделяла центральную часть города от жилой, и от порушенного парка. Что было для несокрушимого пластмассового монолита обыкновенное бревно? Пусть огромное; пусть явно очень твердое, способное передать ярость монстра, оно переломилось с громким противным треском – словно это у самого тираннозавра хрустнул хребет. Профессор готов был поспорить на что угодно, что этот звук действительно прозвучал в его ушах. Столь же непроизвольно поморщились и дернулись ладонями к головам многие вокруг. Но кто явно расслышал этот треск – так это сам динозавр. Он с проступившим на морде изумлением поднес к собственным глазам обломок гигантской дубинки, и взревел (так понял из-за стекла Алексей Александрович), облекая свое недоумение и ярость во вполне понятный вопрос:

– Как это?! Кто посмел встать между мной и жертвой?!!

Романов содрогнулся. Только теперь до него дошло – мысль динозавра действительно была реальной; и она с легкостью преодолевала прозрачную преграду, которая прежде казалась абсолютной защитой – от всего и всех. Холодным и отрезвляющим душем на профессора, и остальных соратников, тоже побелевших от недоброго предчувствия, пролились слова командира:

– Да, такого варианта мы не рассматривали. Что ж, учтем. А ты, дружок, сам напросился. Теперь тебя в живых оставлять никак нельзя.

Какой скрытый смысл (а может, и не один) был в последнем утверждении полковника Кудрявцева? Профессор понять не успел. Он в панике отшатнулся от окна, когда тираннозавр отшвырнул в сторону обломок бревнышка, и одним прыжком оказался у цитадели. Отстраненный разум ученого отметил, что в оценках размеров животного профессор не ошибся. Сейчас глаза врага, стоящего рядом с центральным зданием города, практически упирались взглядом в его собственные. Только то обстоятельство, что цитадель представляла собой достаточно пологую трехступенчатую пирамиду, не позволяло сейчас зверю прижаться носом к холодному прозрачному окну. Впрочем, он чуть нагнулся – и вот уже немигающие глаза дикого животного растут, затягивают профессора внутрь себя, и командуют, требуют...

– Оксана, давай!

Профессора теперь словно окатили океаном ледяной воды; он встряхнулся всем телом, как собака, разбрызгивающая во все стороны ледяные капли воды. Все тот же внутренний холодный разум, возвращенный еще на кафедре Санкт-Петербургского университета, отметил и злую нацеленность команды: «Не жалеи!»; и некоторую совсем не присущую командиру неуверенность, которую сам Романов оценил как просьбу любимой женщине и еще не рожденным сыновьям простить за то, что бросил их в бой – прежде, чем вступить в него самому.

Окно опять раздвинулось, впуская внутрь жуткую атмосферу опасности; теперь напротив Оксаны Кудрявцевой. И навстречу монстру полетел предупреждающий, а потом и вовсе

убийственный ментальный удар женщины, от которого волосы на голове профессора Романова встали дыбом, а сам он опять сжал уши руками так сильно, словно хотел раздавить собственный череп. Хотя ни один звук на самом деле в зале не раздался. Острие этого невидимого и неслышного удара было направлено точно в морду животного. Словно гигантский боксер, чемпион всех Олимпийских игр всех миров, вложил свою силу в этот удар. Тираннозавра буквально отбросило назад, на стену первого пояса обороны. Но хребет доисторического животного оказался крепким. Хруст, который так надеялся услышать Алексей Александрович, так и не обрадовал его слуха. А вот выражение помятой морды монстра... Оно явно было осмысленным; а еще – неимоверно злым и злорадным – словно зверь уже знал, как преодолеть ментальную защиту цитадели. Последнюю?

Профессор невольно бросил взгляд на того, с кем весь небольшой народ связывал свои надежды с безопасностью; с будущим. Эта надежда, полковник Кудрявцев, был задумчив, и чем-то явно удивлен. Но главное – он был спокоен, и (это профессор понял лучше, чем любой другой человек, кроме, наверное, Оксаны) немного раздосадован. Вот так же и сам Алексей Александрович досадовал, когда его эксперимент заканчивался раньше намеченного; когда не все возможные ответы на бесчисленные вопросы были получены. Романов мгновенно успокоился. Он понял, что командир с самого начала держал ситуацию под контролем; что он в любой момент мог прервать этот опасный «эксперимент», и что...

Внимание тираннозавра вдруг переключилось на другой предмет. Да – теперь только так можно было назвать останки вождей неандертальцев. Недавно могучие, свирепые – они лежали на ступенях цитадели изломанными куклами. В лапах динозавра это сравнение стало еще правдоподобней и страшнее. Потому что такими куклами профессор не пожелал бы играть ни одному ребенку; даже рожденному самкой динозавра. А сам тираннозавр оглядел тела поочередно, и бесстрастно откусил половину от младшего («Молодого и более вкусного!», – перевернулся от отвращения Романов) вождя. Пожевав в задумчивости, и проглотив месиво, чудовище вполне по-человечески кивнуло, словно одоббив вкус новой пищи, и вдруг взревело, подняв окровавленную морду к обжигающему солнцу. И это – оценил профессор кивок уже командира – было продолжением эксперимента. Сам динозавр, конечно же, не подозревал, что его действия изучаются, откладываются в памяти для последующей «разборки полетов». Алексей Александрович едва не сплюнул; не сделал этого лишь потому, что в ступоре не смог определить, какое плечо у него левое. А поддаться слепому порыву из детских еще страшилок едва не заставило это самое слово – полеты. Сверху, со стороны безжалостного солнца, прямо к тираннозавру спикировала стая птиц. Огромных, под стать монстру, и совершенно не боящихся его. Более того – тираннозавр что-то прорычал, явно приветственное, и бросил останки тел орлам (так пока решил называть птиц профессор). Меньшую – половинку от Дена – пара гигантских птиц перехватила на лету; они тут же понеслись обратно, с трудом набирая высоту, и исчезая в расплавленном огненном океане солнечных лучей. Второе тело – старого неандертальского колдуна – летающие монстры не удержали.

– Скорее всего, – понял наблюдатель внутри Романова, – для двух орлов ноша неподъемна, а больше «народу» подлететь не смогли – крылья помешали.

Впрочем, заминка была недолгой. На удивление разумные в упорядоченности действий птицы справились с «проблемой» быстро и кроваво. В ход пошли не кривые клювы и острые когти. К изумлению и незримого наблюдателя, и профессора Романова в целом, один из орлов (остальные не мешали) приступил к «делу», как опытный мясник. Опустившись у тела, лежавшего на первой ступени цитадели, он взмахнул крылом, как заявленный мясник топором. Человеческая (точнее, неандертальская) плоть не выдержала удара перьев.

– Они что, у него, железные? – не выдержал рядом Толик Никитин.

Это был первый вопрос словоохотливого тракториста сегодня; что само по себе говорило о неординарности событий. Ответить никто не успел – так быстро орел «разделал» громадное

тело «не-зверя» на аккуратные части. Такие, что теперь орлы могли утащить их в одиночку. И унесли – подлетев к ним поочередно, не толкаясь; явно подчиняясь какому-то порядку.

– А может, команде?

Никитин, изо рта которого явно «вытащили затычку», перебил мысль, воскликнув:

– Знаете, что это напомнило мне? Собакомедведей – тех самых. Вот так же они тащили добычу в логово, своей...

Он опасливо поглядел на Оксану, которая не любила воспоминаний о битве с Седой медведицей, и на всякий случай «спрятался» за хрупкой фигуркой жены, Бэйлы. Оксана отреагировать не успела; как и никто другой. Потому что тираннозавр, проводивший взглядом последнего «перевозчика» (свободные от груза орлы кружили над цитаделью, и было их очень много), и опять оказался напротив панорамного окна. А оно – к изумлению и ужасу Алексея Александровича – было широко распахнутым. И встречал монстра полковник Романов; с арбалетом в руках. Оружие это было несравнимым с громадным монстром; для непосвященных – просто смешотворным. Что мог сотворить арбалетный болт там, где бессильными оказались стальные пули двенадцатого калибра?

– Все! – хотел выдохнуть Романов.

Но раньше выдохнул сам командир. Тираннозавр, очевидно, тоже озадачился такой беспечностью врага. Он даже открыл в недоумении рот, показав острые страшные зубы и длинный синеватый язык, с которого стекала тягучая кроваво-красная струя слюны. Вот в это жуткое отверстие и полетел оперенный пластмассовый болт, а прежде него команда полковника Кудрявцева: «Умри!».

Монстр, наверное, умер прежде, чем болт пронзил головной мозг. По крайней мере, в его глазах жизнь истаяла раньше, чем оперенный наконечник исчез за сомкнувшимися с громким клацаньем клыками. Но тело еще жило; оно сопротивлялось, и явно желало нанести больше урона победившему врагу. Короткие, но невероятно сильные передние лапы динозавра царапнули когтями по стеклу, не оставив на нем ни единого следа. От этого движения динозавра повело влево; учитывая его огромный рост, и ту энергию, с которой мертвый уже монстр переступал толстенными ногами, этот рывок протащил его через одну стену, заставив монстра запнуться об один из жилых домов; потом огромные следы появились на огородах. За спиной профессора жалобно вскрикнула Оля Ульянова, главный садовод и огородник города. Потом там же, за спиной, облегченно вздохнули – на посевном поле незрячий, и не дышащий уже динозавр попал как раз на мягкую почву, недавно подготовленную под посев. Глубоко утопая в мягкой удобренной почве, монстр успел дотащиться до последней, шестиметровой монолитной стены; перепрыгнуть через нее не сумел. Постояв и пошатавшись, он в последний раз махнул толстым хвостом, и это движение заставило мертвое тело перевернуться через ограду, и упасть прямо на рядок живой «пластмассовой фабрики» – на удивительные деревья, что горожане высадили последним поясом вокруг своего Цветочного города. Впрочем, в этом поясе росло еще много чего интересного и полезного; но именно пластмассовые деревья приняли на себя последний удар гигантского тела.

Ни треска ломаемых ветвей, ни картинки сокрушенных в клочки стволов профессор не воспринял; но теплый, даже жаркий ветерок, вдруг подувший в открытое окно с места гибели динозавра, почти сразу донес приторный запах пластмассы. Невольная мысль: «Сколько добра пропадает!», – тут же вытеснил тревожный крик Бэйлы. И следом радостный шумок зрителей этой битвы перечеркнул далекий, жуткий вопль. Человеческий вопль. Командир негромко и зло выругался. В начале их беспримерной эпопеи – в январе первого года нового мира – полковник не раз вот так же бессильно сжимал кулаки, и скрипел зубами; когда ничем не мог помочь сотоварищам. Теперь же две фигурки; два человека, почему-то оказавшиеся далеко от цитадели, и теперь – после гибели монстра – бросившиеся к ней со стороны огородов, были обречены. Ни командир с арбалетом, ни грозный «Корд» сержанта Левина, ни

снайперские винтовки не могли мгновенно перебить целую стаю пернатых спутников убитого динозавра.

Орлы закружили самую настоящую карусель; их действия опять были вполне разумными, и оттого особенно страшными. Натываясь на злые пули, и еще более убийственные болты, они падали, дергались в стороны, но свое черное дело сделали. Страшная картина расправы с беззащитными людьми, оказавшимися посреди поля, потрясла своей быстротечностью, и какой-то картинностью действия. Орлы, которых пока миновала участь убитых сородичей, плавно снижались над обреченной парой, и резко сводили крылья. Из последних вниз летели перья, сравнимые по своей убойной силе с арбалетными болтами. Профессор возненавидел обретенную зоркость. Он истово желал, но не мог отвести взгляда; от того, как тяжелые перья пронзали человеческую плоть насквозь, и как на черной земле вздрагивали уже мертвые тела товарищей.

Наконец, полковник опустил арбалет, и глухо скомандовал: «Все! Закончили!». Орлов в небе было еще немало, но профессор, как и сержант, и Оксана с Бэйлой, до того методично уничтожавшие страшных птиц, тут же отреагировали. Алексей Александрович – вопросом самому себе: «А как же с остальными?»; стрелки – беспрекословным выполнением команды. Лишь Ирина Ильина не остановилась, нажала на курок еще три раза, доведя собственный счет до...

– До Бэйлы с Оксаной, – процедила негромко, сквозь зубы, снайпер.

Однако ее услышали и командир (скорее всего), и сержант Левин, который, как начальник охраны, в пределах города имел возможность командовать и разведчиками.

– Три наряда вне очереди, – бросил он, не поворачиваясь к Ильиной.

Ирина, помедлив, все же ответила:

– Есть, три наряда вне очереди, товарищ сержант.

Голос ее при этом был скорее торжествующим, чем виноватым; но выражение лица тут же поменяло это восторженное выражение – как только Анатолий рядом спросил:

– Не разглядели, кто это был?

– Чжай, – внешне уже совсем спокойно ответил командир, – из тайваньцев... с женой.

Он замолчал, явно ожидая еще вопросы. Первым не выдержал профессор. Он спросил, недоумевая, как, наверное, и все вокруг:

– А почему, Александр Николаевич, вы не всех... Ну, орлов?..

– А зачем? – задал встречный вопрос Кудрявцев («Не даром в жены взял израильянку», – по-доброму усмехнулся Алексей Александрович), – ребятам уже ничем не помочь (командир показал на место, откуда шустрые птицы уже поднимались с ужасным грузом); уязвимые места врагов нам известны, а расход патронов у некоторых снайперов...

Кудрявцев не смотрел на Ильину, но та вся сжалась – явно в азарте выпалила немало патронов в белый свет, как в копеечку. Командир продолжил:

– А «птички» – какими бы страшными они ни были – еще и послужат нам. Смотрите!

Палец командира указывал теперь в полуоткрытое окно – в ту точку, где можно было разглядеть мертвого динозавра. От туши – на расстоянии такой некрупной и не страшной – одна за другой поднимались темные точки, медленно исчезающие вдаль.

– Есть желающие поучаствовать в разделке динозавра? – командир повернулся ко всем, – и перевозке его на безопасное расстояние? Желания попробовать его на вкус, я так понимаю, тоже ни у кого нет? Даже у тебя, Роман Петрович?

Доцент, тоже присутствующий здесь, и до сих пор скромно державшийся за спинами товарищей, засмутился, и отчаянно замотал головой.

– Как-то он слишком сильно краснеет, – подумал Алексей Александрович, раньше за другом и земляком не отмечавший такую особенность.

Игнатов тем временем замер; его лицо, пылавшее только что огненно-красным румянцем, вдруг начало стремительно бледнеть; он упал мешком так неожиданно, что никто не успел

поддержать его. Может, еще и потому, что рядом на теплый пластмассовый пол, которому необычайные способности командира придали внешний вид и текстуру благородного дерева, начали падать и другие тела.

Глава 2. Анатолий Никитин. Тракторист, разведчик и генератор идей

Неосознанная сила, с которой не могли справиться никто и ничто, бросило Анатолия к самому родному, что было у Никитина в мире («Или мирах!», – эта мысль тоже промелькнула, и пропала) – к Бэйле. То, что творилось вокруг с товарищами, падавшими на пол без всяких признаков внешнего воздействия, отошло на второй план – вот таким эгоистом оказался Толик. Оправдывать себя он не стал – не было ни времени, ни желания. А потом все смыла огромная и живительная волна облегчения – его Бэйла стояла, как ни в чем не бывало; больше того – она единственная сейчас «держала периметр» – и за себя, и за Борьку Левина, и за двух подруг; Оксану и Ирину Ильину. Последняя, впрочем, держать не могла не то что периметр, но и ничего другого – она, как и немногие вокруг, лежала без сознания на полу.

Анатолий, уже принявший жену в объятия (так, чтобы не мешать держать тот самый периметр) и сомкнувший руки на животе Бэйлы, отозвавшимся изнутри упругим толчком ребенка); не бросился к Ирине – там уже застыл с растерянным лицом Марио. А с другой стороны снайперши склонилась с сосредоточенным лицом Света Кузьмина, теперь Левина. Удивительная трансформация, которой подверглось ее тело, и благодаря которой Света превратилась в статную богатыршу трехметрового роста, ничуть не повлияла на ее целительские способности. И сейчас Никитин облегченно кивнул в уверенности – с Иришкой все будет в порядке.

– Даже надежнее, – пробормотал он, – чем если бы за дело взялся доктор Браун. А где, кстати, он? Только что сопел за спиной.

Доктор тоже лежал, раскинув руки широко – как на пляже. Рядом, что естественно, застыла на коленях Зина Егорова – главная кормилица города. Она так и не поменяла фамилию на аристократическое Браун, хотя они с доктором заняли индивидуальный особнячок одними из первых.

Короткое слово – «пляж» – царапнула какую-то струнку в душе; заставило мысли Никитина заметаться в поисках. Он остановился взглядом на застывшей посреди зала фигуре профессора Романова.

– Впрочем, – отметил он, – «орудие главного калибра» Алексея Александровича – голова – не застыла. Она сейчас фиксирует все происходящее здесь, и командует руке, быстро черкавшей что-то в блокноте. Собирает факты. А потом он сядет, и будет думать, думать – чтобы поразить всех глубокомысленными выводами. А что тут думать? И так все ясно.

Он набрал воздуха в грудь, и негромко, но четко – так, чтобы не оглушить жену – провозгласил на весь зал:

– Это солнечный удар. Необычный, очень жесткий и стремительный, но вполне объяснимый.

– И как ты, Анатолий, объяснишь..., – резко повернулся к нему профессор.

Никитин перебил его движением руки, одновременно облегченно вздыхая при виде того, как Светлана легко и грациозно, несмотря на размеры, вскочила на ноги, чтобы через пару шагов склониться над другим недвижимым телом. Это был доктор Браун, и Зинаида рядом подняла к целительнице взгляд, полный муки и надежды. К словам Анатолия прислушивались все – даже те, кто сейчас нетерпеливо ждал Левину рядом с телами своих бессознательных близких.

Анатолий обратил общее внимание прежде всего на себя – на ту энергию, что переполняла его; буквально перехлестывала через край.

– Я думал, что это эйфория от победы... над богом, а потом над чудовищем... Но только теперь понял – это тоже связано с солнцем; с очень злым солнцем. Словно я через кожу, всем организмом смог питаться его энергией. Ну... как наши полупроводники – напрямую.

– А как же Роман Петрович, и доктор, и все остальные?

Штатный оппонент, Алексей Александрович Романов, профессор Санкт-Петербургского университета, даже перестал мучить ручку и блокнот. Доктор, кстати, уже сидел на полу с вполне осмысленным взглядом.

– Все очень просто, – тракторист, в отличие от того же профессора, никогда не стеснялся резать правду-матку в глаза, за что ему нередко попадало – и в прежней жизни, и здесь, в городе, – ни доктор, ни доцент к когорте бессмертных не относятся. Потому для них жесткое излучение местного светила оказалось почти смертельным.

– А...

И опять тракторист перебил профессора, чуть сильнее прижавшись к спине супруги:

– А моя Бэйла не пострадала. Потому что – в отличие от некоторых (Анатолий поостерегся посмотреть в сторону «некоторой» Оксаны; махнул на Ильину) она не покинула поста. Даже в минуту всеобщего ликования. И под лучи солнца не попала. За что я сейчас при всех и поцелую.

– Шестнадцать раз, – быстро отреагировала Бэйла.

Тем временем Левина, показывающая чудеса исцеления – главным образом стремительность, с которой возвращала пострадавшим сознание и естественный цвет лица, перешла к последней фигуре на полу – Валерке Ильину. Впрочем, так – Валерка – степенного и всеми уважаемого коменданта называл один Анатолий. Ему, балагуру и весельчаку, прощалось и разрешалось многое.

– Но не все, – остановил себя Анатолий, – к командиру, и... той же Оксане я бы вот так запанибратски не подошел бы. Да и к Зине Егоровой – хоть и на ты, но со всем уважением.

Командир, между тем, словно услышал его мысленное обращение, вернул себе бразды командования. Его спокойный голос с заметной лишь для самых близких товарищей ноткой горечи заполнил зал:

– Сержант! Почему люди оказались за пределами защищенной территории? Да еще – без защитного камуфляжа?

Этот вопрос Анатолий уже задавал раньше – самому себе. Но ответа пока не нашел.

– Так ведь, – запнулся совсем не по-армейски Левин, – они – Чжай с женой – сегодня в карауле Северного поста. Как раз их смена была. А почему без защитного комбинезона?.. И почему выскочили из помещения поста?..

Сержант пожал плечами, и замолк с виноватым выражением лица. Он и ростом, казалось, стал меньше; сейчас этот трехметровый гигант выглядел как бы не ниже и тщедушней стоявшего перед ним командира.

– Хорошо, – полковник отвернулся от начальника охраны, ничем не выдав ни злости, ни обещания неминуемого наказания, – доктор Браун, Левина!

Два представителя разных ветвей гиппократовой науки вытянулись во весь рост.

– Сейчас спускаетесь в общий зал; помогаете пострадавшим... Ну – что стоите? Выполнять!

Целители исчезли быстрее, чем Анатолий успел моргнуть.

– Сержант! Организовать наблюдение – чтобы муха мимо цитадели незамеченной не пролетела.

– Есть! – Левин словно опять вырос, вернулся к своим внушительным габаритам.

– За пределы цитадели – ни одного человека без команды. А такой команды не будет... в течение ближайшего часа. Ровно через час (и сам командир, и сержант; и многие другие, как

и Анатолий, метнулись взглядами к наручным часам) всех собрать в столовой. Все – выполнять!

Левин тут же убежал, а полковник обвел зал еще одним, теперь уже оценивающим («Скорее – выбирающим», – догадался Анатолий, выдвигаясь вперед) взглядом. Кудрявцев его движение, означающее готовность к действиям, оценил; начал перечислять именно с него:

- Никитин, Алексей Александрович, Ильин... ты как?
- Нормально, Александр Николаевич, даже голова не кружится.
- Хорошо, тоже со мной... Ульянова, и...
- И я, – вперед шагнула, предварительно кивнув Бэйле, Оксана.

Двигалась она, несмотря на восьмой месяц беременности, легко и быстро. Командир – даже если и имел что-то против ее инициативы, возражать не стал. Больше того – Анатолию показалось, что он совсем незаметно вздохнул с облегчением, и такой же невидной большинству радостью. И Никитин хорошо его понимал – он бы и сам предпочел сейчас оставаться рядом с женой.

- Но, – подумал он, целуя Бэйлу в висок, – есть такое слово: «Надо!».

Как оказалось, маленький отряд, что собрал командир для исследования неизвестной пока цели, пополнять не имело смысла. Именно шесть человек свободно вмещалось в электро-мобиль охраны, что юрко передвигался по подземным туннелям города. Дежурный водитель, начальник смены, и две очередные смены для двух постов – каждые два часа два таких автомобиля бесшумно скользили: один к Северному и Восточному постам; второй, соответственно, к Южному и Западному. Усаживаясь рядом с водителем, которым сегодня, конечно же, был Анатолий, полковник констатировал:

- До смены еще больше часа. Пусть сержант сам меняет посты. А мы пока...
- На Северный, – Никитин привычно опередил размеренную речь командира.

Кудрявцев привычно кивнул, не делая замечания; к несдержанности тракториста на язык он относился сдержанно.

Никитин запустил двигатель нажатием пальца на кнопку. Он невольно вспомнил их первый день появления в новом, полном опасностей и приключений мире. Тогда, восемь с лишком месяцев назад, он вот так же тыкал пальцем, пытаясь завести мотороллер в разгромленном сирийском лагере. Будь сейчас у тракториста время, он бы с гордостью оглянулся назад, в прошлое; отметил бы, как много успели сделать и сам он, и его товарищи за эти месяцы. Теперь же внимания хватило лишь на то, чтобы в который оценить несокрушимую мощь подземного перехода, по которому целый километр идеально ровного пути электромобиль промчался меньше, чем за полторы минуты. Командир его лихость осаживать не стал – и сам, как видимо, торопился; и мастерство водителя успел оценить много раз.

Автомобиль плавно остановился у дверей, ведущей в здание, которое венчал Северный пост, и Анатолий повернулся, одобрительно подмигнув коменданту. Именно Ильин в свое время настоял на такой вот разветвленной системе подземных переходов, и переездов, позволяющих перемещаться из одной части города в другую быстро и, как оказалось, вполне безопасно. Валерий улыбнулся в ответ, и первым взялся за дверь, открывая ее перед командиром. Полковник скользнул вперед, скомандовав Анатолию: «Страховка!». Вообще-то обычно в авангарде и арьергарде ставились самые опытные бойцы; Анатолий себя к таковым не относил. Были в разведотряде, разросшимся до двух десятков человек, профессиональные военные, чемпион мира по единоборствам, и даже самый настоящий гладиатор. Но сейчас именно Никитина командир считал достойным прикрывать тылы, и тот невольно заполнился гордостью. Что, впрочем, не мешало ему исполнять свои новые обязанности со всем рвением.

Огромный зал, в который попали разведчики, был пуст. Комендант впереди едва заметно вздохнул. Он сам в свое время настоял на строительстве этих четырех помещений, каждое из которых занимало площадь ровно в один гектар, по углам разросшейся городской террито-

рии. Анатолий знал, что два из них – Южное, и Западное – уже как-то используются. Здесь же прижимистая душа Валерки Ильина страдала от такого безобразного, нерационального использования складских площадей.

– Или производственных, – поправил себя тракторист, – а может, животноводческих, или ремонтных – что тут придумает комендант?

Пока же группу встретили только ряды высоких колонн, которые поддерживали потолок (она же крыша) на высоте десяти метров. Как уверял сам комендант, никакой необходимости в этих колоннах не было. Нарощенному по месту монолиту крыши из пластмассы толщиной в стандартные четверть метра обрушение не грозило. Ему вообще не грозило ничего из известных Анатолию опасностей.

– Кроме того самого тираннозавра, с его невидимым ударом по башке.

Никитин повел стволом АКМ налево – именно там, по его расчетам, за стеной ангара лежал поверженный монстр. А командир уже понимался по лестнице – туда, где в наружном углу крыши над местностью возвышался Северный пост. Тугая пружина, свернувшаяся внутри Анатолия, никак не хотела разжиматься. Даже тогда, когда дверь громко хлопнула, и шестерка разведчиков оказалась внутри поста; одного из самых защищенных мест города. Внутри пост напоминал верхний этаж цитадели; уменьшенный в несколько раз. Те же панорамные окна; великолепный обзор на все четыре стороны. Только «Корда» на станке не было; всю защиту этого передового поста составляли два автомата Калашникова, сейчас валявшихся на полу, бинокли рядом, тоже полагающиеся по штатному расписанию дежурной смене, и комплекты камуфляжной защиты – маленькие и жалкие в таком, брошенном состоянии.

– Не очень крупным пареньком был Чжай, – пробормотал Анатолий, – а его жена еще меньше.

Никто не скривился, не одернул тракториста; сейчас они были в поиске, и места эмоциям не было. Разве что у Ульяновой, односельчанки Никитина, дрогнули уголки губ – все-таки она не была разведчицей; со смертью в последний раз встречалась, наверное, когда лагерь сотрясала череда злодеяний Зинаны Арчелия – академика и кровавой маньячки.

У окна чуть слышно присвистнул командир, и все дружно подскочили к нему. Удивление полковника Кудрявцева было понятно. От громадного динозавра, едва не разорившего город, мало что оставалось. А над его останками, такими сейчас крохотными, трудились пернатые «мясники». Их крылья неутомимо вздымались вверх, и падали острыми краями на звериную плоть. Так же упорядоченно подлетали; точнее, подходили, волоча длинные крылья, другие орлы, выполнявшие роль перевозчиков. Тело тираннозавра таяло на глазах. Анатолий вдруг застыл, пораженный одной такой простой, на первый взгляд, мыслью.

– Так это же все объясняет! – чуть слышно воскликнул он, и теперь все обернулись к нему.

– Говори, – разрешил командир.

– Одна зацепка, товарищ полковник. Видите, куда летят эти «Птички»?

Кудрявцев, даже не глянув на компас, который (Никитин знал; не раз убеждался) всегда был при нем, тут же ответил:

– Почти точно на северо-восток. Это если ориентироваться по нашим постам. Где север и восток в этом мире, мы пока не знаем.

– Вот он и прозвучало – «в этом мире», – выдохнул рядом профессор.

Но Никитин лишь отмахнулся от него: «Потом!», – и продолжил:

– А куда бежал наш динозавр? Туда же!

– Так он, наверное, инстинктивно, уже мертвый. Повело тело, вот он и бежал, пока сигналы не перестали доходить до конечностей.

– А теперь послушайте другую версию, – победно оглядел всех тракторист, – представьте, что в голове у зверя был еще один центр – тот самый, что атаковал нас сквозь окна. И он

продолжал жить какое-то время; даже после смерти животного. И куда он послал тело? Какую команду подал ему?

– Какую? – это профессор выступил, не успевая угнаться за мыслью тракториста.

– «Домой!».

– И эту команду восприняли Чжай с подругой. Куда они ломанулись? – Анатолий победно огляделся, – конечно, домой – в цитадель.

– Логично, – кивнул после короткой паузы командир, – но почему они бросили здесь защиту?

Никитин помялся, и высказал еще одну гипотезу; такую, какая не могла прийти в голову настоящему военному:

– А может, они раньше разделись? Сами...

Командир еще раз кивнул. Если он и нахмурился, то внутри себя, никак не проявив недовольствия внешне.

– Ну что ж, – подозвал он разведчиков к другой стороне панорамы – туда, куда сосредотачивали свое внимание караульные.

То есть, за периметр городских границ. Люба Ульянова невольно вскрикнула. Анатолий вполне понял ее. Там, где прежде по тучным травам нескончаемой чередой брели стада животных; где они рождались, вырастали, и умирали – от старости, или в клыках хищников – не было больше ничего. Вернее, тянулась до самого горизонта равнина, поросшая травой оранжевого цвета. Ни одного живого существа Анатолий не видел. Лишь ветерок лениво шевелил «оранжевое море»; гнал по нему в даль длинные волны. Это море резко обрывалось у границы, очерченной квадратом города; его наружными границами.

Эта граница – Никитин и прежде знал, и сейчас прекрасно видел – не была сплошной. Лишь по краям огромного квадрата со стороны в целый километр высились коробки зданий – точно такие же, на которой сейчас в Северном посту толпились разведчики. Две из них было видно; последнюю – Южную – заслоняла собой цитадель. Зримой границей городских владений были сотни столбов – тоже десятиметровой высоты. Именно таким должен был стать последний забор. Между столбами, кстати, тоже было по десять метров. Анатолий невольно провел линии от каждого из ближайших столбов до вершины цитадели, сейчас нестерпимо блестящей на солнце изумрудной зеленью. Что ему было до этих длинных бесчисленных отрезков? Никитин не знал; зато хорошо представлял, что означает тянущее чувство недовлетворенности в груди. Это означало, что совсем скоро сознание вернется к этой картинке; вернется в нужный момент.

А командир перешел к другой стороне прозрачных стен – туда, где изнывали под палящими лучами неласкового солнца поля зерновых культур разной степени зрелости; потом огороды. За цитаделью, и за двумя улочками жилых домов росли сады, перенесенные от храма Артемиды усилиями горожан и волшебными руками «бабки Любы» – так тракторист иногда называл Любашу Ульянову. Сейчас он резко развернулся к ней, когда Ульянова закричала еще громче. Полковник совсем чуть-чуть – сантиметров на пять, не больше – раздвинул створки окна, и даже толстокожему (так признавал сам Анатолий) трактористу показалось, что он услышал слитный стон растений.

– Да они же до вечера не доживут! – выкрикнула Люба прямо в ухо Никитину.

– А я что! – отшатнулся тракторист, – что я могу сделать?!

Понятно, что односельчанка не ожидала от него помощи; как, наверное, и от командира.

– Ульянова! – резко окрикнул Кудрявцев, – я тебя сюда слезы лить пригласил? Или сопли на кулак мотать?! Наблюдать! Анализировать!! Искать решение!!!

Он еще резче повернулся к Оксане. Анатолий не видел теперь лица командира, но совсем не удивился мгновенной перемене в его голосе. Тон Александра Николаевича по-прежнему

был деловитым, но в то же время заполненным теплотой и нежностью, направленной на любимую женщину.

– А для нас другая задача. Смотри!

Посмотрели все, даже Ульянова. Падальщики, как оказалось, уже закончили свою кровавую работу. Последние тяжело груженные птицы потянулись именно в том направлении, куда указывал недавно палец Анатолия, а оставшиеся – словно подчиняясь чьей-то команде – образовали практически правильную карусель, которая закружилась вокруг города. Их было еще много; Никитин даже в непробиваемом камуфляже поостерегся бы выйти сейчас в открытое поле.

– Конечно, если прикажет командир...

Командир приказывать не стал. Он открыл окно еще шире, и взял Оксану за руку.

– Вспомни Седую медведицу. Вместе мы победили. Победим и этих!

– Что нужно делать, Саша?

– Гоним их поганой метлой, Оксана, а напоследок...

Кудрявцев на несколько мгновений задумался, и Анатолий внутри себя усмехнулся; успел представить себе, как в будущем, когда все образуется, он еще припомнит Оксане эту метлу – в другом контексте, конечно.

– Помнишь старый фильм про Александра Невского?

Кудрявцева кивнула.

– Вот когда они будут лететь отсюда кувырком, добавим им пинком под хвосты, со словами святого князя: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет!».

– Идет!

Анатолий скорее прочувствовал, чем увидел, как напряглись в нечеловеческом усилии спины командира и Оксаны. В следующий момент он рухнул на колени – рядом с остальными. И это был лишь слабый отголосок ментальной атаки. Но наблюдать в окно Никитин не перестал; что-то не позволяло ему отвести взгляда, даже закрыть глаза. Ульянова теперь глухо стояла, но тоже жадно вглядывалась в окно. Но то, что происходило на посту, не шло ни в какое сравнение с ударом, который приняла на себя карусель. Орлы, которых Анатолий считал безголосыми, вдруг закричали страшно и обреченно. А потом строй смешался; многие из птиц камнем полетели вниз, но и там пытались бежать прочь от источника безграничного ужаса. А те орлы, что смогли удержаться в воздухе, отчаянно махали острыми крыльями, показывая, наверное, личные рекорды скорости.

Неслышимая команда понизила тон, явно позволяя рухнувшим птицам «встать на крыло». Сознание тракториста само восприняло это; даже похвалило командира:

– Ну, и правильно, в обычной манере товарища полковника – пусть сами улетают, не нужно будет пачкать руки. «Несчастные» птички, наверное, обделались с головы до ног!

Последним аккордом стала та самая картинка из фильма. Анатолий явственно увидел озорную улыбку новгородского князя; услышал его бессмертную фразу. И внутри самопроизвольно зародилось: «Не подходи к этой паре ни с мечом, ни с автоматом!».

– Кажется все, последний, – констатировал командир.

Оксана даже помахала ручкой. А полковник, посмотрев на часы, кивнул собственным мыслям, и тут же озвучил их:

– Оксана, Валерий Николаевич! Страхуете. А я с двумя бойцами прогуляюсь. Любовь Васильевна – для тебя задача остается прежней. Через... пятнадцать минут – на общем собрании – жду предложений. И... выше нос, Люба!

Бойцами, естественно, оказались Анатолий с Романовым – больше живой силы в малом «войске» командира не было. По лестнице, и через весь огромный цех тройка разведчиком буквально скатилась. А вот наружу – под палящие лучи солнца, и возможное нападение притаившихся монстров – Анатолию выходить никак не хотелось. Как он подозревал, командиру

с профессором, тоже. Но то самое слово «надо» никто не отменял, и вот уже забрало шлема автоматически затемнилось, и разведчики, оцетинившись автоматами на три стороны, остановились у большого кровавого пятна.

Анатолий нагнулся, и выдернул из земли острое перо.

– Железное, – совсем не удивился он, – это что же жрут эти твари, что у них вырастают стальные перья?!

Удивление было столь великим, что Никитин забыл обо всем. Даже об опасности. А она напомнила о себе звуками близких выстрелов, а потом жестоким броском на землю – в сторону от пятна. Бросил Анатолия, естественно, командир. Камуфляж, мгновенно вставший твердым в месте соприкосновения с почвой, был для спины лучше всякого матраса. Потому встряхнувший головой в шлеме тракторист прекрасно рассмотрел нового врага. Вернее, врагов. Это тоже были птицы; целая стая птиц. На первый взгляд, очень несурзных, и совершенно беспомощных. По крайней мере, после каждого выстрела Оксаны рядом с разведчиками падала очередная птица. Анатолий едва увернулся от одной падающей тушки. Вблизи этот мертвый «враг» больше всего напоминал барана с редким оперением и смешными короткими крыльями.

– И как только они летают? – удивился тракторист, отпихивая от себя «барашка» ногой.

Летали! И не только. Очередной удар неприятеля Никитин пропустил; командир на этот раз тоже не успел помочь. Что-то массивное смачно шлепнулось на руку Никитина, и разлетелось на мельчайшие капли, забрызгавшие все вокруг.

– Дерьмо! – догадался тракторист, инстинктивно отряхивая конечности, и смахивая вражеское «оружие» с забрала, – а эти что едят?!

Очередной всплеск удивления Анатолия понял бы, и присоединился бы к нему каждый; даже командир. Потому что железное перо, которое он так и не отпустил, пузырилось сквозь зловонную массу, и капало металлом на землю – словно на руку тракториста упало не полпуда птичьего помета, а кусочек беспощадно палившего солнца. Радовало одно – камуфляж успешно выдержал и это испытание. Он даже запаха не пропустил к Никитину.

– Назад – бегом! – скомандовал командир, – и трофеи не забудьте!

Анатолий вскочил быстрее самого полковника. За трофеи он посчитал не только горсть стальных перьев, одно из которых застыло причудливыми потеками, но и того самого «барана», что успел уже познакомиться с мощью человеческих ног. Вот таким – перемазанным с ног до головы дерьмом и кровью, он и ввалился на пост, где и сбросил достаточно тяжелого летающего барана на пол.

– Да. а.а., – протянул командир в микрофон, не снимая шлема, – об этом мы как-то не подумали.

Сам Анатолий неосмотрительно откинул сферическую защиту за спину, и тут же поспешно накинул ее обратно, отсекая от себя нестерпимо вонючую атмосферу зала, а сам зал – от собственного оглушительного крика. Очевидно, его резкое движение смахнуло внутрь, на незащищенную шею, капли ядовитого дерьма, и теперь Никитин судорожно прыгал на месте от жуткой боли, не решаясь, впрочем, залезть рукой внутрь камуфляжа.

– Не подходить! – выкрикнул полковник Оксане с Ольгой, которые попытались ринуться на помощь, несмотря на смрад, окутывающий тракториста, – я сам.

Анатолий мужественно терпел; лишь скрипел зубами, пока командир осторожно снимал его шлем, а потом, присвистнув, бережно обтирал шею Анатолия какими-то салфетками. Чем были пропитаны эти мягкие клочки бумаги, Никитин не знал, но эффект от их применения был ошеломляющим. Они несли прохладу и онемение, и изгоняли из ран боль. Одновременно – как и ожидал сам Никитин – глубоко внутри организма зарождалась другая боль; пока несильная и даже приятная. Это желудок подавал первые, робкие сигналы: «Жрать хочу!». Анатолию Никитину были знакомы эти симптомы; он уже пережил приступ жесточайшего голода – в тот день, когда его ладошка исчезла в ужасной пасти собакомедведя. Счет, как он помнил, шел

на минуты. Но сейчас Анатолий мужественно терпел, понимая, что командиру виднее. Кудрявцев, конечно же, понимал состояние тракториста. Он работал с ранами аккуратно, но быстро. Наконец, пришло время избавиться от испачканного камуфляжа. Анатолий остался в обычном наряде; тоже камуфлированном, но не обладавшим свойствами несокрушимой брони.

А злосчастный баран был закутан в несколько слоев пленки, и торжественно вручен самому Анатолию с напутствием полковника:

– Держи, трофейщик. Попросишь Зинаиду зажарить его. И съешь – вместе с косточками!

Никитин уже готов был вцепиться не только в этого «барана», но даже в железноперых птиц, и даже в тираннозавра. Потому он с истинным наслаждением услышал новый приказ командира: «Возвращаемся!».

Глава 3. Валерий Ильин. Комендант и строитель

Дорогу от Северного порта до подвала цитадели Валерий Николаевич практически не заметил. Он настолько углубился в собственные мысли, в которых задачи сегодняшнего дня причудливым образом переплелись с картинками такого далекого прошлого, почти забытого в круговерти дел, что мягкий толчок остановившегося электромобиля так и не вырвал его из раздумий. Зато увесистая затрещина Анатолия, который уже выскочил со своего водительского места, и даже открыл для коменданта дверцу, мгновенно вернула Ильина на грешную землю; точнее в тот самый подвал.

– Чапай думает?! – улыбнулся Никитин.

Валерий Николаевич на затрещину нисколько не обиделся. Он знал, насколько тяжела рука у бывшего тракториста; теперь же он скорее огладил; встряхнул немного мозги задумавшегося коменданта. Он тоже улыбнулся и кивнул.

– Думаю, – не стал он отрицать очевидного, – причем по делу!

– А сразу за несколько дел думать не можешь? – не очень складно спросил Анатолий, – как Цезарь... ну, или как я.

Комендант чудовищному сомнению тракториста удивляться не стал; давно привык. Он поспешил за командиром, широкая спина которого уже почти скрылась за первым лестничным пролетом.

А Никитин уже обогнал полковника.

– Ишь, как проголодался!.. Надо бы лифтами заняться, – все-таки отвлекся Валерий Николаевич, догоняя полковника Кудрявцева, – который месяц шахты пустыми стоят. А мы тут скачем, как зайцы, или... как динозавры.

Он передернул плечами, вспомнив беспримерную битву со зверем. Это заставило мозги совсем расслабиться, отвлечься от проблемы, о которую бился практичный разум Ильина. Впрочем, кое-какие наметки у него были...

Дорога до столовой была короткой – по времени не больше пары минут прогулочным шагом. Но и за это время командир успел поставить коменданту задачу. «Жизненно важную», – как определил сам.

– Видел, Валерий Николаевич, что тираннозавр натворил на пластмассовой плантации?

В сердце коменданта кольнуло. Перед глазами опять встали искореженные, изломанные деревья; их длинные ветви, извивающиеся, подобно пожарным шлангам, выпущенным неопытными руками, и извергающими на почву струйки бесценной волшебной жидкости.

– Я уже распорядился Левину выгнать из ангара «Варяг» – с полным экипажем по форме два.

Ильин кивнул. Форма два означала, что «Варяг» сейчас выйдет на патрулирование, не имея на борту свой первый, и главный экипаж – во главе с самим полковником. Вторым экипажем командовал майор Цзы.

– Сколько у нас передвижных емкостей под жидкую пластмассу?

– Два десятикубовых танка, – тут же ответил Валерий Николаевич, – и по две смены работников на каждый. Готовы в бой хоть сейчас.

– Ишь, ты, «в бой!», – усмехнулся командир, – хотя ты прав. У нас сейчас каждая секунда – это бой. И противников у нас... не знаю пока сколько, и каких. Но нужно быть готовым ко всему. Согласен?

– Согласен, Александр Николаевич.

– Вот и отправляй свои танки в бой. Но помни! Главное – безопасность. Приказы майора обсуждению не подлежат. Действуй.

Комендант действовал на ходу, почти на бегу – отдавая распоряжение по рации своим самым надежным, проверенным не раз, помощникам – двум Сергеям. В столовую он ворвался разгоряченным, со своим главным оружием – рацией – наперевес. И тут же замер у порога.

В большом зале столовой естественно, витали вкусные запахи; Валерий Николаевич невольно отыскивал взглядом главную «виновницу» этой волшебной ауры.

– Нет, – поправил себя комендант, – волшебной и бесконечно домашней атмосфера здесь была вчера, позавчера, и много дней до этого. А сегодня, сейчас, в ней больше тревожного ожидания, и надежды. Связанной, конечно же, с фигурой Александра Николаевича – вон он садится за стол рядом с Машей Котовой. И Зинаида, кстати, одной рукой пытается разгладить лохмы Анатолия, а другой не отрывает взгляда от главной на сегодня точки столовой – того самого столика.

Тракторист тем временем с жадностью, чуть ли не рыча, расправлялся с очередной переменной блюд. Но от центрального стола – Ильин не сомневался – тоже не отрывался. А когда командир поднялся, призывая всех к вниманию, тракторист сорвался со стула, и с руками полными снеди, помчался занимать свое постоянное место – в первом ряду совещания. «Именной» стул ждал его, как и самого коменданта, и Зинаиду, и...

– Нет, – Валерий Николаевич оглядел длинный ряд замерших в ожидании товарищей, – все остальные на месте. Даже Иринка с Бэйлой сдали смену, и сидят, готовые включиться в полемику. Особенно Ирина, свет Васильевна. Эту командиру придется еще и осаживать.

Сам комендант – будь его воля – ограничился бы вот этим первым рядом. Вслух это ни разу не произносилось, но именно здесь расположился узкий круг людей, который когда-нибудь, в далеком будущем, назовут элитой – интеллектуальной, научной, военной... и художественной тоже. К последней категории Валерий Николаевич причислил, прежде всего, Иру Жадову, которая, несмотря на внушительные размеры (больше трех метров роста), по-прежнему ловко справлялась с музыкальными инструментами. Ильин даже как-то пытался поспорить на эту тему с командиром, выставив в качестве главного аргумента то обстоятельство, что в большом хоре на две с лишком сотни глоток (включая детей) истину порой отыскать ох, как нелегко.

– Согласен, – кивнул тогда Александр Николаевич, – повседневные проблемы мы решаем именно так; даже еще более узким составом – прежде всего со специалистами. Но вопросы, касающиеся будущего, самой жизни каждого из нас... нет, Валерий Николаевич, ты не прав. Предложения, скорее всего, будут именно от вас – от тебя, Алексея Александровича, Анатолия, доктора Брауна. Но одобрить наше решение должны все. И еще – прочувствовать причастность к общему делу. А это, доложу я тебе, совсем не пустяк.

Комендант плюхнулся на свой стул, и кивнул командиру: «Все распоряжения отдал; люди уже выехали». Кудрявцев в ответ не кивнул; он явно был уверен, что огромная машина организма, который представлял собой человеческий коллектив, сдвинулась с места, и начала медленно, но верно набирать ход – в верном же направлении.

– Итак, – встал командир, – сегодня коротко и по существу. Профессор Романов (взмахом ладони Кудрявцев остановил Романова, готового вскочить на ноги) сведет воедино все факты, и доложит нам, куда нас забросил очередной выверт судьбы. А пока я сам готов констатировать, что место, где мы оказались, имеет три важнейшие составляющие, без которых нам бы не удалось выжить – какими бы могучими магами и волшебниками мы не были. И эти три всем известных компонента – солнце, воздух...

– И вода! – выкрикнул тракторист, наконец-то проглотивший огромный кусок снеди.

– Да, – не стал отвлекаться на воспитание несдержанного товарища командир, – теперь по порядку. С воздухом, как мне представляется, пока никаких проблем нет. Доктор Браун доложил, что чего-то необычного – болезнетворных микроорганизмов, возбудителей аллергических реакций не обнаружено. И вообще (он отогнул рукав камуфляжной куртки и посмотрел

на часы), за один час сорок две минуты, что мы находимся здесь, ничего необычного с этой стороны мы не ощутили. Или кто-то чувствует себя как-то... необычно?

Зал молчал.

– Хорошо, – продолжил командир, – второе. Вода. Сержант Левин, доложите!

– Центральный источник функционирует в обычном режиме, – начальник охраны вскочил и вытянулся во весь трехметровый рост через два стула от коменданта, – насос исправно качает воду в резервуар Цитадели. Она полна, а это...

– Все знают, – велел продолжать командир, – не отвлекайся.

– Резервная линия – от реки, увы, не работает. Самой реки тоже не наблюдается. Хотя не мешало бы сгонять в разведку...

– Вместе сгоняем – позже.

– Трубы куда-то ведут, товарищ полковник. Канализация работает исправно.

– Хорошо. Это все?

– Позвольте мне, Александр Николаевич, – комендант не мог не подняться; ведь это именно его идея, горячо поддержанная Александром Салоедом, сейчас выводила проблему воды на качественно новый уровень.

– Говори, – кивнул командир.

– У нас еще четыре пруда – во внешнем поясе. Да вы и сами видели пару из них, из Северного поста. С ними – на первый взгляд – все в порядке. А это – с учетом размеров – сто на сто метров, да на десять метров глубины – четыре по сто тысяч кубов воды. Чистой и свежей – благодаря материалу, из которого эти пруды изготовлены. Два пруда зарыблены, но два вполне можно использовать, как альтернативные источники.

Толик Никитин сидел рядом с Ильиным. Теперь и он вскочил – не спрашивая никакого разрешения.

– Чистые, говоришь, да свежие? Чистые, может быть. А температура в них на солнышке с каждой минутой... Скоро вода в них закипит, и будем мы на ужин есть уху – целых две сотни тысяч кубометров. Не обожрись!

Полковник Кудрявцев на эмоциональный всплеск души тракториста отреагировал лишь довольным кивком:

– Вот мы и перешли к нашей главной проблеме – солнцу. Где у нас тут Ульянова? Готова доложить?

– Готова, Александр Николаевич, – «баба Люба» была бледной, но вполне спокойной, сосредоточенной, – по моим прикидкам, два... ну, три дня растения выдержат. Самые засухоустойчивые – неделю, не больше. Так что самое время заканчивать совещание и бежать собирать, что еще можно. Пока все не превратилось в сухофрукты. Холодильники у нас есть. Так что долго протянем.

– А потом? – опять вскочил с места неутомонный Анатолий, – баранов летающих есть будем?

– Надо будет, съедим, – одернул его командир, – а ты, Анатолий, говори по делу. Есть предложение – докладывай.

– Крышу надо строить, командир, – горячо отреагировал тракторист, – надо всем городом. И микроклимат внутри заранее запрограммировать. Для вас это, товарищ полковник, раз плюнуть!

– Раз плюнуть, говоришь? – усмехнулся полковник, – я то плюну! А ты площадь этой крыши подсчитал? Сколько лет мы ее будем строить? За это время не только деревья – мы сами в мумии превратимся.

– Вот, Александр Николаевич, – Котова тут же сунула под нос командиру калькулятор, – с учетом скатов, да всяких нахлестов и обрезков, надо будет перекрывать не меньше миллиона

двухсот тысяч квадратных метров. Разделить на производительность нашего пластмассового производства?

– Дели, – разрешил полковник, – но доложишь позже. А пока есть еще предложения?

Тракторист открыл было рот, чтобы продолжить, но тут не выдержал комендант. Он сильно дернул товарища за рукав, и тот плюхнулся на мягкое сидение. А сам Ильин вскочил, и запнулся, не зная, с чего начать. Кудрявцев с Котовой поощрительно улыбались ему, и Валерий Николаевич набрал полную грудь воздуха.

– Я тут вспомни, как мы с Ларисой и внучком в последний раз в Эмираты ездили.

Супруга, которая сидела за спиной Ильина с внуком на коленях, чуть слышно вздохнула; комендант почти сбился с мысли, но справился, продолжил:

– Там как раз наша сегодняшняя проблема была. Такое же жаркое солнце, и мы – вместо деревьев и кустарников. Ну, и всего остального – прудов там...

– Не тяни, Николаич, – теперь тракторист дернул товарища за рукав.

– Так мы там спасались под тентами. Одна проблема была – каждые полчаса надо было лежаки двигать – вслед за солнцем. И свой, и Лорин... в общем, все три.

В зале раздалась смешки, и чей-то совсем не злой возглас: «Жили же люди!».

– Здесь, – полковник остановил взгляд на коменданте взгляд, – такой проблемы не будет.

– Как так?! – раньше Ильина отреагировал Анатолий, снова вскочивший с места.

– Каждый мог заметить, – начал объяснять Кудрявцев, – что солнце с самого начала было не в зените. Тени, пусть небольшие, но есть. Так вот – за прошедшие час сорок восемь минут ни одна из теней не выросла, и не уменьшилась. И вообще не сдвинулись с места ни на гран. А это означает, что надежд на скорый вечер, и ночь практически нет. Что касается предложений... мне понравилась твоя аналогия с курортом, Валерий Николаевич. Как ты там... позагорал под тентом, а потом?

– Потом в отель, конечно же.

– А там, – мечтательно закатил глаза тракторист, – кондиционеры, все включено... вино с водкой бесплатно. Хаммамы, массаж, танцы до упаду. Точно?

Он скосил хитрый глаз на соседа, и Валерий Николаевич невольно кивнул. Но ответил Никитину командир:

– Вот это мы и возьмем за первоначальный план. Строим тенты, пропускающие лишь нужное количество солнечного излучения – хоть какую-то часть садов и огородов спасем. А потом начнем строить купол – с учетом не только солнца, но и всех других опасностей. Судя по тому, что мы уже видели, любое изменение ситуации может стать катастрофическим.

– Еще каким, – пробормотал рядом тракторист, но его скорее всего, услышали все, – динозавры с дубинками бегают, птицы железом дерутся; другие таким дерьмом какают, что не знаешь, куда бежать. Что еще?

– Алексей Александрович, – полковник поднял с места профессора, – задание вам. Прощерстить всю «Википедию». Предусмотреть все виды возможных катаклизмов – от кислотных дождей до града размером... с цитадель; от ураганов до извержения супервулкана. И, конечно же, меры противодействия им. Вот это ты должен будешь доложить, как только мы приступим к строительству нашего «отеля» – точнее, крыши над ним. Понятно?

Профессор кивнул

– Ну, тогда заканчиваем, – полковник опять глянул на часы, – пора браться за наши тенты.

– Товарищ полковник! – буквально возопил тракторист, подпрыгивая на месте, – я же как раз об этом не успел сказать! Можно ведь все деревья сохранить! И огороды, и пруды!

Люба Ульянова сидела метров за пять от тракториста; теперь же она в одно мгновение оказалась рядом с ним, загородив обзор сидящей рядом Бэйле.

– Да я, Толик... хочешь, я прямо сейчас расцелую тебя?!

Никитин от неожиданности опять сел и вцепился в супругу. А потом расплылся в улыбке, вцепившись в руку Бэйлы:

– Меня есть кому целовать. А ты пока садись сюда, на мое место, а я речь говорить буду. Можно, товарищ полковник?

– Говори, – разрешил командир, – только покороче, по существу.

– А я всегда по существу говорю, – пробормотал тракторист, поворачиваясь к залу; теперь его услышали немногие – тот же комендант, и, конечно же, Кудрявцев.

Анатолий хитро улыбнулся залу, и неожиданно... запел. Причем песенку довольно известную; детскую и изрядно похабную:

«Я проснулся в шесть часов,

Нет резинки от трусов!

Вот она, вот она...»

– Бац! Бац! – Валерий Николаевич только теперь понял, зачем Никитин отошел подальше от первого ряда – конечно же за пределы крепких ладошек Бэйлы и Любы Ульяновой.

Но их успешно заменила Маша Котова, «наградившая» его двумя крепкими затрецинами, и еще зашептавшая – громко и зло:

– Ты что поешь?! Здесь же дети!

– Да я же не до конца, – тракторист почесывал затылок, но по-прежнему улыбался, – тут самое главное слово – резинка. Представьте себе (он повернулся к Марии, точнее – к командиру) наш стандартный блок метр на полметра на полметра. И программу, что в него заложит товарищ полковник – до застывания пластмассы.

– Какую программу? – Кудрявцев улыбался; он, скорее всего, уже догадался о задумке тракториста, но отнимать у него лавры первооткрывателя не хотел.

– А вы этому блоку нашепчите, товарищ командир, что-то вроде: «Ты – кусок резины. Мягкий и необычайно пластичный – можешь растягиваться до бесконечности». Ну, до бесконечности нам не нужно, а в реечку квадратным сечением в два с половиной сантиметра вытянуть будет не проблема. Сколько это будет реек из одного блока, Марья Васильевна? А в час – учетом десяти имеющихся форм, и десяти минут на одну партию?

– Двадцать четыре километра, – тут же подсчитала Котова.

– Должно хватить, чтобы каркас надо всем садом скелетировать. Точнее, склеить, – поправился Анатолий, – это я по привычке – вспомнил, как раньше в лесничестве пленкой теплицу покрывали. Теперь так же действовать будем, только со знаком «минус» – не обогревать наши «теплицы», а охлаждать... ну и остальные плюшки – это уже вопрос к специалистам. К тебе, баба Люба.

«Баба Люба» уже стояла на ногах.

– И где мы эту пленку возьмем?

– Да из тех же блоков, – пожал плечами тракторист, – только теперь будем тянуть их по широкой стороне. А товарищ полковник «прикажет» ему растягиваться в пленку... толщиной, хотя бы, в миллиметр. Тоньше не надо – она ведь застынет; порезаться можно. Так что – вперед, и с песней. Сколько там времени понадобится, чтобы перекрыть весь сад?

Мария Васильевна шустро сновала пальцами по кнопкам калькулятора без его вопросов.

– Вот, – предъявила она, наконец, всем маленький экранчик, – из одного блока получится двести пятьдесят квадратных метров «пленки». В час это пятнадцать тысяч... Так что на сад площадь в семь с половиной гектаров понадобится... всего пять часов. Плюс каркас, плюс монтаж...

– Да уже через полтора часа первые деревья могут вздохнуть свободно, – воскликнул Анатолий.

Валерий Николаевич понял, что эти мысли в голову тракториста пришли не спонтанно; что он обдумывал их; считал и пересчитывал квадратные метры всю дорогу от Северного поста; и здесь, жадно заправляясь деликатесами Зинаиды.

– А ведь действительно может сразу несколько дел делать, – уважительно подумал он, – до такого никакой Цезарь не додумался бы!

Гораздо эмоциональней выразила свои эмоции Люба Ульянова. Она запрыгала на месте, что-то невразумительно крича, а потом подскочила к Анатолию – с обещанным поцелуем. Но разве могла она опередить снайпера израильского спецназа; пусть беременную. На шее счастливого тракториста уже повисла не менее счастливая Бэйла...

Глава 4. Александр Салоед. В голодном заточении

Для Александра любой сезон на озере был милым для сердца. Даже вот такой – когда рыба ушла вниз по течению реки, и не меньше трех месяцев оставалось до того благословенного дня, когда форель снова пойдет вверх по течению тучными «табунами» – наевшаяся, нагулявшаяся...

– И нагулявшая, – улыбнулся он, глядя в окно на замершую гладь озера, – нагулявшая бесчисленные тонны икры, малую часть которой надо будет изъять, и запасти впрок – чтобы хватило до нового нереста. Потому что нет ничего вкуснее и полезнее на завтрак, чем толстый слой красной икры, намазанный на сливочное масло, натуральнее которого в мире просто нет, и на теплую лепешку, испеченную арабскими помощниками Зинаиды. Да чтобы рядом сидела, и смотрела, как я шурюсь от удовольствия...

Салоед никак не мог прочувствовать до конца, что он – это не тот человек, который восемь месяцев назад приехал к матери, в несчастную Украину; что это не его ждет дома, в России, жена и дочь, и что это совсем другой Александр распоряжается сейчас на Чистых прудах, что расположились совсем рядом с трассой М-7; практически на середине пути из Москвы в Нижний Новгород. Умом он все это понимал, а сердцем – никак. Что бы не твердил ему новый закадычный друг Толик Никитин.

– Тебе хорошо говорить, – продолжил он нескончаемый спор с товарищем, который сейчас был далеко, в городе, – тебя никто в твоей деревне не ждал. Вот и охмурил ты самую гарную дивчину в лагере – Бэйлу, снайпера. А я...

Он прищурился, когда в глаз скакнул солнечный зайчик от плеснувшей волны в озере, и улыбнулся, вспомнив ту, из-за которой, собственно, и тянулись бесконечные споры, и при виде которой сладко щемило сердце. Вера Балабаш, единственная белоруска в городе, как-то быстро прибилась к дружной украинской тройке – самому Александру, и его друзьям.

– Таким друзьям, – еще шире улыбнулся Салоед, – что не разольешь водой. А точнее (посуровел он лицом) связанным кровью; смертями близких людей.

Он невольно вспомнил сейчас страшные испытания, что пришлось пережить добродушному здоровяку Миколу и хохотушке Даринке; ну, и самому Александру, конечно. Вспомнил отчаянное, помертвевшее лицо девушки, когда ее пышную косу наматывал на кулак отъявленный грузинский мерзавец, прихвостень бандеровской банды. Салоед мотнул головой, отгоняя неприятное видение. Что-то кольнуло в сердце; обычно те страшные минуты возвращались в сознание предвестьем беды. Ее – беды, в лагере, потом городе, было не так много. Но случилось многое. И сейчас...

– Лучше бы нам остаться в городе, вместе со всеми, – подумал он, вспоминая теперь, какая тревожная атмосфера нависла над окрестностями в тот день, когда вахтовку – четырех человек во главе с Салоедом – вышел провожать сам полковник Кудрявцев.

Это уже само по себе было событием неординарным. Ведь рейд группы к озеру, где ее ждала дежурная смена (тоже из двух пар) был рутинным мероприятием. И Салоед вдруг вспомнил, как вот так же екнуло в сердце, когда командир вышел дать последнее напутствие. Александр попытался тогда высказаться; в том смысле, что ничего с озером не случится; что не украдут его за неделю, и что он, главный в городе по рыбным промыслам, лучше бы в городе и остался. А полковник Кудрявцев словно прочел его слова, так и не прозвучавшие, и покачал головой:

– Не надо сгущать краски, Александр Леонидович. Работаем строго по плану; и не только ваша группа...

Группа по плану отработала. Хотя, что это была за работа? – отдых; лучше, чем на самом элитном курорте. Сам Салоед ни на какие курорты никогда не ездил. Чистые пруды были для

него и домом, и курортом, и всем на свете. А здесь, в новом мире – вот это озеро, от которого никак не хотелось уезжать.

На руке чуть задрожал ремешок рации.

– Ну, ты скоро там? Мы уже в машине сидим!

Голос Веры был не рассерженным; скорее нетерпеливым. И Салоед расплылся теперь совсем уже в широкой улыбке. Это нетерпение девушки, которая заняла прочное место в его сердце, он отнес не к городу, куда стремился и сам, а к себе родимому. Он небезосновательно считал, что Вера тоже питает к нему нежные чувства. Опустив руку, он бросил последний взгляд на озеро, и пообещал себе:

– Сегодня же и скажу! Вот вернемся в город, и сделаю ей предложение...

Именно в этот момент мир полетел кверху тормашками. В буквальном смысле этих слов. Замок – именно так называли все нерушимый пост – завалился набок, словно невидимый великан вырыл под ним огромный котлован; или выдернул из-под основания скалу, нависшую над озером. Полетевший в угол комнаты Александр, попытался было вскочить на ноги – на стену, вдруг ставшую полом, но сзади на затылок обрушился массивный камин, который Салоед сам попросил командира «изваять» – «Чтобы как в настоящем замке было!». Сознание провалилось в черную пропасть...

– Саша... Саша... Саша..., – голос, бесконечно далекий по расстоянию, и бесконечно близкий чувством, вернувшимся в сердце, – монотонно бубнил в наручной рации.

В нем не оставалось уже ничего – ни надежды, ни отчаяния... ничего человеческого. Казалось, это не Вера Балабаш, а пластинка с ее записанным голосом сейчас крутится в невидимом патефоне, и не дает Александру провалиться в спасительное забытие. Попытка в первую очередь мотнуть головой, чтобы прогнать из нее вязкий туман, закончилась острой вспышкой боли в черепе, а еще – тянущей, сосущей пустотой в желудке. Последнее означало, что в организме идет, а может, уже закончился, процесс восстановления. Симптомы этого волшебного действия ему разъяснял все тот же Анатолий. Конечно, трудно было поверить, что у тракториста за полдня отросла ладонь, а у другого товарища – русского итальянца Марио – восстановилась, и, кажется, неплохо функционирует вся голова, раздробленная в кашу.

Новый спазм в животе заставил Александра шустрее заработать конечностями. Громоздкий камин оказался не таким уж и тяжелым. Через десяток секунд Салоед стоял, чуть покачиваясь, и пытаясь сообразить, что ему делать в первую очередь.

– Вера! – обожгло занывшую опять голову, – надо же ответить!

– Вера! Микола! Даринка! – закричал он что было мочи в рацию, и та взорвалась ответными ликующими криками.

– Все! – отлегло от сердца, – все живы!

– Да живы мы, живы! – явно сквозь слезы прокричала Балабаш, – а ты как? Где ты? Мы уже двенадцать часов не можем докричаться до тебя.

– Как двенадцать часов?! – удивился Александр; в это мгновение даже боль испарилась из головы – все в ней заполнило безмерное изумление, – а что вы делали эти двенадцать часов? Я только что очнулся...

В рации загудел голосом уже Микола, и Салоед понятиливо кивнул – время эмоций, пусть очень коротких, прошло, и настал час анализа, принятия решений, и, естественно, исполнения их.

– Заклинило нас, Александр Леонидович, – доложил земляк, – знатно заклинило. Мы ведь в «Эксплорере» тебя ждали; даже движок прогрели уже. А на нас замок упал. Да так удачно... или неудачно, что все двери зажало. Так что мы уже двенадцать часов в заточении.

– А до города, до командира, не пытались дозвониться? – эта мысль была естественной; уже въевшейся в кровь – при малейшей опасности дозвониться, докричаться до того, кто эту самую опасность первой встречал грудью – до полковника Кудрявцева.

– Пытались, – почему-то виноватым голосом (словно он отвечал за связь) ответил Микола, – не отвечают. Помехи какие-то. Что-то прорывается... в общем – голоса слышны, так что кто-то живой в городе есть.

– Что значит, кто-то живой?! – рассердился Салоед, – что с ним... с ними могло случиться.

– А ты посмотри в окошко, Александр Леонидович, – посоветовал земляк, – полюбуйся на пейзаж! У нас тут в лобовое стекло какой-то невероятный пейзажик наблюдается.

Окошко в зале было, и не одно. Только вот часть из них упирались сейчас в землю, почему-то рыжего, даже оранжевого, цвета, а до других – в том числе и до того, в которое Александр любовался (двенадцать часов назад!) чудесными видами озера – было не достать. Ширина этой комнаты, сейчас ставшая высотой, была ровно десять метров, и достать до окон, пропускавших сквозь себя невероятно яркие и жаркие солнечные лучи, добраться было невозможно.

– Зато этажом выше – чердачное помещение, – вспомнил Александр, – а там окна по всему периметру – сплошной пояс из прозрачной пластмассы. Где тут у нас лестница?

Лестница не понадобилась. К широкому проему, ведущему на самый верхний этаж замка, Салоед прошел прогулочным шагом. Там поднырнул в дверь, в которой метровая ширина стала высотой, и замер на чердаке, ослепленный потоками ослепительного света.

– Что-то я сегодня туплю, – очнулся он, наконец, – я же в рейдовом камуфляже! Где тут мой шлем.

Шлем оказался там, где ему и было положено – закрепленным меж плеч так хитро, что его одним движением руки (некоторые ухитрились и без рук – дернув плечами определенным образом) можно было определить на место – на голову. А там уже волшебный артефакт, подчиняясь программе, заложенной в него еще более волшебным даром полковника Кудрявцева, сам регулировал все.

– Сначала освещенность! – пробормотал Александр, когда шлем уже выполнил эту функцию.

Салоед могучим усилием воли изгнал сосущую боль из желудка, и бросился к окну. И охнул – громко; так, что включенная рация тут же отозвалась хором встревоженных голосов.

– Потом, все потом, ребята, – невольно бормотал он, успокаивая товарищей, – дайте сначала оглядеться.

А оглядывать было особо нечего. В глаза прежде всего била бескрайность оранжевого поля, по которому ветер лениво гнал длинные волны. И еще совсем недалеко – метрах в пятидесяти, вокруг поверженного набок замка, цепочкой брели самые обыкновенные коровы.

– Нет, – присмотрелся Салоед, – не обыкновенные. Какие-то горбатые, словно кто-то буренок с верблюдом скрестил. Но кто же их гоняет по кругу? Вон они уже и тропинку нехилую натоптали. Словно караул несут!

Больше за окном ничего не было – ни с этой стороны, ни с противоположной; туда Александр метнулся с проворством, достойным тренированного атлета. Не было скал, дороги, ведущей к городу. А главное – не было озера! Александр едва не заорал от отчаяния и бессилия, осознав вдруг, что это навсегда – что он никогда больше не окунется в его ласковые волны; что не посидит на зорьке с удочкой, и не порадует, когда Зинаида с довольной улыбкой будет принимать тяжелые тушки форели. Впрочем, в последнем он погорячился. Форель была; должна была быть!

– Как знал... как чувствовал! – шептали его губы.

Салоед вспоминал, как он горячился, как буквально выпросил у Кудрявцева право на внеочередное строительство прудов у города; и с каким трепетом выпускал в первый из них молодь форели. Во втором пруду рыбы было поменьше; это был речной улов, организованный после того, как в Волге были уничтожены гигантские спруты. Удивительная это была рыбалка;

еще удивительней был улов. Александр Леонидович, опытный рыбак, большинство рыбешек не признал – видел впервые в жизни.

– Но уха из них получилась знатная! – невольно вспомнил он, и тут же согнулся от колик в животе.

Единственным средством от боли у Салоеда было переключить внимание от этой очень важной, но сейчас никак не регулируемой потребности человеческого организма на что-то более важное. Варианта было два – разглядывать тех самых коров, или продолжить разговор с товарищами.

– Микола, – вызвал он друга и помощника, – а что вы там сидите? Вылез бы, да в разведку сбегал. Тут такие диковинные коровы пасутся – с горбами, и выменем почти до земли. Эх, и вкусное, должно быть, молоко у них.

Последняя мысль вырвалась самопроизвольно; живот тут же свело жестокой судорогой. Хорошо, что Микола ответил, отвлек внимание:

– Да машину заклинило удачно... или неудачно – для нас. Ни одна дверца не открывается.

– Так вышибли бы окно, – посоветовал Александр, – силенок-то у тебя – о-го-го!

– Ну, ты даешь, Леонидыч, – рассмеялся Микола; слышно было, как девчата рядом с ним тоже хихикают, – я тоже в первый момент сдуру пытался выдавить лобовое – и руками, и ногами. А потом вспомнил, чем покрыт наш «Эксплорер». Если уж его целый замок своим весом не раздавил, то что ему мои ноги?

– Это да, – вынужден был согласиться Салоед, – тут разве что командир смог бы.

– Вот и мы решили, Леонидыч, что нужно ждать – вот товарищ полковник приедет, и разберется со всем – и с «Эксплорером», и с замком...

– А еще пожрать привезет! – едва не заорал Салоед.

Несчастный Хохол не ко времени вспомнил про неприкосновенный запас в багажнике внедорожника; порадовался за парня, и за девчат, у которых было все для комфортного ожидания – и еда, и вода.. Зря он подумал о последнем! Теперь захотелось и пить – безумно; чуть ли не сильнее, чем есть. И Александр, не сознавая уже собственных действий, застучал кулаками в перчатках камуфляжа по несокрушимому пластику, и заорал, замахал кулаками на коров:

– Ну что вы бредете, как заведенные?! Идите сюда, поделитесь молочком! Жалко, да?!

Какие-то остатки рассудительности за пару мгновений до этой отчаянной попытки заставили руку отключить рацию. Так что товарищи никак не могли ужаснуться, отреагировать на его безумные вопли. А вот коровы отреагировали! Точнее одна, ничем не отличавшаяся от остальных ни мастью, ни размерами, ни прежним монотонным существованием. Сейчас она запнулась всеми четырьмя ногами, и едва не грохнулась на оранжевую тропу. А потом повернула голову к Александру. И Хохол вдруг устрасился, хотя на таком расстоянии не мог даже различить глаз «буренки». Животное словно выстрелило в него чем-то жутким и невидимым – чем-то, что не смогли удержать даже волшебные окна замка.

Корова шагнула из круга, и так же медленно, как прежде, потопала прямо к Александру. Салоед, невольно мелко крестивший свою грудь (чего он не делал уже очень давно), еще медленней отступал к противоположной стене. Они подошли одновременно – корова к окну, к которому так неосмотрительно «пригласил» ее Александр Леонидович; сам Хохол в это же мгновение уперся спиной, покрывшейся крупными холодными каплями пота, в такую же прозрачную преграду – в десяти метрах от животного, от ее глаз, оказавшихся вполне обычными... в первое мгновение. Потом эти карие коровьи глаза стали расти, заполнять собой весь мир – когда ноги Салоеда сами понести туловища к ним. И вот уже два взгляда, две сущности разделяет только толстое стекло. Мысли неведомого животного эта преграда не мешала:

– Ну, что же ты? Звал, просил... иди же ко мне, прильни к вымени, полному молока. Свежего, холодного, и безумно сладкого...

Александр забился всем телом об окно. Самая разумная часть его внутреннего мира забилась в дальний уголок души, и уже там отгородилось от всего сущего единственной мыслью: «Не думай, не вспоминай, где лежит пульт от створок окна! Ты не знаешь об этом; его бросило от удара в дальний угол, и в какой из них, тебе не известно!». Но какая-то предательская струнка звенела, пыталась перекричать этот голос разума: «Да вон же они – и угол, и сам пульт! Иди, и возьми его; нажми сразу на все кнопки, и устремись навстречу доброй подруге, навстречу огромному вымени, молоку, которое, конечно же, слаще материнского!».

Тело вдруг пронзил острая, нестерпимая боль. Это не желудок, это весь организм отреагировал на ужас, заполнивший глаза коровы. А потом эти глаза – уже вполне обычного размера – стали пустыми; затем принялись стремительно заполняться бесконечным блаженством. Как это смог понять человек? Ведь эта нега была исключительно для внутреннего потребления животного; корова не приглашала Салоида к ней! Тяжело, со скрипом, повернулась шея Александра. Он уставился на то, что разорвало его страшную и сладкую связь с молочным зверем. По виду это был червяк; но червяк невероятно громадных размеров. Поначалу практически бесцветный, и не очень толстый – он двигался кверху, поглощая плоть животного. Двигался очень быстро, меняя цвет на интенсивно-красный. Вот уже все коровья нога поместилась в толстой бурой кишке; лопнувшая сбоку почка превратила червя в сиамских близнецов, вторая голова которых тут же присоединилась к пиршеству. Корова уже была без задних ног; уже две части кольчатой твари, ставшей толщиной не меньше двухсотлитровой бочки, соединились, чтобы вместе поглощать необъятное туловище...

Александра всего передернуло, когда исчезло набухшее вымя. Он, наконец, махнул рукой, словно отгоняя дурманящую волну, которая заставляла остатки коровы все так же корчиться в блаженстве. Что-то – может, это резкое движение руки – остановило «карусель» во второй раз. Так же неспешно, почти с ленцой, к замку зашагал товарка несчастного животного, исчезнувшего в беззубой пасти червя уже наполовину. Передняя половинка не падала, поддерживаемая хищником, который вытягивался из земли, и рос прямо на глазах. Формы животного еще смутно различались внутри него. Салоида, наверное, стошнило бы прямо на окно – если бы было чем.

– Хоть какая-то польза от пустого желудка, – усмехнулся он страшным оскалом, не в силах оторвать глаз от этого «кино».

Очередной актер – вторая корова – сразу вмешиваться в действие не стала. Она остановилась метрах в трех от «съемочной площадки», и тупо уставилась на драму. На Александра она даже не глянула, и тот еще раз перекрестился – уже осознанно. Терпению этой коровы можно было позавидовать. В то, что у нее, очевидно, неразумного существа, могли быть какие-то свои расклады и планы на ближайшее будущее, как-то не хотелось верить. Как и в то, что эта корова сама принесла себя сюда на заклание. Последнее, как оказалось, в планы животного (а они все-таки были!) не входило. Корова одним неуловимым скачком повернулось к стаду передом, а к червя, и, значит, к Салоеду, задом – в тот самый момент, когда неприятно-мягкие «губы» кольчатого хищника сомкнулись над рогами первой жертвы. Отреагировать на атаку врага этот толстенный бурый бурдюк не успел. Корова взбрыкнула задними ногами – совсем как необъезженная лошадь – и окатила червя, и половину огромного окна содержимым своей прямой кишки. Если она у нее, конечно, была.

Александр отшатнулся, инстинктивно закрыв глаза, и перестав дышать. Ему показалось, что все лицо сейчас залеплено вязкой, дурно пахнувшей массой. А когда рука огладила совершенно сухую, покрытую чуть отросшей щетиной, кожу, он несмело открыл глаза, и едва не заорал от ужаса – в очередной раз за последние несколько минут. Огромный червяк извивался, разбрасывая куски собственной плоти («И не только собственной», – бесстрастно фиксировал тот самый хладнокровный наблюдатель в душе). Больше того – тело хищника, и содержащее буквально таяло, плевалось, словно вулкан лавой, и стремительно таяло в размерах.

Из норы, откуда этот червяк напал на свою жертву, валил густой серый дым: очевидно, что там продолжалась цепная реакция, вызванная «ядерным» оружием коровы.

Все закончилась минут за пять. Александр предусмотрительно закрыл глаза, ожидая новой ментальной атаки, но победительница даже не мазнула по нему взглядом.

– Наверное, потому что я не позвал ее, не попросил о помощи! – Салоед поспешно прогнал крамольную мысль, и включил рацию.

– Саша! – в голосе Веры опять была нешуточная тревога, и Александр улыбнулся: «Точно сегодня сделаю предложение... если не сдохну от голода».

Впрочем, он с удивлением отметил, что боль стала вполне терпимой, и с шуточками; наверное, даже показывая в лицах (зеркала здесь не было) рассказал товарищам о беспримерной битве, и как он сам едва не испачкал...

В рацию хихикнули уже дуэтом – Вера с Даринкой.

– А у нас тут тоже пахнет, – сообщила непосредственная хохлушка, – только Микола все двенадцать часов терпит, стесняется!

– Это ты зря, друг, – попенял Салоед, – сейчас главное – выжить. Так что давай – ищи уголок поукромней и...

Мысль, а вместе с ней и слова Александра резко затормозили – вместе с коровой, которая так и не дошла до бесконечной круговой цепи своих товаров. Она перебирала своими ногами, чтобы влиться в карусель чуть в стороне от того места, где покинула ее. Теперь же что-то ее заинтересовало – примерно в половине пути до натопанной дорожки. Заинтересовало настолько, что корова подняла к небу, к яростному солнцу рогатую голову, и огласила мир...

– Наверное, огласила, – пробормотал Александр, – ни черта из-за этого стекла не слышно!

Как бы то ни было, ее товарки подругу услышали. Топота бегущих коров тоже не было слышно, но Хохол был готов дать голову на отсечение, что ощутил, как неподъемная тяжесть замка задрожала от слитного топота копыт. И вот уже десятков пять «коров», стоят голова к голове, окружив неведомое нечто, и взяв на прицел окрестности дулами «орудий», представших под короткими хвостами. Но атаковать никого не стали. Этот стадо, подобно единому организму, вздохнуло огромной грудью, и неожиданно развернуло свои горбы, выпуская наружу широкие крылья. Эти придатки, которые Александр никак не ожидал увидеть у мычавшего стада, были вполне функциональны. Одним взмахом коровы взмыли в небо. Салоед даже вдруг предположил, что эти летающие животные сейчас собьются в журавлиный клин, и, сделав широкий круг над поверженным набок замком, унесутся в неведомые края.

Это предположение оказалось ошибочным; зато пришло воспоминание из босоного детства. Хохол, вместе с друзьями, подрабатывал летом подпаском, и привык видеть, как стадо, в котором перемешались коровы, овцы и козы, бредет без разбору, в поисках особо сочного и вкусного пучка травы. Вот так же и сейчас животные, медленно и размеренно двигая крыльями, скрылось в неизвестности.

А Александр вздрогнул в очередной раз, а потом завопил от радости. Чуть слышимый прежде в рации треск вдруг исчез, и комнату заполнил знакомый, и усталый голос Марии Котовой, которая – как догадался Салоед – уже в тысячный, или десятитысячный раз повторяла одно и то же:

– Озеро, ответьте Городу... Озеро, ответьте Городу...

– Озеро! Есть Озеро! Слышу вас, Марья Васильевна!

К его безумной радости присоединились радостные вопли пленников «Эксплорера». Котову сменил суровый голос сержанта Левина:

– Здорово, Александр Леонидович! Куда пропал?

– Не поверишь, сержант, у нас тут такое...

– Поверю, – в голосе начальника охраны тоже прибавилось усталости, – у нас тут тоже... весело. Как вы там? Помощь нужна?

– Нужна, товарищ сержант, – перешел на казенный язык начальник смены, – у нас тут «Эксплорер» придавило – с Миколой и девчатами. Как их вызволить, ума не приложу?

– «Варяг» поможет?

– Пожалуй... нет. На машину весь замок упал. Завалило капитально.

– Да-а-а..., – протянул Левин, – тут, пожалуй, без командира не обойтись. Так что, ребята, пару-тройку часов потерпите. Выдюжите?

– Постараемся, – Салоед мужественно прогнал боль из живота, – а что с товарищем полковником? Где он?

– Спит, Александр Леонидович, – это уже продолжила Мария Васильевна, – крепко спит...

Глава 5. Полковник Кудрявцев. Железный Капут

Александр Николаевич с любовью оглядел преображенный командный центр. Именно так теперь назывался зал, где сам полковник, и его товарищи встретили первого врага в этом мире. То, что это была не Земля, а если и Земля, то чудовищно трансформированная, соглашались все. В том числе главный по науке – профессор Романов, который сейчас стоял рядом, и с любопытством вглядывался в большой экран центра. Экран сейчас чуть заметно светился, а скоро – как ожидал полковник – должен был заставить собравшихся ахнуть от изумления.

– Или от восхищения, – с некоторой долей самодовольства подумал Кудрявцев.

Гордиться было чем. Командир сейчас ждал сигнала от сержанта Левина, которому пришлось вспомнить свою основную специальность; соединить ее со многими другими, о которых он прежде не помышлял. Поэтому можно было вспомнить, с чего все начиналось – всего месяц назад...

Предложение Анатолия по спасению садов и огородов (по факту – всего города) претворилось в жизнь удивительно быстро. Люди трудились как единый механизм; в какой-то момент Кудрявцеву, отвлекшемуся на минутку, представилось, что это огромный муравейник, подчиняясь природным инстинктам, бурлит жизнью, в которой главное было – труд, труд, и еще раз труд. А посреди этого упорядоченного шевеления застыла со своей главной миссией муравьиная королева, или матка.

– В данном случае король, или я, – устало подумал полковник, чувствуя, как даже его железный механизм начинает давать сбои.

Казалось бы – что для тренированного организма профессионального военного, да еще наделенного новыми, поистине фантастическими возможностями, какие-то двенадцать часов? Но спустя половину суток (по земному времени) неимоверной гонки он чувствовал себя, как выжатый лимон. Так что Александр едва дождался, когда подбежавший Валера Ильин выдохнул:

– Все, Александр Николаевич, основное прикрыли. Люба Ульянова говорит, что практически все спасли.

– А пруды? – организм полковника с трудом, но сопротивлялся сну.

– Перекрыты все четыре, – улыбнулся комендант.

Кудрявцев сделал всего пару шагов по мастерской – туда, где в качестве музейного экспоната хранился первый матрас, изготовленный в начале января их новой жизни. Ему ничего не снилось; по крайней мере, ровно через четыре часа, когда внутренние часы подбросили его на матрасе, в голове не было ничего, кроме блаженной пустоты, и вопроса, обращенного к сержанту Левину:

– Ну, что еще случилось?

А через пять минут полковник уже сидел на переднем, командирском сидении «Варяга», который подминал под свои широкие колеса оранжевую траву нового мира. За десантной машиной грузно переваливался танк, под завязку заполненный жидкой пластмассой. Как, и зачем ее предполагалось применить на месте озерного поста, не знал пока и сам командир. Ни он, ни всезнайка Никитин, который сидел рядом, за рулем «Варяга», пока не придумали, как выручить людей, которых завалило замком. Третьим в ряду сидел профессор Романов, который больше слушал, а иногда иронично хмыкал, когда тракторист предлагал варианты спасательной операции – один фантастичней другого. Кудрявцев оживился, и тормознул бесконечную речь Анатолия, услышав короткое слово: «Домкрат».

– Как ты сказал?

– Домкрат, – повторил Никитин, – только не могу себе представить такого механизма, который приподнял бы над вот этой травкой (он оторвал левую руку от руля, и показал ею бесконечное оранжевое море) целый замок.

– А резинку, которую можно растянуть на целый километр, ты раньше представить мог? – негромко рассмеялся Кудрявцев, – а ведь это ты предложил этот фокус.

– Точно! – тракторист теперь оторвался от руля двумя руками, которыми принялся колотить по голове, – и как я сам не сообразил?! Подпихиваем несколько блоков под краешек замка, и приказываем им расти! В смысле, вы прикажете, товарищ полковник. Вот вам и домкрат!

«Варяг» тем временем мчался вперед по прямой, по невидимому лучу, соединявшему его стационарную рацию с переносным мобильником Салоеда. Последний все чаще выходил на связь, и в его голосе Александр все отчетливей чувствовал нетерпение.

– Жрать хочет, – смеялся Анатолий, – вам этого не понять, товарищ полковник, вы ведь ни разу даже царапины не получили.

– Уметь надо, – усмехнулся Кудрявцев; с близкими друзьями он мог позволить себе быть обычным человеком, со своими слабостями – вот, как сейчас, например, с некоторой долей бахвальства.

– Смотрите! – перебил их профессор, – замок!

Озерный (бывший) форт выросал на глазах. Полковник мучительно пытался вспомнить, где он мог видеть такую нелепую, если не сказать страшную картину. Лежащий на боку замок был похож...

– На зуб! – наконец, осенило Кудрявцева, – на вырванный с корнем зуб. Ну, правильно – у меня-то зубы все целые, ни одной пломбы. Значит, видел где-то картинку.

Действительно, ломаный фундамент замка, прежде повторявший причудливый рельеф скалы, к которой он крепился пластмассовым «раствором», поразительно напоминал зубные корни, а гладкие стены – светлые на фоне оранжевой травы – вполне здоровый зуб, неведомо зачем безжалостно вырванный «дантистом», насчет личности которого у Александра были вполне определенные подозрения.

«Варяг» остановился напротив широкого окна, в котором было видно фигуру, а прежде всего счастливую физиономию главного рыбака города. Хохол уже скинул с головы шлем, в который, наверное, не поместилась бы его широкая улыбка.

Все тонкости спасательной операции были уже оговорены в кабине. Сейчас же – пока Салоед с хорошо различимым рычанием поглощал невероятное количество еды (в том числе и соленое сало, хранившееся прежде в запасниках Зинаиды), из прихваченных с собой панелей разведчики шустро монтировали формы – сначала под опорные плиты, а потом и под блоки, над которыми полковник застыл с задумчивым выражением лица. Он, конечно же, хорошо представлял себе принцип работы домкрата. Но как передать этот принцип застывшей «в ожидании» пластмассе? В конце концов, он просто представил себе, как четыре поставленных вертикально столбика вдруг начинают неудержимо расти, и как этот рост, соединивший широкие подпорные плиты и сам замок, заставляет последний вздрогнуть, а потом оторваться от земли («От оранжевой травки» – поправил он себя), и явить спасателям такие родные очертания «Эксплорера». Этот рост он обозначил на глазок – так, чтобы замок не завалился на противоположную сторону.

Уже когда громоздкое сооружение действительно поползло вверх, полковник задал себе неожиданный вопрос:

– А как долго мог продолжаться этот рост? На сколько километров мог протянуться истончавшийся столб? И что пересилит, когда этот столб, точнее, уже нить, станет толщиной в одну молекулу пластмассы – команда расти дальше, или невероятная прочность материала? Разорвется ли эта нить, и чем это грозит людям, стоящим рядом?

Экспериментов полковник решил не проводить. Пока. Но эта картинка – стремительно истончавшийся столб, заняла свое место в памяти, чтобы... Додумать командиру не дали – сразу две юные красавицы, Даринка с Верой, набросившиеся на него с объятиями, и попытками расцеловать – хотя бы и сквозь забрало шлема. Сами девчата, как и вылезший следом за ними из автомобиля смущенный чем-то Микола, и жующий что-то на ходу Салоед, откинули свои шлемы на спину; там имелись специальные зажимы для таких случаев.

– Немедленно надеть шлемы, – строго; по-настоящему строго одернул вахту полковник.

– Точно, девчонки, – подтвердил его команду из-за спины полковника Анатолий, – подкрадется со спины какой-нибудь летающий баран – и все, нет такой красоты. Хорошо, что коровы не летают!

Салоед, активно жевавший что-то очень аппетитное, вдруг выпучил глаза, подавившись и выплюнул перед собой невероятное количество пережеванной массы. Он захохотал, подняв к небу, к ослепительному солнцу, так и не прикрывшую шлемом голову. Полковник, слушая его невероятные рассказы о летающих коровах, и о червяке, в несколько минут поглотившем полутонное животное, параллельно думал о светиле, об уже зафиксированном факте – за почти восемнадцать часов, прожитых землянами в этом неласковом мире, оно так и не сдвинулось с места.

– И это, – представлял он себе, грозно хмуря брови, и заставляя четверку экипироваться по полной, – еще доставит нам проблем. Начиная с простых физиологических, и...

Физиология, кстати, объяснила причину смущения богатыря Миколы. Надев шлем, он побежал, за угол замка.

– Куда?! – тормознул его Салоед, – хочешь, чтобы червяк тебя за задницу цапнул? Нырять вон в окно, и ищи туалет там, внутри.

А девушки встали грудью у дверцы «Эксплорера», когда туда попытался забраться майор Цзы, назначенный водителем этого транспортного средства.

– Мы сами, – заявили они, заалев щеками сквозь затемненные стекла шлемов, – заодно и проветрим по дороге...

– Ну, кажется, все, – полковник даже отряхнул руками в перчатках, когда последние литры пластмассы «утонули» в грунте расходящимися веером от замка столбами, – с такого якоря самый сильный шторм не сорвет. Поехали?

– Товарищ полковник? – замялся рядом Хохол.

– Слушаю, Александр Леонидович.

– Посмотреть бы, что там так коров заинтересовало. Связь-то как раз появилась, когда они там сгрудились, цепочку вокруг замка прервали. Так что можно сказать, это что-то нас и спасло!

– Вообще-то вас командир спас, – пробурчал Никитин, – с нашей помощью. Но посмотреть интересно.

В месте, где утоптанная копытами полусотни коров трава еще не поднялась, первый оказавшийся здесь тракторист углядел какой-то кусок бледного камня. За него схватились сразу четыре руки, защищенные камуфляжными перчатками. Рывок – и вот уже Александр любителю лицом собственной жены, запечатленной неведомо когда и неведомо кем в пластмассе.

– Что значит, неведомо кем? – рассердился на себя Кудрявцев, – только я сам мог свершить это чудо; только моя любовь к Оксане. А где, и когда... поживем – увидим...

Картинка истончающейся до немыслимых пределов нити вернулась через несколько дней, когда Анатолий Никитин нетерпеливо воскликнул, возвращая задумавшегося Кудрявцева на грешную землю.

– Товарищ полковник, начинаем?

К этому моменту город уже накрывало кружево «стропил», тянувшихся от цитадели до каждого из столбов, редкой цепью соединявших четыре наружных поста. Таких столбов

было четыреста – по сотне на каждую из сторон квадрата; значит, четыреста тонких, сечением пять на пять сантиметров, нитей, тянулись сейчас от них к подножию верхнего этажа цитадели. Так что в панорамные окна верхнего этажа было хорошо видно, как это кружево разбегается, образуя несущую конструкцию для защитных панелей, которых надо было изготовить больше миллиона квадратных метров. Полковника смущало, почти страшило не само это число. Ему было безумно жаль времени, которое нужно было затратить на этот процесс. Сердце Кудрявцева, прежде всего командира разведчиков, а уже потом мудрого руководителя города, звало его к исследованиям новых земель, а тут... – годы (как подсчитала Маша Котова) монотонной работы; день за днем; месяц за месяцем.

– Не начинаем! – тряхнул головой полковник, наконец-то соединивший в голове то самое видение бесконечно тонкой нити и миллион квадратных метров шатра над городом.

– Что так?! – совсем не по уставу удивился тракторист.

– Будем, Анатолий Николаевич, модернизировать наше производство, – улыбнулся Александр, – помнишь, как ты издевался надо мной; советовал построить кусок пластмассы по стойке «Смирно!», и командовать им?!

– Так я же, товарищ полковник..., – тракторист даже побледнел.

– Успокойся, – еще громче рассмеялся Кудрявцев, – я пошутил – насчет твоих слов. А насчет команд... Как ты думаешь, получится у меня так «поговорить» с вот этим (он похлопал по теплому боку десятикубового танка, полного жидкой пластмассы)?

– О чем?! – поразился Анатолий, и, скорее всего, все вокруг.

В мастерской, кстати, было не меньше двадцати человек; рядом с командиром, конечно же, Оксана и неизменная Мария Котова с блокнотом, и ручкой наготове. А еще – с сумочкой, в которой было много что полезного.

– Доставай-ка калькулятор, Марья Васильевна, – распорядился полковник, – подсчитай нам, какой толщины будет пленка, если содержимое вот этой емкости размазать по всему куполу?

– На миллион с лишком квадратов? – ахнул пораженный тракторист.

– Вот, Александр Николаевич, – Котова ничему не удивлялась; она дисциплинированно барабанила по клавишам калькулятора, – примерно одна сотая миллиметра.

– Ну, можно сделать и потолще, – Анатолий на удивление быстро успокоился, и первым включился в обсуждение фантастической, как он совсем недавно считал, теории, – вы еще, товарищ полковник, прикажите ей вспениться – без всякого компрессора. Хотя бы раз в десять.

– Принимается, – к изумлению Никитина Кудрявцев кивнул вполне серьезно, – но все равно, друзья, как-то страшновато жить под зонтиком таких размеров, если он толщиной всего в десятую часть миллиметра.

– Да уж, – глубокомысленно протянул профессор Романов, – хотелось бы чего-нибудь посолидней. Хотя, думаю, тех же коров с баранами купол должен выдержать.

– Выдержит, – даже рассмеялся полковник, – не сомневайся, Алексей Александрович. А теперь представь такую картину... все представьте. Вот вырос над нами такой сверхтонкий зонтик, а заданная программа продолжает действовать. Из второго танка по трубочке продолжает поступать пластмасса – непрерывным потоком – и наш купол растет – в толщину. Заканчивается очередной танк, и вот у нас уже две десятых миллиметра; десять танков, и толщина уже больше миллиметра. И так далее – пока не получим нужной толщины. Хоть целый метр! Или больше...

– Здорово! – тут же попытался поверить в предложение командира Никитин, – а вы, товарищ полковник, сумеете «объяснить» пластмассе, как это делать – расти без перерыва, образуя монолит с заданными свойствами.

– Попытаюсь, Анатолий, – рассмеялся полковник, – тебя же вот научил вести научные дискуссии без мата и размахивания руками. А замечание твое исключительно своевременное

и точное. Прежде, чем попытаться «командовать» пластмассой, надо эту самую команду продумать. А если конкретней – очертить круг тех «плюшек», которыми будет наделен купол. Наружный слой понятно – защита; от всего возможного, и невозможного. Прочность, отпугивающие свойства...

– Еще и солнечная батарея, – влез в разговор комендант, – это же представьте только – миллион квадратных метров аккумулирующей поверхности... да еще при таком солнце!

– Торговать ей будешь? – тут же повернулся к нему Никитин, – не лопни от жадности.

– Запас лишним не бывает, – Ильин тоже не обиделся на тракториста; на него давно уже никто не обижался – понимали, что излишняя горячность парня проистекает от искреннего желания быть полезным обществу.

– В общем, так, – подвел черту Кудрявцев, – испытания откладываем до завтрашнего утра. Сейчас по расписанию обед. Зинаида Сергеевна (он нашел взглядом главную повариху города) обещала сегодня изумительные отбивные из овец... из местных овец, летающих, и... ну, это к аппетиту никакого отношения не имеет. Как оказалось, их мясо ничем не отличается от обычной баранины. И что-то подсказывает мне, Александр Леонидович (теперь под его взглядом застыл Хохол), что скоро ты будешь угощать нас местным молоком.

Его голос построжел; стальные командирские нотки согнали улыбки с многих лиц, и заставили вытянуться в струнку всех; даже вальяжных от поздней беременности Оксану, Бэйлу и Таню-Тамару.

– А теперь задание для всех. Думаем, вспоминаем, мечтаем...

– О чем, Саша, – дотронулась до его рукава Оксана.

– О том, каким ты хотела бы видеть все вокруг, – Александр Николаевич приобнял жену за плечи, и обвел рукой пространство, на которое солнце продолжало изливать гигантское количество злой энергии, – все – температуру, влажность, общую атмосферу... Может, что-то с Земли, с нашего прошлого... или будущего...

Следующим утром – по календарю города четырнадцатого сентября первого года – свободного места в мастерской практически не было. За дверью толпились те, кто в этот день тоже был свободен от дежурств, и кто опоздал занять лучшие места.

– Пойдемте отсюда, – усмехнулся командир, – есть место попросторней. Там уже все готово к эксперименту.

Внушительная процессия, облаченная в камуфляж (даже дети... точнее – в первую очередь дети!) потянулась за своим предводителем мимо приведенного в относительный порядок парка, огородов, покрытых длинными навесами, а затем полей, где такие навесы построили выборочно – там, солнце могло повредить посевам. Наконец, перед полковником выросли стены пустого ангара, над которым дежурила смена Северного поста. Точнее, ангар был пуст еще вчера; теперь же здесь сновали люди; Сергей Благолепов, бывший священник, командовал разворотом танка с пластмассой; второй – пустой, как догадался Кудрявцев – выезжал в широко распахнутые ворота. А в углу, совсем недалеко от входа, была уже выстроена несложная конструкция, в которой (об этом полковник не догадался – знал; сам вчера вечером утверждал чертеж этого агрегата) уже ждали его «команды» десять кубометров жидкой пластмассы. Конструкция стояла на невысоком фундаменте. На него Кудрявцев и запрыгнул – чтобы видеть всех.

– Ворота не закрывайте, – крикнул он Благолепову, сопровождавшему пустой танк.

А потом на пару минут задумался; быстро пролистал листочки, что рано утром вручила ему Маша Котова. И с широкой улыбкой начал речь... точнее разговор с товарищами.

– Если мы сможем воплотить все, что вспомнил и придумал практически каждый из вас, друзья мои, начал негромко, – то рай сдохнет от зависти – столько мы все себе пожелали.

Звонящую от напряжения тишину разбавили волны смешков, пробежавшие от одного края толпы, и обратно. Тишина, что установилась почти сразу же, была уже не тревожной; она

словно источала доброжелательность, готовность внимать и оказать помощь командиру – если такая помощь понадобится. Как оказалось, он эту помощь уже получил.

– Два часа читал ваши записки, – признался полковник, – это интересней самого захватывающего боевика. А потом думал... да, Анатолий, как Чапай!

– И что надумали, товарищ полковник? – выкрикнул тракторист, словно получивший разрешение.

– Подумал, что у меня слов не хватит, чтобы передать все ваши мечты, ваши пожелания вот сюда, – он похлопал по внушительному баку, в котором (показалось ему) дрогнули, и приготовились «внимать» десять кубометров пластмассы, – а вот передать чувства, что родились и окрепли вот здесь (теперь он похлопал по собственной груди, и там тоже отозвалось готовностью), я сумею внушить. Своими чувствами; а лучше – одним воспоминанием из собственной молодости, из тех лет, когда я был безусым курсантом.

Слушайте. Это было в конце семидесятых, в начале сентября. Нашу роту подняли по учебной тревоге, и бросили в горы – полторы сотни километров, отделявшие Ташкентскую область от Ферганской долины. Уже там – в этом «раю на земле»... (он поискал взглядом сержанта Холодова, и кивнул ему) правильно я говорю, сержант?

– Истинная правда, – товарищ полковник, – а уж осенью, когда виноград да персики созреют; дыни с арбузами...

– Так вот, – продолжил с легкой улыбкой Александр, – меня поставили часовым – чуть выше какого-то кишлака. По легенде меня не могли сменить целые сутки. Вот эти сутки я сегодня и вспоминал – и совсем не жаркий день – максимум двадцать семь градусов; и ласковую ночь (градусов двадцать два – двадцать три) с огромными звездами, и почти полной луной, под светом которой все вокруг превратилось в восточную сказку; и легкий ветерок с гор. И утро, которое наступило с криками какого-то ишака в кишлаке; самого настоящего. А потом, от нагретых склонов, от садов, потянуло теми самыми персиками и виноградом. К обеду еще – свежим пловом и шашлыком из молодого барашка. Это я так себе представлял; поесть-то мне не оставили. Только фляжку с водой.

– Бедненький, – чуть слышно прошептала рядом Оксана; впрочем, она тоже, как и все вокруг, улыбалась.

– Ближе к вечеру прошел быстрый теплый дождик; а потом мимо проехал на ишаке – может, том самом, голосистом – какой-то аксакал. Он остановился рядом с деревом, с тутовником, в тени которого я прятался...

– Это так у нас шелковицу называют, – шепотом объяснил Холодов.

– Он не стал подходить близко, – продолжал делиться воспоминаниями полковник, – чуть поклонился, и сказал: «Я знаю, сынок – ты сейчас на посту. Тебе нельзя говорить, отвечать мне. И кушать нельзя, и все остальное. У меня внук служит под городом Горьким. Может, и ему кто доброе слово скажет; угостит чем-нибудь вкусным?!». Старик вынул из мешка огромную дыню, еще раз поклонился, и уехал. А я теперь охранял не только горы, кишлак, и весь остальной мир. Еще и эту дыню – до самой смены. Потом мы это чудо всем взводом...

Напоминаю – конец семидесятых; мне – девятнадцать лет, и я живу в самой прекрасной стране мира; советской, самой могучей и справедливой. До Афганистана еще три года... Вот какой день для меня был самым счастливым.

Кудрявцев повернулся к Оксане, и, спохватившись, добавил:

– Конечно, пока не встретил тебя!

В его лицо, и так озаренное улыбкой, словно кто-то добавил солнца – не того, злого, чьи лучи врывались в ангар, резко очерчивая светлый прямоугольник, на который никто не решался ступить, а ласкового, земного... С таким выражением лица он кивнул коменданту, командовавшему сейчас конструкцией, и уперся обеими руками в бак, полностью погрузившись внутрь себя. Ровно десять минут ничего не происходило. Сгрудившиеся вокруг люди ста-

рались не нарушать тишины даже дыханием. Наконец, в ладони Кудрявцева что-то кольнуло – мягко, ласково; так когда-то прихватывал зубами командирскую руку Малыш. И еще одна порция душевного тепла обрушилась на бак, на его содержимое. И в следующий момент произошло очередное чудо; ожидаемое, но все равно внезапное. Раскаленный добела прямоугольник у ворот ангара одним мгновением потемнел, слился с сумраком огромного помещения.

Полковник широким шагом направился к выходу. Шлем был надежно закреплен за плечами, но он не стал закрывать голову – ни от солнечных лучей, ни от других напастей чужого мира. Потому что был уверен – он, и его товарищи выйдут в другой мир, в крохотный уголок родной Земли; для каждого свой. Даже неугомонный тракторист не решился сейчас обогнать Александра. Лишь Оксана шагнула наружу в ногу с мужем – и сразу же охнула в восторге, прижавшись к нему. Кудрявцев был потрясен не меньше. Он ожидал увидеть сверху купол – прозрачный, голубой... любого цвета, сквозь который проглядывало бы солнце. Но наверху было небо – глубокое, бескрайнее, с которого светило ласковое солнышко. По небу медленно плыли облачка. И до них визуально было не сорок, максимум пятьдесят метров – это было наивысшее расстояние от земли до полотна купола – а много больше; столько, сколько и положено было для обычных перистых облаков. На волю – под небо, под совсем не жаркие лучи солнышка начали медленно выходить остальные. Потом кто-то из детей завизжал голосом, полным неподдельного счастья, и толпа хлынула широким потоком, мгновенно поглотив супругов Кудрявцевых...

Через безумно долгие полчаса Александр медленно освободился из объятий Оксаны.

– Ты не устала, родная? – спросил он, без всякого стеснения погладив большой живот жены.

– А что, по плану намечено еще одно чудо?

– Ну, как чудо? – пожал плечами полковник, – улыбаясь и отмечая, что не меньше половины горожан, ликовавших рядом, наострили уши, – скорее рутина, не менее важная, чем вот это.

Он обвел руками небосвод, начинавшийся над ними, и заканчивавшийся в километре – у противоположной стороны города. А потом ткнул себе под ноги:

– Здесь мы по-прежнему беззащитны. В любой момент может выскочить червяк, и отхватить кому-нибудь ногу.

Оксана бросила опасливый взгляд под ноги, и облегченно выдохнула. Они с Александром стояли на широкой дороге, сквозь полотно которой вряд ли сумело бы пробиться любое известное ей (и неизвестное тоже) существо.

– Кроме моего Саши! – с гордостью подумала она, – топнет сейчас ножкой, и...

Полковник Кудрявцев топтать ногой не стал. Он увлек за собой жену, а за ней и большую часть горожан. Теперь Александр Николаевич остановился в другом углу ангара, где тоже ждала конструкция, аналогичная первой.

– Отсюда, – ткнул он в круглый бок приемного резервуара, – защита пойдет вниз, под землю – на глубину пятидесяти метров. И уже там повернет, чтобы завершить сплошной панцирь вокруг города. Вот тогда уже никто и ничто не будет угрожать нам, даже... впрочем, об этот пока рано думать. Давайте начинать.

Кудрявцев опять уперся ладонями в бак; уже не такие торжественные в своих мыслях зрители негромко переговаривались. Полковнику этот шумок скорее помогал, чем мешал – ведь именно на защиту этих людей были направлены сейчас мысли Александра; именно эти мысли должна была уловить сейчас волшебная субстанция.

Толик Никитин тем временем объяснял, стоя в кружке любопытствующих:

– Почему именно пятьдесят метров? Решили, что этого хватит, чтобы не задеть «корни» нашего родника. Хотя кое-кто утверждает (тут он покосился на доцента Игнатова), что источник все равно иссякнет.

– Нечего искажать мои слова, – сразу набылчился Роман Петрович, – я лишь сказал, что нашему источнику, как и любому другому, нужна подпитка. Прежде это были водоносные слои, или – скорее всего – атмосферная влага, просачивающаяся в почву. А здесь что? Ни того, ни другого.

Полковник как раз закончил свою десятиминутную медитацию; ощутил начало таинственного процесса в булькнувшей неслышно для всех остальных жидкости, и повернулся к доценту.

– Не спешите с выводами, Роман Петрович. Будущее покажет.

– Какое будущее? – озадачился биолог, лучший друг верблюдов, а в скором будущем (по заданию командира) – летающих овец и коров.

Но полковник Кудрявцев лишь загадочно улыбнулся. Он мог бы ответить и доценту, и другим жаждающим, но... Сегодня Александр мог позволить себе маленькие слабости. Хотя бы вот такую таинственность, которая должна была закончиться очередным сюрпризом. И она закончилась – громким стуком в двери дома Кудрявцевых, наслаждавшихся вечерним чаем; как будто на двери не было звонка, а в руке Никитина, ворвавшегося в гости без приглашения, не было рации. Последняя тут же исчезла в кармане тракториста, потому что ему нужны были две свободные руки. Ими он потащил совсем не упирающихся Кудрявцевых на улицу – под проливной дождь. На улицу один за другим выскакивали соседи – смеющиеся, и совсем не пытавшиеся закрыться от теплых струй. К Кудрявцевым подбежала, шлепая по лужам (и откуда они только взялись на идеально ровных дорожках?) Люба Ульянова. Она ухватила за руку командира, и выпалила умоляющим голосом, глотая струйки воды, текущие по лицу:

– Александр Николаевич, товарищ полковник, а как бы так подгадать, что бы такой дождик на поля с огородами, да почаше.

– Что значит почаше, – сделал строгое лицо командир; он тоже с удовольствием глотал дождевую воду – в отличие от всех остальных он прекрасно знал, что она ничего вредоносного не несет, – ты расчеты давай. Графики, интенсивность, карту полей. Вот тогда и будем договариваться.

Ульянова уставилась в его лицо с неподдельным изумлением. Командир не стал объяснять прямо сейчас, что такая команда – ждать новых команд, и выполнять их – прозвучала в ангаре самой первой.

– Пойдем-ка лучше в дом, Люба, – пригласил он садовода, – такого вкусного чая, который заваривает моя Оксана, ты никогда не пила.

– Ага, – совсем не обидно ухмыльнулась Ульянова, – по еврейскому рецепту!

Но от приглашения не отказалась...

С тех пор каждый день полковник Кудрявцев подсаживался к баку, который стараниями Сергея Благолепова и его команды никогда не пересыхал, и вел неспешные беседы – по часу, а иногда и больше. Не с пластмассой, конечно – до такого он еще не дошел. Командир приглашал на эти беседы товарищей – одного за другим, по одному ему понятному принципу. Разговоры велись на самые разные темы – о прошлом, настоящем; о мечтах на будущее. Конечно же, о проблемах, которые видели специалисты, и мимо которых сам он мог пройти, даже не заметив. В какой-то момент полковник понял, что эти беседы не проходят бесследно; что они отпечатываются матрицей в непрерывно текущей пластмассе, и меняют свойства купола.

– В какую сторону? – спрашивал он себя, – и не находил ответа.

Только был уверен, что его собственные представления о совершенстве, о счастье, о самом лучшем для человека, кому-то могут показаться однобокими, а в чем-то даже ошибочными. Он сейчас учился у своих товарищей видеть, и создавать большие и маленькие радости бытия, щедро делиться ими с близкими людьми. И еще одну цель преследовал полковник Кудрявцев, приглашая поочередно тридцать человек. Сейчас, по истечении месяца, он, нако-

нец, открыл эту тайну. Именно эта тридцатка – самая близкая, самая проверенная и надежная, слушала сейчас его на последнем этаже цитадели.

Полковник занял одно из кресел, вокруг которых располагался практически замкнутым квадратом стол с бесчисленными экранами, клавишами и кнопками. И ткнул пальцем в окно, за которым все было занято оранжевой бесконечностью

– Вам ничего не кажется странным, друзья?

Первым, конечно же, подскочил к панорамному окну Никитин.

– Товарищ полковник, – повернулся он с растерянным выражением лица, – это какая-то неправильная картинка! Где тут небо; где солнце?! Тут же одна степь... безжизненная. Даже бараны не летают!

Никто не фыркнул, не рассмеялся. Лишь у командира губы раздвинулись в улыбке.

– Ты прав, Анатолий, – согласился он, – сейчас мы смотрим не в окно, а экран, который показывает степь на километр от стен города. Можно детализировать. Смотрите.

Его пальцы коснулись пары клавиш на панели стола, и на большом окне появилась тонкая сетка. Еще одно касание, и один из квадратиков на окне, выбранный полковником, стремительно поплыл навстречу зрителям, заполнил весь экран северной стороны цитадели. Теперь можно было разглядеть каждую травинку. А в углу можно было разглядеть цифры, что этот квадратный метр степи находится на расстоянии семисот двенадцать метров от границы города, в направлении сорок пятого градуса на северо-восток.

– А это – для сравнения...

Никто не заметил, какие именно кнопки нажал теперь командир, но соседняя, восточная стена неуловимо изменилась.

– Теперь это обычное окно, – сообщил Александр, – узнаете?

Картинка мало чем отличалась от соседней, южной, и все дружно замотали головой. В тот же момент неуловимое движение командира изменила пейзаж до неузнаваемости. Купол над городом, только сейчас ничем не отличавшийся от окружавшей его степи, стал цветом и формой иным – гладкой пластмассовой поверхностью, какой отличались дорожки и стены технических помещений. Еще несколько движений, и квадратный километр купола поочередно поменял цвет – как в детской считалочке: «Каждый охотник желает знать...». Потом он заиграл сразу всеми цветами радуги, по которой побежали звезды, искры салюта, и еще что-то вообще невообразимое, но бесприммерно удивительное.

– Да она еще и с музыкальным оформлением! – воскликнула пораженная Оксана, опустившаяся в кресло рядом с мужем.

И действительно игру света и теней на куполе сопровождал какой-то знакомый напев, на который прежде всего отреагировала Ира Жадова.

– Правильно, – остановил Кудрявцев ее слова, готовые сорваться с губ, – это ты подсказала эту идею. Помнишь, как ты рассказывала о своем видении нашего будущего – там, в ангаре? А ты, Люба (он повернулся к Ульяновой), там же предложила опрыскнуть всю степь вокруг города какой-нибудь гадостью – как дома опрыскивала картошку от колорадских жуков.

– А что?! – вспыхнула румянцем Ульянова, – разве все эти летающие бараны, коровы с червями, да динозавры не те же зловерные жуки, которых надо безжалостно уничтожать?

– Какая ты кровожадная, баба Оля, – тут же отреагировал тракторист, – а если нам эта степь понадобится? А она уже отравлена...

– Чем она может быть полезной? – проворчала Ольга, – у нас у самих все есть.

– Не спорьте, – засмеялся командир, – есть промежуточный; я бы сказал, примирительный вариант. Сейчас купол испускает излучение, отпугивающее всю живность на километр вокруг. А сейчас (еще одно нажатие пальцем) зона уменьшилась до пятисот метров. Зона контроля не уменьшилась – ровно километр.

– А это не опасно, Александр Николаевич? – вступил в разговор доктор Браун, – влияние неизученного излучения на человеческий организм – это, знаете ли...

– Изучайте, – широким жестом разрешил Александр, – только снаружи. Внутри ни одного лучика не пропускает сам купол. А вот если вот так...

Створки окна на пару мгновений раздвинулись, и тут же сомкнулись. Но и этого хватило, чтобы все в командном пункте заполнилось криками испуга и отвращения, а несколько человек даже ломанулись к закрытым дверям.

– Прошу прощения, – Кудрявцев погладил по голове жену, инстинктивно прижавшуюся к самому надежному месту во вселенной – к собственному мужу, – как говорится – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В данном случае – прочувствовать.

– И вы, товарищ полковник, – первым догадался, конечно же, тракторист, – от каждого из нас выслушивали самые разные предложения, и передавали его пластмассе?!

– Не так примитивно, конечно, – рассмеялся полковник, – скорее это был обмен на уровне эмоций; желаний. Вот эти желания, немного откорректированные и конкретизированные, сейчас мы и видим.

– И мое? – к столу подошел, заслонив своей громадной фигурой половин окна, начальник охраны.

– Да, Боря, – кивнул командир, – смотрите!

Общее внимание опять обратилось к экранам, в одном из которых картинка поменялась. Граница отпугивающей зоны сузилось вдвое, в освободившееся пространство тут же вторглись аборигены этого мира, названия которому пока никто не нашел. Повинуясь команде полковника, изображение резко увеличилось, и вот уже возбужденный Холодов почти кричит:

– Да это же гиссарские бараны! Видите – курдюки сзади болтаются?! Если бы не крылья...

Передний баран, украшенный громадными закрученными в дугу рогами, вдруг отчаянно вскрикнул. Купол приблизил не только изображение, но и звук. С жалобны блеянием стадо посыпалось вниз, словно спелые груши под порывом ветра.

– Наткнулись, – как-то злорадно воскликнул Никитин – единственный пострадавший от «оружия» блеющего противника.

Никаких видимых повреждений овцы не получили. Подтверждая широко распространенное мнение о беспримерной глупости своего племени, стадо разбрелось вдоль незримой границы, и принялось неспешно пастись – благо, оранжевое пастбище простиралось на километры, и километры вокруг. Поменять что-то на экране командир не успел. Крайняя слева овца вдруг подняла голову, и коротко мекнула. Вот она заполнила весь экран, и... теперь Саша Салоед с ужасом и отвращением заорал:

– Это он – тот самый червяк!

– Ну, того твои коровы уничтожили, – успокаивающим тоном, – но картина действительно страшная. Особенно учитывая скорость, с какой эта тварь передвигается под землей.

– Так что..., – начал было спрашивать Левин.

– Да, – перебил его Александр, – зона отторжения распространяется и вверх, и под землю. Максимум – на те же полкилометра.

– Да сделай же что-нибудь, Саша!

Это Оксана отреагировала на выражение счастья в глазах овцы, заполнивших весь экран.

– Как скажешь... смотри, Борис – это, можно сказать, твоя разработка.

Картинка опять поменялась – теперь в квадрате панорамы умещался вся овца с поглотившим ее уже наполовину червем. А потом она вдруг наполнилась ослепительным светом.словно кусочек яростного солнца откололся от материнского тела, и обрушился на степь – в четко очерченный квадрат размером два на два метра. Когда зрители проморгались, на экране чернел выжженный и запеченный до состояния гладкой корки участок земли, который вряд ли когда-то победит вездесущая трава. Он быстро менял цвет с иссиня-черного на серый, без-

жизненный; но, очевидно, продолжал пылать жаром. Так что ближайший баран – тот самый, рогатый – не посмел подойти к пятну, в которой не было ни грана плоти, ближе двух метров. Но и оттуда он, повернувшись, ловко оросил пятно экскрементами. От застывающей лавы вверх взметнулись облачка пара; комнату заполнил тошнотворный запах, и командир поспешил нажать очередные кнопки – одна из них отсекала от внешнего мира рецепторы купола, а вторая заставила натужно застонать систему вентиляции. Воздух в центре быстро сменился свежим, теперь лишь картинка с лопающимся пузырями; кипящим в местах попадания «грозовых снарядов» камнем поражала воображение горожан.

Картинка медленно поплыла, увеличивая сектор обзора, и Холодов с умоляющей ноткой в голосе обратился командиру:

- Товарищ полковник, улетят ведь сейчас! Хотя бы парочку на обед!
- Никто не возражает?

Суровая жизнь последних девяти месяцев отучила всех от сентиментальности и добросердечия – направленных вне коллектива. Лишь Света Левина практически неслышно вздохнула. А Зинаида буркнула:

- Тогда уж четырех – чтобы и на ужин хватило.

Стадо действительно собралось взлетать. Но командир успел нажать на кнопку четыре раза, и в головах жертв – самых упитанных, на взгляд Александра – брызнуло крохотными каплями крови, и осколками черепной кости.

– Ну вот, – бесстрастно заявил командир, – сейчас отключим кое-какие функции, и тревожная группа с Холодовым во главе, может выгонять «Варяг». А остальные будут обучаться управлению центром. Главной причиной наших долгих бесед в течение месяца было именно это – знакомство (если можно так назвать) купола с вами. Именно вы владеете своеобразным паролем, который позволяет управлять пультом. Оксана, Бэйла, Таня-Тамара. Вы – первые. Надо успеть, прежде...

Полковник не закончил, но понятно было всем посвященным; да и не посвященным тоже – стоило только посмотреть на их животы.

Урок начался; многие – те, что не были заняты в этот час – остались в центре.

– Вот, – показал Александр на очередную кнопку, – это голосовой сигнал купола... (он улыбнулся) тридцать вариантов.

Центр заполнил такой знакомый всем голос Оксаны – с интонациями легкого отчитывания, и бесконечной любви, которые могла позволить по отношению к полковнику лишь его супруга:

– Объект в секторе «Север»; расстояние двести метров; удаляется со скоростью шестьдесят километров в час. Опознание – разведбот «Варяг».

– Здорово, – воскликнула другая «ученица» – Таня-Тамара.

Голос теперь был волнующим, с придыханием и чарующей томностью – таким, что Оксана с подозрением уставилась на Александра.

– Это она так с профессором разговаривает, – на всякий случай отодвинулся от нее командир, – а купол сам выбрал.

– Ну-ну! – с обещанием вернуться к этому вопросу в будущем вслушалась в сообщение Кудрявцева и замерла – как и все вокруг.

– Объект в секторе «Юго-запад, сорок девять градусов», – сообщил купол голосом Тани-Тамары, – расстояние девятьсот пятьдесят метров; приближается со скоростью десять километров в час. Опознание – неизвестен.

– Давай! – приказал командир, и пальцы Оксаны вполне уверенно забегали по клавишам.

Экран южной стороны остановился на одном из самых дальних секторов координатной сетки. Дальше купол вел объект автоматически. А объект – громадный, нелепый и несуразный, на взгляд знатоков военной техники, и одновременно ужасающий в своей массивности –

медленно надвигался на город. Было что-то знакомое в этом танке, волокущем за собой прицеп размерами с целый вагон. Кудрявцев с облегчением вздохнул, вспоминая, когда за спиной Анатолий Никитин воскликнул – с какой-то веселой истеричностью:

– Вот он к нам и пришел: «Железный Капут»!

Глава 6. Анатолий Никитин. Здравствуй племя – младое... знакомое

Анатолий даже расхохотался. Грохочущее и изрыгающее клубы дыма железное чудовище один в один походило на карикатурный танк, созданный воображением русских кинематографистов в восьмидесятих годах двадцатого века. Командир в это время командовал Холодову о скорейшем возвращении; естественно, с добычей – разница в скорости «Варяга» и неведомого неуклюжего пришельца позволяла разведгруппе обернуться до города и обратно несколько раз. Полковник Кудрявцев, наконец, закончил инструктировать сержанта, и Никитин тут же подскочил к нему.

– Товарищ полковник, – жарко зашептал он, – а давайте по этому «Капуту» жажнем... из всех стволов!

– Да ты что! – возмутилась прежде командира Таня-Тамара, наступая грудью на тракториста, – там же люди! Живые люди!

– Да я что? – тут же пошел на попятную Анатолий; он и сам понял, что был чудовищно не прав, предлагая выстрелить, – я же легонько – пощекотать. Проверить, так сказать, его тактико-технические характеристики.

Он скакнул угол, подальше от разгневанной никарагуанки, и уже оттуда наблюдал, как неспешно, но неотвратимо выростал угловатый контур боевой машины. В какой-то момент сцепка – танк-вагон дрогнула и остановилась. Командир тут же пояснил:

– Я убрал режим маскировки; теперь наши «гости» видят вот это.

Один из квадратов в углу боковой, западной стороны осветился несколько иначе, чем все остальные, и Никитин в очередной раз едва сдержал изумленный выкрик. Кое-кто в зале удивления не сдержал; восторженно ахнул. Картинку словно снимали с того самого танка. Со стороны город с его надежным куполом сейчас выглядел замком из драгоценного мрамора, сверкавшим в нестерпимых лучах солнца. Панорамных окон, за которыми сейчас сидели и стояли наблюдатели, не было видно; город внешне был одной монолитной твердыней.

– Которой мог бы позавидовать не то что любой мраморный замок, но и стальной, и... и...

Сравнений в богатом воображении тракториста не хватило; их попросту не существовало – в чем их с утра убеждал полковник Кудрявцев.

В зал ворвался сержант Холодов. Доклада не понадобилось; командир лишь повернулся к Зине с немим предложением: «Твой выход, Зинаида Сергеевна». Повариха лишь отмахнулась:

– Успею! Девочки без меня разделают. А тут такое творится...

Творилось вот что. Танк внезапно окутался клубами дыма – словно двигатель внутри него натужно взревел, не в силах преодолеть какую-то преграду.

– Нет никакой преграды, – ответил на общий невысказанный вопрос командир, – просто я включил отпугивающее устройство – на расстоянии двухсот метров. Танку, конечно, по барабану. А люди внутри – если там действительно люди – вперед ехать не желают.

Рычащее чудовище на экране еще раз дернулось, и зарокотало совсем негромко; на холодном ходу. Ветерок быстро отогнал клубы дыма, и наступила относительная тишина. В зале тоже молчали. Никто не командовал, но это соревнование на выдержку, на крепость нервов, горожане выиграли. Крышка люка на башне танка откинулась; точнее, отворилась медленно, со скрипом. И в него один за другим ловко выскочили шесть фигур. Они выстроились не очень равномерной шеренгой вдоль незримой границы. Один даже протянул руку вперед, словно пробуя на ощупь эту самую границу.

– Вот это чутье! – восхитился Анатолий, прежде всего с заметной завистью разглядывая могучие мускулы незнакомца, которые выпирали из-под меховой одежды. Солнце палило немилосердно; это Никитин ощутил даже в заполненном свежестью центре.

– Здравствуй, племя – младое; незнакомое, – процитировал тракторист классика.

Дикарю, кстати, жара была нипочем. Он даже улыбался – широко и добродушно; совсем как...

– Виталька! – заорал Анатолий во всю силу молодых легких, отыскивая взглядом закадычного друга.

Виталий Дубов стоял совсем рядом, и растерянно разглядывал собственное лицо на экране. Запаханное копотью; заросшее короткой бородкой, но его собственное!

– Ага, – своей иронией Таня-Тамара стряхнула общую оторопь, заполнившую зал, – вот по нему ты, Анатолий, и хотел стрелнуть!

«Виталик» на экране тем временем повернулся к сотоварищам, которые тоже узнавались, но не имели двойников в зале, и скомандовал – на вполне понятном русском языке:

– Стреляем.

Команда была немногословной, но вполне понятной. Таня-Тамара опять фыркнула: «Еще один стреляльщик!». Но Анатолий от нее лишь отмахнулся (в душе, конечно – не врагом же он был себе); он ждал реакции командира. И дождался; вместе со всеми.

– Ну что, – усмехнулся полковник, – пусть стрелнут. Один раз. Проверим надежность купола. А заодно, Анатолий, и технико-тактические характеристики их оружия. Складно излагашь, товарищ рядовой запаса.

Никитин на всякий случай сделал виноватое лицо, но взгляда в пол упирать не стал; прежде всего, потому, что интересующий его квадрат располагался в самом верхнем левом углу Западного экрана. Впрочем, он тут же надвинулся на зрителей, заполнил собой весь экран. «Кино» было достаточно интересным. А актеры – вполне профессиональными. Процесс был расписан, что называется, по минутам. Двое, во главе с «Виталиком Дубовым» опять исчезли в танке. Вторая пара успела до того, как движок зашумел погромче и исторг наружу новые порции дыма, отцепить вагон, в котором уже скрылись последние «актеры». Танк дернулся вперед, освобождаясь от прицепа, а потом неуклюже повернул, и попятился назад.

– Зачем? – задал вопрос Анатолий, и тут же ответил и себе, и окружающим, – да у них же башню заклинило!

– Причем, с самого начала, – дополнил командир, – там один сплошной кусок железа – ни поворотной башни, ни наведения ствола пушки не предусмотрено. Вот они и ищут, где можно встать так, чтобы нацелиться в нужное им место.

– Это где? – чуть встревожился у стола профессор Романов, – у нас есть такие?

– Нет, конечно, – засмеялся полковник, – но визуально таким выглядит стык между куполом и нашим центром. Вот, глядите.

Танк действительно замер, заехав на какую-то достаточно крутую кочку. Теперь дуло нацелилось прямо в Анатолия, и его товарищей – так показалось трактористу. К «Железному Капиту» неслись на полусогнутых четверка дикарей. В руках они несли какие-то огромные черные куски; нетрудно было догадаться, а потом согласиться с командиром, безапелляционно заявившим: «Угольком топятся ребята!».

– «Топятся», – как правильно понял Никитин, – это означает, что и двигатель у них на угольной тяге, а может быть, и...

Орудие гулко бухнуло; во все щели из танка повалил особо черный дым, а Анатолий каким-то чудом проследил полет снаряда. Тот по пологой дуге шлепнулся где-то посреди купола, и поскакал по его гладкой поверхности, как громадная стальная лягушка.

– Стальная?!!

Болванка все-таки достигла основания командования центра, и, ткнувшись в нерушимую стену, развалилась на черепки, показав свое глиняное нутро. Внутри такого хрупкого снаряда была начинка – не тротил, не какая-нибудь зажигательная смесь типа напалма. Нет! Вокруг башни зажужжали, бешено пытаясь пробить толстое стекло, огромные осы.

– Ага, – отлегло от сердца тракториста, все-таки опасавшегося (совсем чуть-чуть) какого-то подвоха от выстрела, – старые знакомые!

– Действительно, – подскочил к экрану доцент Игнатов, главный по животному миру, – один в один, как те, что мы сожгли в Александрийском маяке. Хорошо бы, конечно, познакомиться поближе...

Поздно! Полковник Кудрявцев, очевидно, уже произвел какие-то манипуляции на пульте; сверкнули десятки коротких молний, и по гладкому куполу вниз, к травяному полю, окружавшему город, поползли тонкие струйки пепла – все, что осталось от грозных насекомых.

– Ну, – расправил плечи полковник, – теперь наш ход.

– Саша! – коснулась его руки Оксана, – ты же не будешь стрелять по ним. Там же наши...

– Насчет «наших» мы еще посмотрим, – командир свел брови в одну непреклонную линию, – но уничтожать их, конечно же, не будем. В крайнем случае, отгоним подальше. А пока...

Его палец глубоко утопил кнопку, и на месте вагончика, оставленного дикарями, вспух огненный цветок.

– Ну вот, – обреченно заметила Бэйла, которая все рассматривала через призму воинской рациональности, – теперь нам придется позаботиться об этих ребятах. Без угля им отсюда не уехать. А без танка далеко не уйдешь.

– Или бараны с коровами «разбомбят», – хмыкнул в поддержку снайпера Анатолий.

Он вдруг заподозрил, что командир специально уничтожил запасы топлива аборигенов – чтобы контакт состоялся в любом случае.

– Только теперь эти ребята сердиты на нас сильнее, чем даже осы, которыми они «угощают» противников.

Полковник услышал; усмехнулся.

– Ничего, – ответил он громко, чтобы слышали все, – что-то подсказывает мне, что ребята окажутся вполне адекватными; мы с ними еще подружимся. И тогда смонтируем им движочек покомпактней и помощнее. И батарею солнечную – на всю поверхность «Железного Капута». Вон они, кстати, и сами готовы к переговорам.

«Виталик Дубов» уже торчал из верхнего люка танка, и размахивал рукой с зажатой в ней белой тряпкой.

– Сразу бы так, – усмехнулся командир, и повернулся к товарищам, явно подбирая команду для первого контакта.

Толик сразу же оказался перед ним, и полковник Кудрявцев весело сверкнул глазами: «Куда же без тебя!».

– Никитин, – принялся перечислять он, – Алексей Александрович, Марио, и... Левины – оба. Итого со мной шесть. Их тоже как раз полдюжины.

Анатолий повернулся к другу, к Виталику, и пожал плечами: «Извини, брат, но не я выбирал!». Впрочем, по лицу Дубова было видно, что он совсем не горит желанием пообщаться с «родственничком». Тракторист опять повернулся к командиру:

– Заводить «Варяга», товарищ полковник?

– Не надо, Анатолий – пешком дойдем. Тут всего-то двести метров. А «Варяг» пусть будет наготове. Понятно, сержант.

Холодов рядом с ним вытянулся, бросив ладонь к шлему с открытым забралом.

– Теперь вам, – улыбнулся полковник сразу трем беременным красавицам, – втроем, надеюсь, справитесь с пультом. А лучше – не трогайте тут ничего. Ничего страшного с нами произойти не может. Попробуй, Оксана, отключи отпугивающее устройство.

Кудрявцева легко справилась с задачей, и командир, поцеловав ее в висок, первым вышел из командного центра...

Незримой линии в двухстах метрах от городской стены больше не было, но аборигены словно по прежнему чувствовали ее; не продвинулись к городу ближе ни на шаг. Они выстроились цепочкой – огромные, накачанные мускулами. Из разведчиков разве что Борька, да Света Левины могли посоперничать с ними мощью. Но напротив самого крупного из них, гигантской копии Виталика Дубова, стоял полковник Кудрявцев, и русский тракторист был уверен – в схватке один на один шансов у аборигена не было ни одного.

Выражение лица аборигена представляло сейчас собой причудливую смесь изумления, заметной почтительности, и некоторой досады.

– Это они из-за шлемов, – поделился Анатолий догадкой с командиром по внутренней рации.

Сейчас шестерка разведчиков была полностью отрезана от внешнего мира; ни один звук не мог вырваться наружу. Командир, помедлив, одним движением откинул шлем на спину. «Дубов» одобрительно хмыкнул – в то время, как один за другим откинутые шлемы являли лица остальных разведчиков. Никитин чуть замешкался; успел подумать, что такое сопровождение командир подобрал себе совсем не случайно.

– Все мы здесь из «бессмертных», – промелькнула мысль, – а значит, солнце нам не страшно. И микробы, которые, может быть, привезли с собой эти ребята.

Он поспешно сорвал с головы шлем, и по инерции поздоровался, совсем не подумав, что выступает поперед «батьки», то есть командира; и что это может аукнуться ему в будущем:

– Ну, здорово, братцы!

– Здоровей видали, – совсем по-русски ответил абориген, протягивая ему руку.

А потом, крепко стиснув ладонь Никитина, – в изумлении воскликнул:

– Ты не из семьи ли колдунов, парень?!

– Каких колдунов? – Анатолий от изумления даже не ощутил боли в крепко прихваченной руке.

– Великих трактористов! – «Дубов» даже поклонился в почтении, – механиков и создателей всех «Железных Капутов»!

Его речь была достаточно своеобразной, но вполне правильной. И ее прекрасно поняли все. А поняв, невольно закашлялись, скрывая смех – со стороны разведчиков. Кроме самого Никитина, конечно. Командир, наконец, взял ход переговоров в свои руки.

– Давайте сначала познакомимся. Я – полковник Кудрявцев, начальник города, в который вы почему-то начали стрелять.

– Я – Виталька Дуб, – гордо вздернул подбородок к небу старший шестерки аборигенов, – я команду походом русов к Железным горам.

– Виталька... Дуб..., – растерянно прошептал тракторист.

Командир зацепился прежде всего за другое знакомое слово:

– Русы? И много вас? Или здесь все?

– Нас много, – выпятил могучую грудь Дуб, – и малая часть народа руссов вместе со мной сейчас несет великую миссию.

Эта миссия чрезвычайно заинтересовала Анатолия, однако он поостерегся вступить в разговор без разрешения командира еще раз. А вот профессору Романову – знал тракторист – без предварительного запрета разрешалось задавать вопросы. И Алексей Александрович своим правом тут же воспользовался.

– А что, Виталий... здесь есть еще кто-то, кроме русов?

– Есть, – кивнул абориген, – как не быть. И неандерталы, и африканы, и еврогеи...

– Еврогеи! – хохотнул, не выдержав, Никитин, – как у вас все просто, и... точно. Прямо в глаз. За что вы их так?

Дуб только пожал могучими плечами, словно говоря: «Да кто его знает? С древности так...». Профессор снова вскинулся, явно задумав спросить сейчас об этой самой древности, а может – о причинах, заставивших руссов оказаться здесь. Но не успел. В наушниках раздался тревожный возглас Бэйлы:

– Командир, стадо... Большое стадо. Летят прямо на город!

– Понял Бэйла, – ответил командир, – страхуйте... мы скоро заканчиваем. Если будут атаковать – уничтожить.

– Бэйла!? – воскликнул вождь русов, сделав движение, которое Анатолий распенил, как готовность поклониться, или даже рухнуть на колени, – сама королева жидовок-амазонок гостит у тебя, Полковник Кудрявцев?

Память у Дуба была, несомненно, хорошей; слух у супруги Анатолия тоже. В ушах разведчиков тут же зазвенел рассерженный, даже скорее гневный голос Бэйлы:

– Командир, можно я у этого здоровяка что-нибудь отстрелю... из винтовки?

Командир ответить не успел; точнее, выкрикнул, но совсем другое – скомандовал:

– Шлемы!

Забрало словно само собой отсекло Анатолия от внешнего мира. Он, наверное, самым первым выполнил команду; тело хорошо помнило жгучую боль от брызг бараньих экскрементов. А чем другим могла «одарить» высокие договаривающиеся стороны стая коров.

Мгновением позже и Бэйла спохватилась, выкрикнула:

– Командир, опасность сверху!

– Контролируй! – командир, к изумлению Анатолия, сам смотрел не вверх, как можно было ожидать, и как поступили остальные земляне.

Полковника больше интересовала реакция аборигенов, и Никитин тоже устался; прежде всего, на Витальку Дуба. А тот не спеша вытянул из-за спины длинный сверток, которые в его ловких руках превратился в подобие зонта – куполообразного, закрывшего Дуба от небесной атаки по самую грудь. Шкура мехом наружу – что она могла противопоставить жидкости чудовищной разъедающей силы? Жидкости, за считанные минуты превращавшей металл в ржавую труху? Никитин почему-то поверил в надежность укрытия аборигенов. По одной простой причине – в спокойствии и Витальки, и его сородичей он прочел немалый опыт противостояния опасностям и невзгодам родного мира.

– А не из тех ли самых баранов содрали русы эти шкуры? – ухмыльнулся он сквозь забрало – глядя, как по завиткам мокрой шкуры стекают наземь потоки дурно пахнувшей жидкости, – хорошо, что запахи комбинезон тоже не пропускает!

Командир тем временем скомандовал:

– Бэйла, пугни коровок. Парочку можешь завалить – только чтобы на нас не упали.

– Есть, командир!

Это опять был голос уверенного в себе снайпера, и Никитин заполнился гордостью за супругу.

– Хотя, – в груди парня что-то защемило, – я ее люблю совсем не за это...

Дуб рядом подпрыгнул на месте и развернулся – к месту падения двух громадных туш; еще до того, как они грохнулись на траву. Он что-то крикнул; неразборчивое для тракториста, но вполне понятное сородичами. Аборигены помчались; явно каждый с четко намеченной целью. Анатолия больше заинтересовала та пара, что склонилась над ближайшей коровой с устрашающего вида ножами. А еще – с бурдюком, в который было бережно перелито содержимое вымени уже мертвых животных. Тракторист подошел поближе, почти любуясь их уверенными, отточенными движениями. Дуб принял у подчиненного кожаную (тоже мехом

наружу) емкость объемом не меньше двух ведер бережно, как величайшую ценность. И, помявшись, подозвал Анатолия; открыл перед ним горлышко емкости. Тракторист сначала метнул взгляд кверху – там кроме неизменного солнца, уже ничего и никого не было. Потом повернулся к командиру, и только потом откинул шлем, на который сегодня не упало на капли жгучей жидкости.

– А пахнет изрядно, – скривил он физиономию поначалу, – как будто на огород только что вывалил целую телегу навоза... свежего, не перепревшего.

Потом его ноздри подозрительно зашевелились. Этот гнусный аромат вдруг перебила тонкая, такая... родная струйка острого запаха. Анатолий буквально припал носом к горловине бурдюка, в которой плескалась белая жидкость, взорвавшая все возможные и невозможные рецепторы человеческого организма. В голове, кроме невообразимой радости, и желания припасть к «горлышку», и пить, пить, и пить – пока не опустеет бурдюк, или лопнет желудок, билась единственная мысль из такого далекого прошлого: «Очищена молоком», и смутная картинка бутылки с квадратным донышком и синей этикеткой.

Какая-то могучая сила отбросила его от вожденной пенной жидкости; точнее, переставила его быстро и аккуратно: вот он стоит, склонившись над бурдюком, а вот – наблюдает, как смущенный Виталька закрывает свою волшебную «бутылку», и выслушивает полковника Кудрявцева, удрученно кивая головой; уже метров с десяти от этой воспитательной сцены.

Наваждение быстро вымывалось из души; его место занимало все то же смущение. До тех пор, пока из шлема за спиной раздался встревоженный голос любимой женщины. Бэйла на этот раз была внимательней.

– Командир, – еще одно стадо на подлете... за ней еще одно, и еще...

Никитин уже был рядом с полковником. Забрало у последнего было пока открытым, так что предупреждение из центра дошло и до ушей Дуба. Лицо вождя русов стало задумчивым; потом отрешенным, почти торжественным.

– Я рад, – воскликнул он, – что последнюю песнь солнцу я спою вместе с таким могучим воином, которому служит королева жидовок-амазонок!

– Какая последняя песня?! – воскликнул тракторист; опять раньше командира, – прыгай вместе с дружками в свою железную коробку, и пережди этот великий перелет, – а потом товарищ полковник объяснит вам, как жить дальше. Жить хорошо, брат.

Он хлопнул Дуба по плечу; точнее – по могучей груди; до плеча он просто не дотянулся. И совсем не удивился, когда тот ответил легким похлопыванием по плечу Анатолия (с его ростом и длинными руками он мог выразить так приязнь всем новым знакомым, окружившим его с командиром) и фразой, которая должна была родиться... неизвестно когда:

– А хорошо жить еще лучше, брат!

Но лицо Витальки при этом не стало мягче и спокойней.

– Этот перелет не случайный, Полковник Кудрявцев, – так же торжественно принялся объяснять Дуб, – он означает, что скоро налетит шторм.

Последнее слово он произнесен с такой мрачной силой и нажимом, что Анатолий невольно содрогнулся; вспомнил пророческие слова Кудрявцева о том, что все катаклизмы, что несла эта злая планета, могут быть исключительно разрушительны – такими, какое человеческое сознание просто не может вообразить. И полковник рядом, скорее всего, тоже проникся.

Он махнул в сторону стальной громады города; пригласил русов под его надежную защиту:

– Туда, друзья, – там нам никакой шторм не страшен!

Дуб лишь скептически помахал головой.

– От шторма нет защиты. Только забившись в глубокие пещеры Железных гор или нашего Побережья, куда и летят все стада, можно переждать его – в надежде, что входы не завалит валунами, и что можно будет еще раз посмотреть на наше ласковое солнышко.

Анатолий сначала подивился цветистости и безупречности постройки достаточно длинной фразы дикаря. В голове метнулась и пропала мысль о том, что в нем, в Витальке Дубе, словно были собраны воедино несколько характеров – от добродушного до стеснения Дубова до рассудительного и академически точного в суждениях профессора Романова.

– А вот эти словечки, да издевательские приколы – это уже от меня! – обожгла сознание еще одна внезапная мысль.

Потом все смыло изумлением, граничащим с возмущением:

– Ласковое?! Да оно, это чертово светило, чуть не отправило на тот свет десятки горожан! Предупреждать надо было!

К кому обращался сейчас разгневанный тракторист? Он так и не задал себе этого вопроса. Потому что все невольно вздрогнули от вопля, полного отчаяния. Когда Никитин повернулся к аборигену, чье лицо сильно смахивало на физиономию Витальки Ершова, бывшего пермского художника (только физиономия – фигурой этот «художник» едва ли не превышал своего вождя), это самое лицо уже заполнило вселенское блаженство. А с правой руки к траве тянулась толстая кишка – ужасный червяк-убийца. Очевидно, зазевавшийся от свалившихся на голову новостей абориген не успел отреагировать на опасность. Если, конечно, такая возможность вообще предполагалась...

Реакции вождя русов могли позавидовать все... Кроме полковника Кудрявцева. Движения командира слились в одну непрерывную размытую полосу, которую тракторист каким-то чудом успевал отслеживать. Вот полковник подхватил огромный ножик, который не успел совершить короткий полет от руки впавшего в транс «Ершова» до травы; вот единственный безжалостный взмах руки Кудрявцева – и подскочивший, наконец, Дуб едва успевает подхватить тело соплеменника.

– Соплеменника ли, – с горечью спросил себя Анатолий, за это время не тронувшийся с места, – разве можно это теперь назвать человеком?

Впрочем, об «этом» можно было подумать позже. Сейчас же взгляд тракториста метнулся от пребывавшем до сих пор в нирване аборигена к командиру, в руках которого уже был готов к бою арбалет. Обычное оружие, каким бы тугим не была его пружина, и каким бы широким не был наконечник болта, вряд ли причинило существенный ущерб чудовищу, тянувшее ровный срез своего тела уже к самому Кудрявцеву. Но внутри этого живого горнила смерти – догадался Анатолий – вместе с пластиковым болтом полетела какая-то команда. И она, эта команда, заставила захлопнувшую пасть тварь взорваться бесчисленными клочьями бурой плоти, а потом продолжила свой путь уже под землей; заставляя последнюю взбугриться длинным нескончаемым валом. Никитин представил себе, что вот так мог бы улепетывать от врагов огромный крот, который юркнул поглубже, и сдох, вереща от ужаса, метрах в тридцати от места схватки.

– Да. а.а..., – протянул уже вслух Анатолий, – немаленький червяк нам попался.

Развивать свою мысль он не стал; осекся, когда глянул в лицо Дуба. Вождь был заполнен отчаянием; словно не он только что стоически предрекал смерть от шторма всем – и маленькому осколку своего племени, и разведчикам, и всему городу.

– Ну, что ж, – вздохнул он, наконец, – его смерть будет не такой ужасной, как наша. Тезка так и умрет в неведении. Берите его, ребята.

«Ребята», соплеменники, двинулись было, чтобы подхватить улыбавшегося во все лицо товарища, но были вынуждены остановиться, когда им заслонила путь не такая внушительная, но непреклонная фигура полковника Кудрявцева. А еще – его команда, бальзамом пролившаяся на душу упавшего было духом тракториста:

– Света, – посмотри, что там с ним.

– Есть, товарищ полковник, – Левины шагнули к уложенному теперь на траву аборигену вместе.

А полковник уже спрашивал Дуба:

– Я так понимаю, что оставить танк здесь вы не хотите?

– Нет! – твердо заявил вождь, – это мой танк – тридцать четвертый по счету – и я или с ним дойду до цели, или погибну с ним вместе. Иного не дано!

Никитин сначала восхитился цифрой, тут же переименовав «Железный Капут» в «тридцатьчетверку», а потом с уважением покачал головой, не осуждая, но и не принимая душой такой жертвенности.

– В конце концов, – подумал он, – можно построить и тридцать пятый... если будет кому строить.

Наверное, он прошептал эти слова достаточно громко («Ну, или „Виталька“ умеет читать мысли», – ухмыльнулся он теперь уже точно беззвучно), и Дуб рядом грозно и непреклонно нахмурил брови. Но решал тут все не он, и, конечно же, не бывший тракторист Анатолий Никитин. Мудрости полковника Кудрявцева хватило бы не только на этих в чем-то похожих людей («Да – людей», – подчеркнул Никитин, опять про себя), но и на всю вселенную. Он уже диктовал в рацию:

– Холодов, выдвигайся. Будем буксировать «подбитый танк»... вместе с экипажем. В ремонтную мастерскую.

– А..., – сунулся к нему профессор, очевидно, пытавшийся высказать опасения, типа: «А это не опасно, Александр Николаевич», – но ловко поменявший тему, – у нас есть эти самые мастерские?

Он с сомнением оглядел громаду «тридцатьчетверки». Полковник кивнул:

– Южный ангар пуст. Вот пусть наши гости поживут в нем, вместе со средством передвижения.

Он тут же принялся командовать в рацию – уже коменданту, очевидно, нисколько не сомневаясь, что Ильин тоже жадно приник к динамикам в командном центре:

– Валерий Николаевич, организуй все в Южном ангаре для комфортного проживания шести человек... с учетом их габаритов. И безопасности, конечно; нашей. Но это уже задача для тебя, Борис.

Теперь все повернулись к Левиным, и «Витальке Ершову». К последнему, сидевшему на траве с вполне осмысленным взглядом и баюкавшим культию руки со жгутом, глубоко переживавшим этот обрубок, и бросился вождь с криком, полным ликования:

– Ерш, брат, ты вернулся!

Но еще больше страсти – волнения, испуга и торжества (Анатолий так и не понял – чего больше было в этом крике?) – прозвучало в вопле Бэйлы, от которого Анатолий дернулся, словно пораженный электрическим током, а потом расплылся в широкой улыбке:

– Товарищ полковник, Александр Николаевич! Оксана рождает!!

Никитин впервые увидел, как лицо командира стало растерянным; показалось даже, что полковник испугался, как, наверное, никогда прежде. Он повел глазами по окрестностям, словно не узнавая никого: зацепился взглядом за профессора Романова.

– Алексей Александрович, голубчик! Командуй тут, вместе с Холодовым. А я...

Он гигантскими прыжками унесся в направлении ворот, откуда уже выезжал «Варяг».

Глава 7. Профессор Романов. Лекция номер два

Алексей Александрович Романов был изрядно растерян.

– Что значит, командовать? – вопрошал он себя, – и кем? Вот этими громилами?

«Громилы», тем временем, с любопытством оглядывали подъехавший почти беззвучно «Варяг». Гораздо большее изумление вызвал у них факт излечения сотоварища, отравленного червяком. Как понял профессор, такое на памяти аборигенов случалось впервые.

– Значит, – сделал он вполне логичный вывод, занося и эту отметку в блокнот, – среди наших двойников вторую «Свету Левину» мы не встретим. Интересно, а «профессор Романов» среди них попадется?

Он подумал немного, и поправил себя в последнем выводе; черкнул еще пару строк:

– Хотя, физическую оболочку Левиной вполне могли придать какой-нибудь аборигенке; насчет ментальных способностей уникальной лекарки сделать это было, пожалуй, посложнее. Если вообще возможно.

За этими размышлениями Алексей Александрович не заметил, как все организовалось без его команд. Он с очередным изумлением оглядывал еще одно новшество, которое прежде прошло мимо его сознания. «Железный капут», ведомый на короткой сцепке «Варягом», вкатился вслед за буксиром в один из тамбуров, которыми теперь начинался каждый въезд в город. Оказалось, что это не только отстойник, или дополнительная защита, но и вполне себе сформированная дезинфекционная камера. Сержант Холодов, первый выпрыгнувший с высокого борта десантной броневой машины, поманил за собой весь его экипаж с разведчиками; всего набралось двенадцать человек. Потом сержант постучал прикладом автомата по обшивке «Железного капута»; гулкий стук заполнил огромное помещение, в котором легко разместились и громоздкие транспортные средства, и восемнадцать двуногих разумных – когда аборигены присоединились к разведчиком. Они стоически вытерпели; скорее даже обрадовались тугим струям теплой воды, которая вдруг хлынула со всех сторон. Сам профессор поразился гораздо сильнее дикарей, смотревших на чудеса вокруг с философской спокойностью.

– Ну, чудеса еще впереди? – улыбнулся Алексей Александрович, наклоняясь к идеально ровному полу, в который каким-то неведомым способом просачивалась вода.

Нет – снизу водяные струи не били, как того ожидал Романов; потоки низвергались с высокого потолка, и практически сплошной стеной срывались со стен, на которых тоже не было видно никаких отверстий.

– Круче любого душа Шарко, – восторженно заявил Анатолий Никитин посредством рации, и громадина Левин, бывший израильский гражданин, тут же откликнулся:

– А что, Анатолий, в вашей деревне был медицинский центр с таким душем?

– В нашей деревне был душ из двухсотлитровой бочки, – не полез далеко за ответом бывший тракторист, – в котором вода нагревалась от солнышка. Не такого жаркого, конечно, как здесь... но с похмелья в самый раз!

– Ага, – напомнил ему недавнее происшествие Левин, – с похмелья... с молока от бешеной коровки. Интересно было бы попробовать...

Анатолий ответить не успел. Потоки воды кто-то отключил; на смену им пришли не менее тугие струи теплого воздуха. И опять аборигены не удивились. Они с видимым удовольствием подставляли бока и иные части тела под этот своеобразный фен; раненый Ерш в том числе. Наконец, и это действо закончилось. Но огромное полотнище автоматических ворот так и не поползло вверх, освобождая дорогу тандему из транспортных средств двух цивилизаций. В тамбур шустро вбежала команда, возглавляемая Сергеем Благолеповым, «вооруженная» какими-то трубами на шлангах, вторые концы которых заканчивались в баллонах, надежных на манер ранцевых опрыскивателей. Аборигены, и никто иной не успел вмешаться в их

действия. Буквально за минуту они опрыскали «Железный капут» какой-то бесцветной жидкостью, и бывший поп, скинув с головы шлем, с гордостью пояснил:

– Это товарищ полковник распорядился. Десять минут ожидания – и никто, кроме него, в этот гроб на колесиках не попадет.

– На гусеницах, – тут же оказался рядом Никитин, – глаза-то разуй. И нечего было спешить со своими опрыскивателями. Может, ребятам нужно было какие-нибудь вещички из танка забрать? Сменное белье там, еще что-нибудь милое сердцу...

– Приказ командира, – повторил, пожав плечами, Благолепов, – а сменное белье им уже Валерий Николаевич приготовил. И все остальное, нужное для жизни.

– Много ты понимаешь, что нужно для их жизни, – буркнул тракторист – только чтобы последнее слово осталось за ним.

В компетентности коменданта, а, тем более, полковника Кудрявцева, Анатолий, конечно же, сомневался не стал. Как и сам профессор Романов. Алексей Александрович сейчас, кстати, решал для себя, будет ли нарушением приказа командира его небольшая отлучка – к Тане-Тамаре. Ведь ей тоже уже подходил срок... Лицо профессора вдруг залилось краской; он вспомнил их первую ночь со страстной никарагуанкой – ту самую ночь, когда страшная смерть настигла большую часть обитателей итальянского и колумбийского лагерей...

– Так что я, пожалуй, первым должен был стать папашей, – вдруг развеселился он, – определенно Оксана влезла без очереди. На правах первой леди города...

Ответственность все же пересилила, и он пошел вместе с основной группой, потянувшейся вслед за сцепкой в сторону Южного поста. До него от центральных городских ворот было ровно полкилометра, и весь этот путь Алексей Александрович, отстранившись от действительности, постарался смотреть на повседневную жизнь города глазами аборигенов. И у него это получилось! Во всяком случае, он сумел заполниться и изумлением от стройных рядов плодовых деревьев, предлагавших всем спелые – неизвестные, но, несомненно, очень вкусные – плоды; и неподдельной завистью при виде того, как детишки с криками гоняют мяч по футбольному полю, и как совершенно безобидные овцы и коровы без привычных горбов-крыльев на спинах пасутся, не обращая никакого внимания ни на глухо стучащую (в основном за счет сочленений «Железного капута») сцепку, ни на организованную толпу за ней. Наконец, дошли. Профессор в ворота вошел самым собой – научным руководителем города, призванным выкачать из аборигенов максимум сведений; творчески переработать их и доложить командиру свое видение нового мира.

Он невольно вспомнил их первое погружение в неизвестность; те трудные сутки, когда он мучился непростым вопросом – как доложить товарищам свои фантастические выводы; как поведать им горькую правду о том, что обстоятельства и злой разум неизвестного божества наделили часть из них неуязвимостью... быть может, бессмертием. А остальных – «лишь» второй молодостью, и...

– И все! – с горечью констатировал он, – и до сих пор я подмечаю, что в некоторых взглядах наших товарищей сквозит зависть, нежелание смириться с несправедливостью; может, что-то большее. И Александр Николаевич замечает – я уверен! Ну, ладно... посмотрим пока, чем нас удивит Валерий Николаевич.

Комендант удивил прежде всего добротностью, и мельчайшими подробностями, с какими он постарался наладить быт гостей. Которым – догадался профессор – совсем не скоро разрешат покинуть этот ангар. Он окинул внутренности огромного зала площадью в целый гектар, и добавил:

– Если вообще разрешат.

Но это было дело не его; а полковника Кудрявцева, и тех же Холодова с Левиным. Он же, профессор Санкт-Петербургского университета, избрал себе в качестве «жертвы» Дуба, который единственный из аборигенов – как догадался Алексей Александрович – решал тут, что

можно говорить, а что нельзя. Они так и передвигались втроем – вождь, профессор, и Валера Ильин, объяснявший, как нужно пользоваться индивидуальным туалетом, душем, и кухонными приборами (даже показал – посидев на толчке, не снимая камуфляжа): куда для них будут приносить еду, и – главное (для аборигенов, любителей зрелищ) – как включать большой телевизор, на экране которого можно было увидеть пока лишь мультфильмы.

Это зрелище поразило аборигенов больше всего. Единственное, на что они, как по команде, скривились, и огляделись, не решившись сплюнуть на идеально чистый пол, так это на язык озвучивания волшебных картинок. Проглотив ком слюны, Дуб недовольно проворчал: – И тут еврогеи!

Комендант тут же вручил ему пульт, и вождь сам убрал звук, довольно улыбнувшись какой-то мысли. Впрочем, она хорошо читалась на его лице: «Вот бы так же, одним нажатием пальца, закрыть рты тем, настоящим...».

Профессор «коварно» воспользовался хорошим расположением духа, и тем, как тот глубоко вник (вместе со всеми соплеменниками) в историю злоключений Тома и Джерри. А тут еще накрыли стол. Так что Дуб, поглощая невероятное количество деликатесов, которые он, конечно же, пробовал впервые в жизни, и раскатисто хохоча над похождениями кота и мыши, отвечал и отвечал на вопросы профессора, которым не было конца. Романов не успевал строчить в блокноте, и придумывать новые и новые вопросы – в уверенности, что такого благоприятного момента больше не будет. Расслабившийся от обилия еды и заполненный благодарностью за спасение товарища абориген конечно же, совсем не контролировал свою бесконечную болтовню, хитро направляемую профессором Романовым. Так думал сам Алексей Александрович – до того момента, когда Дуб повертел в огромных руках вилку, сейчас больше похожую на четырехзубую зубочистку; действительно сунул ее в рот, чтобы поковыряться в зубах, и остановил вполне серьезный взгляд на ставшем в одно мгновение растерянным лице профессора.

– А вот это, прохвесор (он так и сказал, четко выговаривая каждую букву), самая главная тайна нашего племени. Если я ошибаюсь, и открываю ее сейчас врагу, ничто не спасет меня от небесного пламени. Так что слушай, большое ухо Полковника Кудрявцева. Слушай и запоминай! Путь, в который пускается каждый из вождей русов, как только очередной «Железный капут» оживает...

Профессор Романов слушал, стараясь не пропустить ни слов, ни интонации. Главное – интонации, и того, с каким выражением лица вождь бросал ему прямо в лицо фразы. Слова... в общем, они и так фиксировались диктофоном, и потом не раз будут прослушаны. Главным было сейчас выделить основное, и Алексей Александрович весь погрузился в этот нелегкий процесс; действительно стал и ушами, и глазами, и умом – не только полковника Кудрявцева, но и всего города. Настолько погрузился, что не сразу заметил, что его трясет за плечо Толик Никитин. Трясет и показывает в угол, откуда из скрытого громкоговорителя, наверное, уже не в первый раз, доносилось сообщение. Точнее, приказ:

– Членам городского Совета немедленно собраться в командном центре. Повторяю...

Сожаления не было, Профессор вполне успел проникнуться великой идеей племени русов; той нелегкой миссией, которую они взвалили на себя.

– Не то что какие-то еврогеи или неандерталы...

Романов, уже на бегу, одернул себя: «Это мысли не мои, а Дуба! Надо возвращаться сознанием на грешную землю. То есть, в командный центр». Он ввалился в зал, тяжело дыша, обогнав в пути и Никитина, и, кажется, Левина с Холодовым. А все потому, что надеялся увидеть родное лицо Тани-Тамары; прижаться к ней всем телом, и ощутить, как толкаются в ее животе две девочки, спешащие вырваться в большой мир. Увы – ни никарагуанки, ни Бэйлы Никитиной в зале не было, как и полковника Кудрявцева, кстати, который единственный мог отдать приказ Совету. Зато был доктор Браун, который, пряча вполне законную гордость –

как же, первый человечек родился в городе! – сурово заявил ему, и остановившемуся за спиной тяжело дышащему трактористу:

– Больше не допущу, чтобы у роженицы начались схватки черт знает где.

Он обвел руками Центр, откуда, как понял Алексей Александрович, и увели, или унесли Оксану.

– А потом и Таню-Тамару с Бэйлой!

Разочарованием профессор Романов заполниться не успел; в зал стремительно вошел командир. Он был вполне деловит, и спокоен. Но профессора такой вид не мог обмануть – он знал Александра Николаевича не хуже жены, Оксаны, и любого из ближайших друзей. Он и был таким другом для командира. И Кудрявцев не выдержал, разрешил себе на пару мгновений расплыться в счастливой улыбке, и подмигнуть всем. А еще – ответить на нетерпеливый вопрос Толика Никитина:

– Ну, как, товарищ полковник?!

Командир поднял кверху сразу оба больших пальца – по одному за сына, Коли и Димы:

– Богатыри! Почти по три кило каждый!

И на этом остановился; дал приказ уже другому пальцу, указательному. А через него всем, остальным, велел обратить внимание на экраны. На обзорной панораме вдруг пропала привычная картинка, расчерченная сеткой координат. Теперь членов Совета от внешней стихии отделяла только прозрачная пластмасса. Впрочем, стихии там пока не было. Было ожидание ее, пробирающее до костей. Алексей Александрович огляделся. Товарищи вокруг застыли, явно ощущая то же, что сейчас заполнило всего профессора. Ожидание беды, настоящей катастрофы...

И она пришла – с первым валуном размером с «Эксплорер», который вдруг вывалился откуда-то, и обрушился на такую хрупкую на вид преграду. Ближние к этой стороне кругового экрана зрители не выдержали, бросились в стороны. Прямо у окна остался стоять лишь полковник Кудрявцев. Он лишь усмехнулся, когда валун даже не коснулся преграды; его с той же силой, какой он летел в Цитадель (а может, и гораздо могучей) отшвырнуло в сторону. Потом камни всех форм и размеров полетели со всех сторон; их догнали тучи пыли и клочков травы; что-то вообще неузнаваемое. Лишь когда за окном невозможно стало различить хоть что-нибудь, полковник повернулся к Совету.

– Вот и катаклизм, что ты нам напроорочил, Алексей Александрович.

Профессор, впечатленный картинкой за окном, и забывшим на несколько минут даже дышать, поперхнулся первым глотком, который, наконец, позволил себе. Такого «греха» за собой он не помнил.

– Ну что, товарищ профессор, – рассмеялся командир, – готов нам доложить новую теорию? Кто, зачем, и почему?

– Готов, – не моргнув глазом Алексей Александрович, – готов прямо сейчас! Или... на общем собрании?

Полковник явно отметил заминку профессора. Он помолчал, опять уставившись в окно, в котором ураган не подавал никаких признаков затишья. Наконец, он опять повернулся к центру зала, где за столом дежурил сегодня майор Цзы, и рядом с которым остановился скакнувший от окна Романов.

– Хорошо, – кивнул командир, – обсудим это позже. А пока (улыбнулся он еще шире, чем прежде), не прогуляться ли нам, Алексей Александрович, в лазарет.

– Я готов! – чуть не подпрыгнул на месте профессор, – прямо сейчас!

– Ну, пойдем, – кивнул ему Кудрявцев, – здесь, судя по всему, надолго...

Скакать по ступеням, как это сделал профессор совсем недавно, не заметив, как буквально «взлетел» на верхний этаж цитадели, не пришлось. Комендант выполнил свое обещание; теперь с этажа на этаж можно было попасть, покатавшись на лифте. Командир пропустил

Романова в пустую кабинку лифта, и остановил взглядом Толика Никитина, попытавшегося скользнуть следом.

– Молодой ты еще, Анатолий. Ножки здоровые, быстрые. Можешь и по лестнице пробегаться.

Тракторист был понятливым. Кивнул, и скрылся, не показав разочарования. А вот профессор только вздохнул от этого самого чувства, потому что полковник на первом этаже повернул не в сторону лечебной части, а наружу, под купол.

– Прогуляемся, Алексей Александрович, – кивнул он Романову, пропуская вперед, – в лазарете сейчас тихий час. Не пустит туда доктор никого; даже нас с тобой.

Профессор вздохнул, и приготовился слушать командира. А тот предоставил это право самому Романову.

– Ну, рассказывай, что за заноза в сердце сидит?

Алексей Александрович повернул к саду, восстановленному после разгрома, учиненного тираннозавром, и ответил вопросом-утверждением:

– Тебе не кажется, Александр Николаевич, что какая-то тень витает в городе в последнее время. Вот как все устаканилось – с куполом, и со всем остальным, так и гнетет отчего-то предчувствие каких-то неприятностей. Чудится, что кто-то недобро смотрит; словно выжидает удобного момента, чтобы ударить в спину. Или другое уязвимое место. Теперь таких мест станет ой, как много. Ну, ты понимаешь, о чем я говорю.

– Понимаю, – полковник махнул назад, в сторону лазарета, куда они так и не попали, – в этом отношении можешь быть спокоен – там система безопасности такая, что муха не пролетит.

– Вот видишь, – грустно улыбнулся Романов, – какие-то причины ведь для таких жестких мер есть? Ты тоже чувствуешь что-то такое?

– Вот именно – что-то такое, – полковник повторил жест собеседника, потревожив воздух над головой замысловатым движением руки, – но ничего определенного. Скорее всего, это откат – от переживаний, от ожидания неминуемой гибели. Ну, или... разочарование от несбывшихся надежд. Словно кто-то еще раньше, на Земле, пытался изменить ход событий, взять их под собственный контроль. А здесь... (командир показал рукой вдаль, за пределы купола) даже сбежать некуда.

– Вот и я говорю, Александр Николаевич, – подхватил профессор, – может, не надо мне сейчас с лекцией – перед всеми... Может, отложим.

– А я считаю, – перебил его Кудрявцев, – что надо дать прорваться нарыву, если он, конечно, есть... если мы тут с тобой не напридумывали всякой ерунды от переживаний. Не каждый день становишься отцом! Так что вот тебе мое напутствие... даже приказ! Давай-ка настройся на доклад. И пожестче, без нюней. Можно сказать, в чем-то провокационный. Свои поймут... Дай бог, чтобы все оказались своими.

– А если не все? – спросил неожиданно для себя Романов; он даже остановился – как раз у восстановленной бани, – что же мы тогда с ними? Выгоним из города?

– Посмотрим, – уклончиво ответил Кудрявцев.

Но профессор Романов прочел в его взгляде непреклонное: «Надо будет, выгоним!». И согласился с другом и командиром; когда тот глянул на часы, и улыбнулся:

– Ну, пойдем что ли, обратно – тихий час кончился...

Профессор Романов невольно вспоминал свою первую лекцию – на Земле, в той самой бане, у которой они с полковником закончили свой разговор. Воспоминания о двух счастливых часах, что он провел позже в комнате, которую выделили в лазарете Тане-Тамаре, он загнал поглубже в душу. Потому что сегодня Алексей Александрович был не только лектором, но и солдатом на службе города: солдатом с тайной миссией. И был этим чрезвычайно горд. Нет, он не собирался своим мастерством вывести на чистую воду тайных недоброжелателей.

Для этого в зале, где до сих пор не выветрились вкусные обеденные ароматы, сидели полковник Кудрявцев, и другие, более опытные физиономисты. Профессор Романов знал свое место в строю, и свой маневр. Его он сейчас и начал, откашлявшись без всякого волнения.

– Ну, что ж, начнем, – эту фразу он говорил тысячи раз – и в университете, и потом, в строящемся городе, – и первым фактом; точнее предположением, в которое я верю почти на сто процентов, является то, что мы по-прежнему находимся на Земле.

Зал удивленно загудел, а Анатолий, штатный оппонент профессора, – сидевший в первом ряду, выкрикнул:

– Ну, это ты, брат-профессор, загнул! Да тут все указывает на то, что это никакая не Земля.

– Какие факты, Анатолий Николаевич? – доброжелательно улыбнулся ему Романов.

– Все! – тракторист принялся перечислять, – солнце...

– Ну, – поощрил его после паузы Романов, – что еще? Летающие коровы с овцами? Так они явно продукт чьей-то селекции. И ты даже догадываешься, чьей. Разумный динозавр, и железные птицы? Из той же серии. Разве что нескончаемый день? Так это вполне объяснимо. Я, конечно, не астроном, и не астрофизик; всяких премудростей вроде плоскости эклиптики, и смещения магнитных полюсов не знаю, но вполне предполагаю, что когда-то – может быть, миллиард лет назад, Земля вращалась вокруг солнца именно так.

– Как так? – выкрикнул Анатолий.

– Так, что на половине ее было вечное лето, а на второй – не менее убийственная зима.

– Ну, где-то должны быть еще и весна с осенью, – рассудительно заметил рядом с Никитиным Валерий Ильин, – где-то ведь живут люди – наши гости, например.

– О них чуть попозже, – признательно кивнул коменданту лектор, – а пока еще несколько доводов в пользу Земли. Сила притяжения... кто-то ощутил разницу? А воздух – мы дышим им с первого мгновения, как родным. Ну, и... внутренние ощущения нельзя сбрасывать со счетов. Думаю, многие согласятся со мной – под куполом мы чувствуем совершенно, как дома!

Теперь зал загудел одобрительно; даже Никитин ничего не возразил.

– Ну, и главный довод – целесообразность. Согласитесь, что – во-первых, проще и легче было «перебросить» нас в ту же точку Земли, только на тысячелетия назад... или вперед (тут зал опять загудел встревожено), а во-вторых – поручить нам новую миссию именно здесь, на родной планете. В уверенности, что это приведет к тому, к чему должно произойти – в появлению человеческой цивилизации. Или, напротив – к новому пути в его развитии.

– Так вы считаете, Алексей Александрович, что мы тут с какой-то миссией?

Это встал, и осторожно задал свой вопрос Герхард Швидке, единственный в городе немец. Его русский язык был почти безупречен, но это «почти» неприятно резануло слух профессора.

– Ну, зачем-то нас ведь сюда забросили, – развел руками Романов, – допускаю, что это дикая случайность. Но все-таки миссия мне нравится больше. К тому же в эту версию, на мой взгляд, хорошо вписывается история цивилизации наших гостей – как выразился наш уважаемый комендант.

– Вот про этих гостей поподробнее, господин профессор, – чуть громче выкрикнул Швидке, усаживаясь, – а то про них какие-то странные слухи ходят.

– Гости действительно странные, – согласился Романов, чей слух теперь неприятно поразило слово «господин», – а вот слухи эти я постараюсь сейчас развеять. Без всяких прикрас, договорились?

Зал молчал, и профессор, набрав полную грудь воздуха, продолжил:

– Итак, на планете есть люди. Да-да, именно люди, хотя они тоже суть – плоды генетического эксперимента. Кто-то взял на себя смелость поработать богом, и создал этих вполне довольных собственным существованием людей, придав им наши с вами черты.

Зал в большей своей части ахнул, а тот же Швидке злорадно усмехнулся, словно говоря кому-то: «Ну, видите?! Я же говорил!».

– Кому говорил? – Профессор постарался отогнать от себя рассуждения на эту тему; вернулся к своей:

– Общая численность их невелика; по крайней мере, в части, нам уже известной.

– Откуда? – этот голос из глубины зала профессор не узнал, но ответил:

– Из рассказов наших гостей. Их прототипами оказались присутствующие здесь Виталий Дубов, его тезка Ершов, Игорь Малышев, Сергей Ежиков, Игнатов Роман Петрович, и Рубцов Николай Петрович.

– Все русские, – недовольно, но с каким-то внутренним злорадством проворчал все тот же Швидке.

Профессор услышал, и отреагировал; на первый взгляд, обрадовано:

– Совершенно верно! У них и фамилий взяты с неба, или жаркого солнышка; тоже вполне себе прогнозируемые – Дуб, Ерш, Малышок... про Рубцовского двойника говорить не буду – не очень прилично.

Зал теперь загудел заинтересованно; многие явно склоняли на все лады совершенно обычную фамилию, пытаясь отыскать ту самую пикантность. А ее на самом деле не было – фраза выскочила совершенно случайно; так Алексей Александрович проверил реакцию слушателей на свои слова. Оказалось, что магия слова уже пустила корни в зале; теперь профессор мог манипулировать аудиторией.

– Знать бы еще, в каком направлении? – тоскливо подумал он, взяв паузу, чтобы смочить пересохшее горло, – ну, ничего, что-нибудь само вылезет. А пока...

Он отыскал взглядом Швидке, и стал говорить, словно для него одного; такой прием в риторике тоже существовал, и часто блестяще оправдывал себя.

– Это племя так и называет себя – русы. Они вполне уверенно и чисто говорят на русском языке.

– И тоже прибыли сюда с миссией?!

Немец словно принял вызов, выкрикнул свой вопрос со всей возможной желчностью.

– Вот именно, – кивнул Алексей Александрович, – но об этом позже. Сейчас других племенах. Их всего шесть, и русы среди них – самые многочисленные. Увы, и их численность не превышает полусотни человек. Хотя времени с того знаменательного дня, когда они появились здесь прошло не так уж мало. По моим расчетам – больше семисот лет.

– Бедненькие, – вздохнула в первом ряду (с самого краешку – чтобы не мешать сидящим позади) Света Левина, – сколько же они натерпелись! Там же, за куполом, настоящий ад.

– Этот ад – их дом, – улыбнулся ей лектор, – и другого они не знают. Но продолжим. Второе по численности племя – еврогеи.

– Как?! – вскочил Швидке, – это вы сейчас хотите оскорбить меня, профессор?!

– Ну, вот, – подумал Алексей Александрович, доброжелательно улыбнувшись оппоненту, – вот так, по-простому, гораздо лучше.

Вслух же он сказал:

– Это они сами себя так называли, дорогой Герхард, ну... или кто-то подсказал им такое название – так же, как другим группам, вполне узнаваемым. Всего племен семь. Другие называют себя неандерталами и африканами. Есть еще китаезы и чисто женская группа – жидовки-амазонки. Да, да – именно так. Мое личное мнение – эти название привнесены извне, одним, так сказать, из создателей. Возомнившим себя великим шутником. В чем я, кстати, сильно сомневаюсь. Но, тем не менее, факт есть факт. Племена живут на побережье моря, или океана; обустроили для жилья пещеры, и вполне приспособились и к солнцу, и другим реалиям нашего нового мира. Женятся, рожают детей, и умирают. От вполне естественных причин. Чаще всего не от старости. От побережья далеко не отходят; моря тоже не любят.

– Там тоже есть твари? – первым догадался Анатолий.

– Еще страшнее, чем на суше, – подтвердил его догадку профессор, – но, как и повсюду во вселенной, у этих обычаев есть исключение.

– Русские! – опять вскочил бывший тракторист.

– Русы, – поправил его, кивнув, Романов, – единственные, кто с самого начала воспринял ту самую миссию не только сердцем, но и реальным делом. А она, эта миссия, кстати, была предопределена для всех. И сохранилась до сих пор – в виде легенды, культа... как хотите, так и называйте.

Он не сводил взгляда с лица Швидке, даже поощрительно улыбался ему, но немец пока молчал.

– Итак, во всех племенах есть талисман, который называют половинкой ключа.

– И эти половинки..., – вместо немца опять вскочил Никитин.

– Должны обрести вторые – это естественно, – закончил за него лектор, – вот только вопрос – где эти вторые половинки?

– Где?

– В таинственных Железных горах, охраняемые волшебными драконами с дубинками в руках, и железными птицами, летающими с небес стальные перья!

– Ну, прям, как по писаному, – восхитился тракторист, – это же про наших знакомцев!

– Не писаному, а забитому в память каждого аборигена – на генетическом уровне. Я проверил у шестерых наших гостей. Легенду они знают слово в слово; причем с самого раннего детства. А может, и с утробы матери. И такая петрушка во всех племенах.

– А русским больше всех надо, – не выдержал все-таки Швидке.

– Вот именно так когда-то сказали вожди племен много лет назад, – профессор на выпад в очередной раз улыбнулся, – давайте, русы – если вам нейдет – соедините две половинки своего ключа, а там и мы подтянемся...

– Вполне практичный подход, – сказал кто-то из дальних рядов.

Алексей Александрович даже не пытался разглядеть, кто это; кому надо – рассмотрят. Он продолжил горькую историю здешнего народа-миссионера.

– Прямая дорога от побережья до Железных гор – по моим прикидкам – не меньше трех тысяч километров. И добраться до них, на первый взгляд, практически нереально. Если бы кто-то не предусмотрел; не помог им. Каждые километры триста-четыре вдоль на пути встречаются горы – с залежами угля, с пещерами, где можно передохнуть, и пополнить запасы воды... ну и поохотиться. Или спрятаться от грозы – вроде той, что сейчас бушует за куполом...

– Вот этого не надо было говорить, – попенял он себе, – договаривались же на Совете – не беспокоить народ. Или... это тоже элемент провокации, вырвавшийся невольно! Вон как Швидке вскочил; и не только он. Ну... про танк-то все слышали.

– Итак, – продолжил он, повысив голос, – русы с невероятными усилиями, с примитивными технологиями – быть может, тоже подаренными создателями – строят танк. Уходит у них на это лет двадцать.

Зал еще раз ахнул; людям, привыкшим к волшебным свойствам пластмассы, к чудесам быстрого строительства, двадцать лет на один танк показалось чудовищной, просто космической прорвой времени.

– А потом в этот «Железный Капут» (еще одна улыбка Швидке, и обещание себе в будущем отыскать весельчака, и надрать ему уши) садятся старый вождь, и лучшие воины племени, и...

– А остальные? – теперь с возмущением вскочил тракторист, – ручками машут?

– Отчего же, – возразил ему лектор, – не только машут. Вполне себе серьезный праздник устраивают. Провожают по полному разряду. Скорее всего, искренне желают успеха. Увы – ни

одна такая экспедиция не вернулась. Нынешняя, с вождем Дубом во главе, по дороге наткнулась на четыре остова танков.

– А потом...

– А потом вместо очередной спасительной горы наткнулась на наш город. Именно в том месте, где ожидала найти спасение.

– Так нашла же, – вполне резонно заметил Анатолий.

– Нашла, – кивнул профессор, – и теперь нам всем вместе надо решать – что со всем этим делать? С гостями, с миссией... А я свою на сегодня выполнил – если есть вопросы – пожалуйста, задавайте.

– Есть, как не быть, – первым, как обычно, поднял руку тракторист.

– Никаких вопросов! – рядом с небольшой трибуной лектора, водруженной на обычный обеденный стол, выросла фигура полковника Кудрявцева.

– Почему? – чуть обиженно вскинулся Анатолий.

– Потому что, друзья мои, – командир широко улыбнулся, – у Алексея Александровича только что родились две дочки.

Зал не успел отреагировать: Кудрявцев добавил – так, что Никитин, рванувшийся было к профессору с объятьями, рухнул обратно на стул:

– А у тебя, Анатолий – одна!

Глава 8. Виталька Дуб-младший. Магия крови

Виталька называл себя младшим по инерции. Вот уже который круг он был старшим в племени. После того, как отец захлопнул за собой крышку «Железного капута», и рычащее, плюющееся дымом чудовище отправилось в свой дальний путь, из которого еще никто не вернулся. Дуб почему-то был уверен, что именно эта миссия закончится успехом; что отец вернется и мешочек с половинкой ключа, который висел на груди, и к которому кожа еще не привыкла, вернется к своему прежнему владельцу. Ну, а сам Виталька – к обычной жизни, в которой один круг похож на другой.

В жизни племени было много слов, значения которых ни его вождь, и никто иной не знал; просто воспринимал, как нечто данное изначально.

– Вот, к примеру, – рассуждал он, глядя в далекое отверстие главной пещеры племени, – что значит круг? Что кружится? Ничего. Пospали, поохотились, поели... ну, еще кое-что – и круг прошел.

«Кое-что» – его молодая жена, еще спавшая в начале круга, пошевелилась рядом, оттопырив под одеялом из мягкой шкуры соблазнительный зад, и мысли Витальки резко метнулись в другую сторону.

– Кажется, скоро я стану отцом, – в который раз уже без всякого пафоса подумал он, – только вот деда у моего сына не будет. Живого деда.

В том, что родится именно сын, Дуб не сомневался. Он помнил историю собственного рода да мельчайших деталей; как и его отец, и дед, и все остальные предки, начиная с первого Витальки Дуба. Теперь он заботливо прикрыл оголившуюся часть спящей жены, так взволновавшую душу молодого парня, и легко вскочил на ноги, не потревожив даже самого маленького камешка, и сна жены. Впрочем, заботой последней в пещерке, которую занимала семья вождя, не было не то что камешка, даже пылинки.

Вождь направился к смутно белевшему выходу из общей длинной галереи, от которой ответвлялись индивидуальные каменные жилища. Семьи у русов были небольшими; впрочем, как и в остальных племенах. Незыблемый принцип, привнесенный, как гласило предание, давно почившим Мао, первым вождем китаез, гласил: «Один отец – один сын; одна мать – одна дочь». И принцип этот ни разу не нарушался – как бы не старались отцы и матери.

– Впрочем, – ухмыльнулся Дуб, останавливаясь под скалой, что нависала над входом в пещеру, – у всякого правила есть исключения!

Это тоже было законом племен; он редко воплощался в жизни, и каждое его проявление сотрясало племена до основания. Единственным «приятным» исключением были жидовки-амазонки. В этом племени, занимавшем самую дальнюю пещеру, не было отцов. Совсем. И, соответственно, сыновей тоже.

– Только дочери, – еще раз ухмыльнулся Дуб – теперь уже совсем откровенно, – сдается мне, что моя доченька тоже бегаёт среди жидовок. А может, и не одна.

Действительно – в те благословенные времена, когда Виталька был холостым и свободным, среди амазонок он пользовался популярностью. Большой. Но о тех «подвигах» оставалось разве что вспоминать. Теперь же плечи молодого вождя гнули к земле совсем другие заботы. Это только казалось, что в отрегулированной до мелочей жизни племени работа вождя была приятной и не хлопотной. Сиди себе, поглядывай на небо, поглаживая бочок жены, и жди, когда парни вернутся с охоты с добычей, самый лакомый кусок которой тут же отрубят тебе.

Нет! Во первых, Дуб и сам любил поохотиться; любил, когда кровь бурлила в жилах, и меткий бросок копья вонзался в самое сердце коровы, не заметившей крадущихся охотников. Когда жадная пасть червя «выстреливала» в воздух, безуспешно пытаясь впитаться в горячую кровь руса, который уже в другом месте был готов длинным ножом снести кусок ненавистной

твари. Последнее было исключительно проявлением удали; плоть червя никто не решился бы попробовать даже в самый голодный круг. А отец, в первый раз показывая такой «фокус» (он и сам был парень не промах – такой же озорной и удалой) провозгласил еще одну незыблимую истину: «Во всем нужна сноровка, закалка, тренировка». Этот девиз для воинов-русов оставался одним из главных до самой смерти – иначе племени было не выжить.

– Впрочем, – отдал вождь должное остальным, – в других племенах искусных охотников тоже хватает. Иначе – голод, и смерть.

Делиться добычей между племенами не было принято. Единственно десятую часть ее неизменно откладывали для жидовок-амазонок. Это племя не охотилось. Амазонки были колдуньями и целительницами. А еще – судьями в спорах меж племенами. Их слово было законом! И это было хорошо.

– Иначе, – процедил Дуб сквозь зубы, – давно бы перегрызли друг друга. Уничтожили бы, как червей.

В памяти вдруг всплыло слащавое лицо черноволосого красавчика Жюльки, вождя еврогеев. Как он ухмылялся на проводах «Железного капута», и как хотелось самому Витальке подойти и свернуть эту ухмылку вместе с челюстью набок. Но нельзя – престарелая королева Бэйла могла не хмурить брови; молодой вождь русов умел сдерживать в груди ярость. Даже мысль о том, чтобы пролить человеческую кровь, не могла зародиться в его душе. Как, впрочем, и в душе Жюльки Вернье – в этом Виталька тоже был уверен.

– Если, у них, у еврогеев, вообще есть души! – Дуб выругался грязно, насколько мог.

С того дня вождь русов не видел ни Жюльки, ни других вождей. С охотниками племен пересекался; обменивался новостями, которые и новостями-то можно было назвать с большой натяжкой – после великого исхода очередной экспедиции русов. А восемь кругов назад такие встречи с вовсе стали проблематичными; даже опасными. Побережье самым краешком задел шторм. Для племен подобный катаклизм был благодатью, дарованным животворящим солнцем. И люди, и их добыча скрывались глубоко в пещерах. Между этими естественными укрытиями была извилистая система ходов – настолько запутанная, что в племенах свои тайные тропы хранили лишь несколько доверенных лиц. Особо приближенных. К вождю, конечно же.

По этим тропам охотники крались к лежбищам животных, переживавших шторм, и делали свои основные запасы. В пещерах коровы с овцами были практически беззащитными; к другим же летающим тварям, вооруженным острыми клыками и цепкими когтями, люди не совались. Даже из интереса. Еще одно табу. Запасы в этот шторм, первый для Витальки в новой должности, уже хранились в других пещерах. Тоже родовых, и радующих своим холодом, которым несло из еще более глубоких бездн. (Еще один запрет – на исследование этих морозных глубин). Так что, никакой необходимости стоять вот так, и наблюдать за тем, как шторм постепенно теряет свою силу, у Витальки не было. Разве что порадоваться за отца, который, наверное, тоже сейчас ждет, когда можно будет продолжить путь. Порадоваться, потому что отец, Виталька Дуб-старший был жив. Пока. Это сын знал; чувствовал тем необъяснимым чувством, которое старая королева называла магией крови. И отец об этом рассказывал. Один раз. Виталька был тогда малышом, но свое предназначение в жизни уже вполне осознавал. И только кивнул, спрятав внутри себя горячие слезы, когда вождь сказал, потемнев лицом:

– Все, Виталька – нет у тебя больше деда.

Деда Дуб не помнил. Хотя предполагал, что он был копией отца. Точнее, конечно, наоборот. Как сам он был копией Дуба-старшего. И так – тридцать четыре раза подряд. Сам Виталька был тридцать пятым. И, надеялся, не последним.

– Потому что, – потянулся он, разведя сильные руки так широко, словно хотел обнять все побережье, – «И жизнь хороша, и жить хорошо!».

Это было уже девизом исключительно русов. У тех же еврогеев правила были совсем иными; на взгляд Витальки, совершенно гнусными. Очередного девиза на этот счет Дуб вспом-

нить не успел; так и застыл с разведенными руками. Потому что откуда-то донесся тревожный рокот барабана. У самого Витальки тоже был такой – на случай чрезвычайного происшествия, и необходимости общего сбора вождей. Но до сей поры молодой вождь старался даже взглядом избегать входа в ту пещеру, где хранился этот артефакт – чтобы не сглазить. На памяти Витальки этот барабан рокотал лишь раз – когда отец собирал племена на праздник исхода «Железного Капута». Но тогда артефакт русов гремел торжественно; теперь же далекий гром скорее плакал, предупреждал о грядущих неприятностях. Причем звал он к себе прямо сейчас, несмотря на не стихающие раскаты грома.

Впрочем, потоки жгучей жидкости, сравнимой с пометом коров, с неба уже не лились, а капали; от них вполне можно было скрыться под зонтом. Булыжники, несколько кругов заставлявшие гору содрогаться, тоже не летали. А порывистый ветер, сейчас заменивший метавшиеся по просторам злые реки, и целые океаны воздуха, даже был приятен. После восьми кругов, проведенных в тесных пещерах. Так что Виталька был бы даже рад пробежаться до пещеры семи вождей – если бы не та самая тревога, рожденная стуком по выделанной коже барана, натянутой на полый обрубок дерева. Или не барана. Виталька однажды подслушал, как старая Бэйла утверждала, что эта кожа была содрана с животных иного мира. Или времени.

Позади, за спиной, раздалось совсем не деликатное покашливание. Но и без него вождь знал, кто подошел почти бесшумно. Еще один хранитель традиций племени – Тракторист, строитель «Железного Капута».

Старший Толька-Тракторист тоже вышел навстречу рокоту барабана, и не удивительно – именно он должен был сопровождать вождя на Совет племен. Младший Толька, соратник Витальки по детским забавам, и почти тайным походам в пещеры амазонок, такое право заслужит, когда построит свой танк. Его дед – древний старик, в морщинистом лице которого пока узнавались семейные черты, это право потерял совсем недавно; когда очередной «Железный Капут» тронулся в безвозвратный путь. Тракторист уже держал в руках объемистый бурдюк; точнее, прижимал его к груди – нежно, с видимым вожделием. «Молоко от бешеной коровки», что глухо бултыхнулось в меховой емкости, хранилось тоже глубоко в недрах пещер.

– Как тракторист узнал, когда успел сбегать за мехом? – поразился внутри себя Дуб; и сам же ответил, – на это молоко у всех Трактористов нюх; точнее на скорое его применение.

Еще одно табу предписывало пробовать веселящую жидкость только на Совете. Никто, кроме вождей, и их помощников, к этому таинству не прикасался. Впрочем, за тех же еврогеев, или еще более хитрых и подлых неандерталов Дуб не поручился бы.

– Ну, а уж про колдуний-амазонок и говорить нечего!

– Истинно так, – подтвердил Тракторист.

Вождь с подозрением покосился на него – неужели колдун-механик еще и мысли читать умеет. Последнюю тот действительно прочел; или угадал. Проворчал:

– Ты свои мысли, парень, держи поглубже. Читать по губам не только я могу. А сейчас бери свою погремушку, и побежали. Негоже русам последними на Совет являться.

Вождь на «погремушку» не обижался. Тракторист славился в племенах острым языком; говорили, что и кулаками был не прочь помахать. Сам Виталька старшего Тольку в драке не видел; но по рассказам отца представлял, каков Тракторист в «бою». Младший репутацию семьи поддерживал истово; в немногих мальчишеских драках с парнишками из других племен (для мальцов такое допускалось; даже втайне поощрялось) Толька бился на кулаках спиной к спине с Дубом.

– Эх, – вздохнул Тракторист, когда вождь вернулся с завернутым в шкуру барабаном, – не очень-то хочется иные физиономии видеть.

– Жюльку?! – догадался Виталька, представив перед глазами постоянно ухмылявшуюся физиономию вождя еврогеев, со свернутым немного набок носом.

Дядька Толька словно опять прочел мысли парня; мечтательно протянул:

– То-о-очно! Это ведь я ему когда-то нос набок свернул. Чтобы не выступал...

Так что под неспешно накрапывающим дождиком молодой вождь русов неся почти с отличным настроением. Если бы еще не тревога, посеянная замолкнувшим уже барабаном... А в пещере Совета их встретили лишь амазонки. Старшая из них, королева Бэйла, кивнула русам приветливо. Скорее Трактористу, чем вождю, но Дуб не обиделся. Потому что не только ему – всем в племенах было известно, что стоявшая за плечом матери младшая Бэйла является дочерью и Трактористу. Так же, как отсутствующую здесь крошку-амазонку с тем же именем зачал в свое время младший Толька.

– Садитесь, мальчики, – королева указала пальцем на кипу шкур по правую сторону от себя.

Впрочем, Виталька и без ее напоминания, и без дядьки Тольки, сейчас вежливо пропускавшего вперед молодого вождя, знал, куда ему следует садиться. Знал, и все. Хотя в этой пещере оказался впервые. Он украдкой огляделся. Пещера не была примечательна ничем. Разве что более правильной, чем бесчисленные другие, круглой формой, и полным отсутствием ходов внутрь горы. Это было непривычным и тревожным. Поколениями в крови людей было записано: «Если что – беги поглубже в гору!». Здесь бежать было некуда... разве что вверх. Вождь поднял голову, и поспешно опустил ее; в одно мгновение он убедился, что ничего, кроме черноты уходящей ввысь пустоты там нет. Ничего.

Светлое пятно выхода загрозила громоздкая фигура Денатурата – вождя неандерталов. Шагнувшего следом мелкого колдунчика Лая почти не было видно под громоздким бурдюком. Их – как это подозревал; даже знал, Дуб – королева никогда не назвала бы мальчиками. Такое интимные, почти семейные узы связывали жидовок лишь с русами. Почему? Так было изначально, и никто не смел с этим спорить. Даже зловердный Жюлька Ранье, явившийся на совет со своей женой Маргошей.

Дуб поспешно ткнулся взглядом в каменный пол, освещенный пламенем костра, чуть тлевшего посреди пещеры, и разделявшего шкуры племен. Вроде бы и кивнул приветственно, и в то же время отвел взгляд от лица колдуньи еврогеев. Ну что было сказать об этом лице... Харя, или рыло... Как утверждал тот же Толька-младший, у баранов и коров морды были поинтеллигентней. А еще он утверждал, что эта самая Маргоша была женой не только вождя. Да и сам Жюлька как-то...

Пятой парой, вступившей в пещеру, были китаезы – вождь Мао, выглядевший карликом на фоне громадины Цзы. Последнего Дуб уважал – за охотничье мастерство и удачу. А в остальном... Цзы был ему ничуть не ближе следующей пары – предводителей африканов Максимки и жуткого лицом Мамбы. Эти скользнули на свои шкуры практически бесшумно, и там замерли, подобно черным истуканам. Что такое истуканы, Виталька представлял себе очень приблизительно.

– Ну, что-то вот такое, – остановился он взглядом на непрошибаемом лице Максимки.

Барабан у африкана был совсем другим, чем у остальных – узким и вытянутым в длину. И назывался странным словом там-там. На проводах отца пальцы Максимки действительно сновали по коже барабана там и там, выводя дробную звонкую трель, и задавая ритм общему хору. Вот и сейчас длинные черные пальцы в нетерпении подрагивали.

– Что-то старый дурак задерживается, со своими старухами, – совершенно беззлобно проворчала королева.

Так она обозвала вождя обезьянов – Самчайку, который действительно был самым старшим в Совете. По возрасту. Этот обезьян был уже прадедом – единственным в племенах – и до сих пор не собирался отдавать бразды правления сыну, или внуку. Может, потому, что до сих пор пользовался большой благосклонностью женщин. А конкретно – двух своих жен, которые вряд ли были старше его внука. Увы... для жен. Потому что правила китаез про сына и дочь это не отменяло. Сыновей у них не было. В племенах для женщин это считалось изъ-

яном, сравнимым с... Ни с чем не сравнимым. Но сами Ради и Нари, очевидно, так не считали. Они ходили с высоко поднятыми головами. Но сейчас им пришлось склонить их – вход в пещеру Совета был низковат даже для невысоких обезьянских женщин. Самчайка явился с обеими женами. Было ли это нарушением каких-то правил?

Дуб скосил взгляд на королеву, но та сидела с невозмутимым лицом, ничем не выдав своего неудовольствия. Пока. А еще – показалось Витальке – от нее исходила какая-то великая печаль. Точно такая же, как в круг проводов отца с товарищами.

– Словно опять кого-то собралась провожать, – проворчал он практически неслышно, – в последний путь.

По спине достаточно крепко стукнул кулаком Тракторист: «Не отвлекайся!». И это послужило началу заунывной речи-плачу королевы Бэйлы. Виталька в хитросплетение этих словесных кружев не вслушивался; знал, что при надобности сможет выудить каждое слово старой колдуньи. И интонацию тоже. Любую. Теперь же он с зародившейся в боку тянучей болью вычленил главное: в мир пришло Зло. Древнее. Изначальное. Шесть ипостасей, уже пытавшихся обрушить мир в бездну. Но тогда это был не их мир. А теперь...

– А теперь это зло, – Бэйла повернулась всем телом к Дубу, – кружит вокруг твоего отца. И сжимает круг.

– Мой отец может победить любое зло, – гордо выпрямил спину молодой вождь русов, – и победит.

– Если будет, кого побеждать, – старуха качала головой, – зло еще надо распознать. Порой его не отличить от обыденности, пусть самой неприглядной.

Виталька медленно, не скрывая взгляда, осмотрел всех вождей. Костер словно специально взметнул кверху огни пламени, так что Дубу не пришлось напрягать глаз. Чуть дольше он остановился взглядом на физиономии вождя еврогеев, стараясь не смотреть за его плечо, на лицо явно рассерженной Маргоши. И кивнул:

– Да, это так.

А Бэйла словно ждала его слов, как команды к следующему действию.

– Ну что ж, – проворчала она почему-то с заметным неудовольствием, – давайте попробуем разглядеть это зло.

Вожди, как один, зашевелились. Вроде, даже заулыбались. Тракторист за спиной явно обрадовано крикнул: «Держи». На левом колене вождя удобно расположился барабан. Теперь на правое шлепнулся увесистый бурдюк.

– Можно, – кивнула колдунья, и первой выдернула затычку из узкого горлышка меха.

В горле Витальки запершило от резкого, необычного запаха; потом от нового, пришедшего от костра, куда Бэйла щедро плеснула из бурдюка. Теперь пещеру было видно всю – в необычном синем свете. А потом Дуб прильнул к меху. И никогда бы не оторвался от него, если бы Тракторист не вырвал драгоценную ношу из ставших какими-то вялыми ладоней вождя. За спиной послышались долгие булькающие звуки. Но нового криканья Виталька не услышал. Потому что опять пела старая колдунья, и от этого пения уходила из тела радость; легкость, с какой взмывали в небо, к солнышку, овцы и коровы; бесшабашная удаль, с которой вождь уже собирался было ступить на жарко пылавший костер, и, сделав по углям несколько шагов, с разворота врезать ногой по скалящейся физиономии вождя еврогеев. Тракторист называл такой удар необычно. Виталька успел вспомнить: «Рессора от трактора «Беларусь».

Но хриплая песня королевы заставила его уткнуться в костер, который вдруг стал гладким, как море в абсолютный штить, и глубоким, как глаза жены – когда Виталька в первый раз поцеловал ее. И в этой глубине возникали и исчезали удивительные картинки. Какие-то непонятные пещеры, вывернутые наружу, к свету; растения, гнущиеся под тяжестью плодов; механизмы (словечко Тракториста), мелкие по сравнению с «Железным капютом», но несравненно изящней и... Люди, люди, люди. Они бродили меж деревьев с непокрытыми головами, и совсем

не боялись, что сверху на них спикирует «подарок» от овцы, или коровы; или что снизу, из-под травы какого-то необычного зеленого цвета вырвется червяк, готовый нести смерть всем и везде. Люди улыбались, смеялись; поднимали кверху лица, и Дуб узнавал их, хотя чувствовал, что все они были бесконечно чужими. Даже чуждыми. И сам он, Виталька Дуб, с постриженными коротко волосами, глянувший из своего мира сюда, внутрь пещеры с виноватым выражением лица, принадлежал чужому миру.

А потом все заполнило огромное лицо отца. Вот он был своим, родным, хотя и одетым в необычные одежды без всяких признаков защитного меха. Отец шевельнул губами, и Виталька прочел. Не глазами, сердцем:

– Сделай то, что должно.

И исчез, с безумной болью в глазах и верой в него, собственного сына.

А вокруг была пещера; необычайно веселые вожди, их помощники, и та самая боль – но уже в глазах королевы Бэйлы.

Теперь старая колдунья обводила взглядом вождей, и они съеживались, опускали головы к шкурам, к камням, что покрывали эти шкуры. И Дуб вслед за ней понимал – они ничего не видели; не чувствовали. Кроме каких-то своих сказочных видений, навеянных молоком бешеных коров. Свои видения молодой вождь посчитал явью. Отца-то уж точно!

Наконец, взгляд колдуньи остановился на Витальке. Он был тяжелым; физически давящим на плечи. Но рус только шире расправил их, да выпрямил спину. Тракторист позади крикнул одобрительно: «Знай наших!».

– Рассказывай, сынок, что видел?

И Виталька рассказал – все по порядку, не торопясь, словно наслаждаясь каждой долькой круга (как последней в жизни), и тем изумлением, которой не уместилось во взглядах слушателей.

– А Зло... Зло ты разглядел? – в нетерпении воскликнула Бэйла, неестественно бледная в отсвете костра.

– Нет, – пожал могучими плечами вождь, – обычные люди, хотя и чужие. Отец...

– Что отец?! – жадно вскричала королева.

– Он словно попрощался со мной... или звал.

– Ах! – вскричала старуха, откидываясь назад, на крепкие руки дочери.

– Ах!! – подхватила ее горестный клич юная жидовка; словно какое-то предчувствие беды уже объединило их.

– Старая я дура! – выпрямившаяся почти сразу колдунья заколотила себя по седой голове, – как я могла забыть?!!

Озадаченный; даже немного испуганный Виталька только теперь узнал, что Бэйла пыталась соединить несоединимое – зов крови русов с собственной способностью вникать в суть вещей; видеть истину под личиной повседневности.

– Видеть то самое Зло! – воскликнул он, – так давай соединим наши усилия, поможем отцу.

– Не только Дубу-старшему, – ответила колдунья с враз окаменевшим лицом.

– И тем людям? – предположил Виталька.

– И им, – кивнула Бэйла с выражением лица, показывающим, что на тех счастливых смеющихся незнакомцев ей плевать – как сказал бы Тракторист: «С высокой колокольни», – но зло не остановится, если его не остановить. Оно пожрет все там, а потом придет сюда.

– И убьет всех, – про себя закончил Дуб, – и меня, и Совет, и жену, и еще не родившегося сына.

– Говори, что надо делать?!

Колдунья уставилась в его лицо долгим немигающим взглядом; что прочла в нем, и, наконец, выпалила:

– Магия крови!

Все отшатнулись, явно уstraшенные. Даже Тракторист позади крякнул как-то испуганно. А потом Виталька увидел, как лица еврогеев напротив осветились. Не огнем костра, а хищной радостью. Но молодому вождю было наплевать на их радость. Что бы она не означала. С той самой колокольни.

– Говори, что надо делать?! – повторил он.

– Умереть, – глухо ответила старуха, – умереть прямо здесь и сейчас.

– Я готов, – просто и без пафоса ответил Виталька.

Ответил, скорее, не ей, а отцу. И отец – он был уверен – где-то в невообразимой дали кивнул; с гордостью за сына, и печалью в лице и сердце. За него же.

– Хорошо, – в голосе старухи-амазонки не было теперь ничего, кроме холодной решительности, – смотри и запоминай. Повторишь, когда поймешь, что пришло время. А вы, – прикрикнула она на притихших вождей, – помогайте... и еще!

Колдунья обвела всех теперь почти безумным взглядом; остановилась на помертвевших лицах еврогеев:

– Если что... я достану вас оттуда. Приду, и достану! – ее скрюченный темный палец ткнулся в потолок пещеры, а потом безвольно упал на тонкую кожу барабана.

Это было началом нового действия. Там-там тут же победно зарокотал, приглашая собраться к разговору. Остальные барабаны грохотали словно не в такт; что-то им не хватало. И рус спохватился, ударил ладонью по своему артефакту. Вот теперь мир плясал под эту мелодию; под этот могучий ритм. Плясало все – и огонь, и стены, и Тракторист за спиной. Только семь вождей размеренно колотили по своим инструментам.

Жалобно вскрикнула колдунья. Нет – это ее барабан не выдержал долгих, с начала времен, мучений, и лопнул, заставив женщину-амазонку вскочить на ноги. Теперь в ее руках был уstraшающей длины нож. Темное лезвие словно струилась в отсветах огня. Виталька узнал это страшное оружие – по описаниям. Это был Изначальный нож; клинок, привнесенный в этот мир первой Бэйлой. Безумный взгляд колдуни зашарил по стенам, по лицам, в страхе пытавшимся скрыться за ладонями. Теперь барабаны не были нужны. Само время подхватило ритм, и несло всех... куда?

Колдунья знала дорогу. Она остановила взгляд не на молодом вожде, а за его спиной – там, где вскочил на ноги тракторист. Это был прощальный взгляд любви. Давней, почти забытой, и... единственной. Вождь сам не знал, откуда пришла такая уверенность. А потом перестал думать, и следить за чем-то, кроме страшного лезвия ножа. Вот Изначальный взмыл, и начал неспешный бег вниз, ведомый костлявой рукой. Виталька с замершим сердцем видел, как он неимоверно медленно вонзился в мягкую шкуру неизвестного русу животного, как прошел старческое тело насквозь, явно пробив на пути сердце, и так же медленно вышел из раны, заставив почти черную струю крови плеснуться на угли.

Костер противно зашипел, заполнив пещеру удушливым чадом. Но старуха стояла. И даже улыбалась – теперь ему, Витальке. Она протянула ему нож – бережно, словно опасаясь стряхнуть капли собственной крови.

– Магия крови, – вспомнил Дуб, принимая оружие еще осторожней.

Колдунья начала заваливаться вперед, на костер, как только нож покинул ее ладонь. Но вождю было не до нее. Лишь краешком сознания он отметил, что крепкие девичьи руки дернули уже мертвое тело назад, на шкуры. А сам Виталька глядел лишь на нож; на тягучие капли крови, стекавшие с древней стали на его сидение. И понимал, что с каждой каплей вытекает что-то важное; необходимое не только ему, но и отцу, и все остальным. Он все-таки помедлил, протянул покрытое кровью лезвие в сторону Жюльки – с напоминанием, и обещанием: «Если королева не придет, то я обязательно достану... оттуда!». Нож опять взмыл кверху, И опять

упал острием вниз, чтобы жадно впитать в себя еще человеческой крови. Больше Дуб ничего не видел.

Глава 9. Анатолий Никитин. Кровавый четверг

Первые три дня новой недели Анатолий провел как во сне. В очень счастливом сне. Он практически не отходил от Бэйлы и дочки; нехотя брел из лазарета, в котором выделили целое родильное отделение – только после прямой команды доктора Брауна. А сердце его оставалось здесь; в самом защищенном месте города. Да – несмотря на распиравшие его душу чувства, Никитин не мог не заметить, что этот крохотный кусочек городской жизни перекрыт многократно – и стенами, и людским вниманием, и многим еще; чего он не мог разглядеть, но что чувствовал. Анатолий прекрасно понимал командира. Ведь у того тоже сердце рвалось сюда, к мальчикам-близняшкам, которых назвали в честь двух дедов, которых им не суждено было увидеть.

– Ну, ничего, – Никитин мысленно успокоил этих крошек, а заодно и свою дочку, Оксанку, и двух дочерей профессора Романова, – наша любовь заменит вам и дедушек, и бабушек... Оксана...

Его лицо расплылось совсем уже в счастливой улыбке, граничащей с экстазом. Точно такое же было у профессора, который вышел из другой палаты – той, где разместили Бэйлу и двух ее малюток. Романовы поиском имен для дочерей долго не мучились. Как признался Анатолию сам Алексей Александрович, он первым предложил разбить имя жены на две части, и одарить ими малышей. Так что за дверью, в которую вышел сейчас счастливый папаша, сладко спали, или лакомились еще более сладким материнским молоком Таня и Тамара. Что касается семьи Никитиных, то тут выбора тоже не было. Разве был кто-то в этом мире ближе для них, чем командир с Оксаной, в честь которой они и называли дочь?!

– Разве что вот они – профессор с Таней-Тамарой... ну, еще Зина, Валерка Ильин, Марио с Иринкой (заразой такой!), тот же Виталька Дубов...

Они с Романовым как раз вышли из лазарета, и улыбки на их лицах смыло словно ливнем, который по-прежнему шумел за куполом. Здесь, за пределами умиротворенной атмосферы больничного комплекса, они опять окунулись в невидимые волны ожидания чего-то трагического; может, ужасного.

– Вот так же я себя чувствовал себя, когда в городе «резвилась» академик Арчелия, – пробормотал профессор.

Никитин согласно кивнул, а потом резко повернулся к домику, который воздвигли рядом с Цитаделью взамен погибшего под лапами разъяренного тираннозавра. Тайский домик для массажа, конечно же, восстановили. Но теперь он был частью их прошлого; живым памятником истории. А оздоровительные процедуры не прерывались ни на час в новом помещении – гораздо более комфортном; с раздевалками, душем, и уютными креслами, в которых можно было подождать своей очереди, или напротив – порелаксировать после сеанса с чашкой ароматного чая.

– Подожди-ка, – Анатолий придержал профессора за рукав камуфляжа, – что это он тут делает?

Перед дверьми массажного домика, который кто-то успел назвать салоном «Клеопатра», топтался в явном нетерпении француз, Жюль Ранье.

– А ведь его не было на лекции! – профессора словно озарило; он даже поднял руку, чтобы хлопнуть ею по выпуклому лбу.

– Да, – голос командира, неслышно подошедшего сзади, заставил обоих подпрыгнуть на месте от неожиданности, – я проверял. Он как раз всю твою лекцию, Алексей Александрович, продрых на массажном столе. А теперь, скорее всего, поджидает своего дружка – Швидке.

– Так это они, – резко повернулся к командиру Романов, – это из-за них?...

Он не закончил вопроса, который прекрасно поняли и Анатолий, и полковник Кудрявцев, закачавший головой:

– Как-то все у них напояз; глупо, неубедительно... противно. Скорее, отрывка той самой толерантности (все трое чуть заметно поморщились). А вот это все, – рука полковника обвела пространство под куполом, подтверждая, что командир тоже чувствует нависшую над городом угрозу, – совсем другое. Тут кровью пахнет. А от этих чудиков...

Он махнул рукой теперь совсем пренебрежительно; как оказалось зря. Командир тоже ошибался... не часто, но все же.

Ранье, в своем волнении не заметивший тройку разведчиков во главе с командиром, бросился к спрыгнувшему сразу с третьей, верхней ступени салона Герхарду, и... получил от товарища знатный хук слева. А потом – вдогонку, еще и справа. Француза буквально смело на жесткую дорожку. Сам тракторист постоял бы, полюбовался, как один «евротолерант» пинает второго – от души, не жалея ни ребер, ни лица друга, уже залитого кровью. Но командир («Ага! Тоже помедлил пару мгновений!», – порадовался за Кудрявцева Анатолий, – ну, и правильно!!») уже несся к драчунам; уже ловко, неуловимой подсечкой укладывал Швидке рядом с жертвой его яростной вспышки, и фиксировал намертво невесть откуда взявшимся пластиковым шнуром.

– Ага, – обрадовался еще раз тракторист, – из таких пут даже тираннозавр не вырвется. А если командир их еще и «заговорил»...

А командир, между тем, повернулся к подбежавшим профессору и Никитину. В его глазах Анатолий прочел промелькнувший молнией чуть растерянный вопрос: «Ну, и что теперь с ними делать?». С языка говорливого тракториста успел сорваться ответ:

– В кутузку их, товарищ полковник!

Впрочем, никакой кутузки в городе не было. И командир принял другое решение. Легко подхватив тело беспамятного француза, он кивнул на спокойного, на удивление расслабленного сейчас Швидке: «Берите его, ребята!». Анатолий к немцу не испытывал сейчас никакой неприязни. Во-первых, был «благодарен» за драку (вдохнул: «Грешен... прости, господи!»), а во-вторых... знал по себе – после рьяной драки, в которой Никитин прежде не прочь был поучаствовать, наступает вот такое умиротворение, опустошение в душе и теле. Словно вместе с агрессией выплеснул из себя всю грязь и мерзость; и... можно копить по новой. Но нынешний тракторист был совсем другой личностью. Ту самую грязь, или мерзость, если они и пытались укорениться внутри, он исторгал из себя сразу же; имея перед собой такие примеры, как командир или Алексей Александрович...

Никитин даже негромко рассмеялся, уличив себя в том, что во второй раз на неполные десять минут попытался объять необъятное – перечислить всех своих друзей... настоящих товарищей. А еще он на удивленный взгляд профессора ответил своим, горделивым – ну, как же, он ведь взялся за плечи француза, за более тяжелую часть его неподвижной тушки! Причем, совершенно бессознательно. Прежний Никитин уже держался бы за ноги. Если бы вообще бросился выполнять приказ командира.

– Да! – усмехнулся он своей мысли, глядя в спину полковника, уже подходившего к больничному комплексу, – попробовал бы я не выполнить его приказ...

Следующая мысль заставила его быстрее зашевелить ногами – так, что у дверей лазарета их с профессором тандем догнал командира.

– Товарищ полковник, – Никитин умоляющим голосом попытался остановить Кудрявцева, – разве можно их сюда? Тут же дети!

– Ну, – усмехнулся командир, открывая дверь перед носом тракториста, – раз сюда никто не сможет забраться, значит, что?...

Он спросил, и сам же ответил, открывая уже другую дверь, ведущую в отсек, где сам тракторист ни разу не был:

– Значит, отсюда тоже никто не сможет выбраться!

За дверью был длинный коридор, в котором были лишь десять других; закрытых и расположенных попарно – по пять с обеих сторон. Полковник открыл две из них, и изумленным взорам Никитина и Романова предстали небольшие комнатки. Сам Анатолий именно так представлял себе палату для буйно помешанных. В комнатах не было ничего – кроме стен пола и потолка; все из той же пластмассы, сейчас мягкой, и расслабляющей. Плечи Ранье в руках тракториста ощутимо расслабились, как только пострадавшего внесли внутрь. Но думать об этом не хотелось – ни о пластмассе, наделенной очередным удивительным свойством, ни о чем, даже о детях...

Безжалостная рука командира выдернула Анатолия и из комнаты, и колдовских грез. Уже в коридоре полковник показал на две двери – под номерами «один» и «два» – сюда никто не сможет войти... кроме меня.

– А если..., – начал было задаваться вопросом профессор; и испуганно умолк.

Никитин прекрасно понял его; он тоже не мог представить себе такого катаклизма, что лишил бы их командира; даже уточнил такой кошмарный вариант: «Тогда бы уж и для нас ничего не имело значения! Ни для меня, ни для профессора, ни для...».

Уши тракториста вдруг запылали огнем; он вспомнил, что совсем недавно пытался изгнать из памяти такие родные имена. Командир рядом понимающе улыбнулся – чуть печально, как показалось Анатолию. А потом показал на дверь, ведущую в родильное отделение:

– Иди, полюбуйся на свое счастье. Тебе скоро в командировку (полковник посмотрел на часы) – через полтора часа. В краткосрочную.

– Какую?! – тракторист был готов на любой подвиг, лишь бы его поскорее пропустили в заветную дверь.

– Очень ответственную, – хитро улыбнулся командир, – на сеанс массажа.

– Так я же в очереди...

– А ты без очереди, по блату, – еще хитрее подмигнул Кудрявцев; потом стал серьезным и сосредоточенным, как обычно, – и не думай, что это поощрение, товарищ рядовой запаса (Анатолий подтянулся). Считай, что ты туда как Александр Матросов, грудью на амбразуру...

Этот массаж ничем не отличался от предыдущих. Ласковые, а по мере продвижения к финалу все более жесткие и твердые пальцы Ради и Нари порхали по спине, выгоняя из тела и души все лишнее, и вливая на место этого «лишнего» могучий заряд энергии. Анатолий, как инструктировал командир, не вдумывался в свои ощущения; не пытался разглядеть в движениях тайских массажисток что-то подозрительное. Он отдался волнам блаженного бездумья; попытался даже забыть о командире, о его последнем испытующем взгляде. Поначалу это не получалось. Тогда Никитин стал думать о дочерях, о Тане-Тамаре, и не заметил, как задремал.

Через два часа он бодро вскочил с топчана, бросил короткое «Спасибо!» тайкам, согнувшимся в глубоких поклонах, и буквально выскочил из дверей, как пробка из бутылки шампанского. Чтобы попасть в руки командира. Впрочем, полковник Кудрявцев не стал долго обниматься с трактористом; он отпустил его и так – глаза в глаза – спросил: «Ну, как?!».

– Все прекрасно! – Анатолию хотелось заорать во все горло, – и жизни хороша, и жить хорошо! Еще бы...

Тут он перевел взгляд на улыбавшегося рядом профессора, и внутри все вспыхнуло яростным огнем:

– Ах, ты, падла! – Романов ухмылялся так гадко и зло, что тракторист вдруг представил себе, что за эти два часа произошло что-то ужасное, непоправимое, и профессор Романов имеет к этому самое непосредственное отношение.

Он занес руку для удара – совсем, как Герхард Швидке недавно, и... забился в крепких объятиях командира, не в силах добраться до отскочившего далеко назад профессора. А рядом так же гадко ухмылялись Левины, на которых (несмотря на их гигантские габариты) тоже хотелось наброситься, и бить и бить; топтать и топтать – превращая чужую плоть в кровавую кашу.

Холодным душем на яростный разум опрокинулись слова командира:

– Хочешь в ту комнату? Под номером «три»?!!

И тракторист обмяк, вспомнив все; прежде всего ту бесконечную пустоту, явившуюся вместо лиц Тани-Тамары и дочек. Сами собой потекли из глаз слезы; впервые в жизни не от водки, а от стыда, заполнившего организм. Он попытался еще раз дернуться, чтобы просить, умолять профессора о прощении; да хоть и на коленях. Но из железной хватки сержанта Левина, в которых он оказался, тоже было невозможно вырваться. А Света, его жена, ласково гладила огромной ладошкой по шевелюре командира, и голову заполняла удивительная свежесть. Командира рядом уже не было. Но тракторист, человек удивительно догадливый, и сейчас медленно приходящий в себя, понял – Кудрявцев скрылся внутри салона. Впрочем, он уже стоял в дверях, с сумрачным выражением лица.

– Заходите, – махнул он рукой.

Левин вопросительно посмотрел на Анатолия; потом на командира.

– Все заходите, – разрешил полковник, и Никитин наполнился благодарностью к командиру, который первым догадался, а может, изначально знал – это не он, не Анатолий пытался размазать по дорожке профессора и всех остальных.

– А кто? – задал он себе вполне законный вопрос, заходя в помещение, где два часа предавался расслабленной неге, – они?

Тайки лежали на массажном столе; хрупкие, свободно помещавшиеся на широком ложе, еще помнившим тепло тела тракториста. Глаза их были закрыты; груди мерно вздымались. Они словно спали, спеленатые все тем же пластиковым ремнем.

– Посмотри, Света, – приказал командир.

Левина подошла к столу, и протянула обе ладони к голове одной из массажисток – Ради, или Нари; Анатолий, к собственному смущению, так и не научился их различать. И тут же просторное помещение заполнил крик, полный боли. Это закричала, отдернув руки, целительница. А через мгновение она уже билась в объятиях мужа, повторяя без устали: «Там Зло... Зло... Зло...».

– Беритесь, – кивнул Анатолию с профессором командир; тело одной из массажисток уже лежало на его широком плече, – боюсь, Анатолий, что твой третий номер сейчас займут.

Тракторист шутку не воспринял; он шагнул вперед.

– Я сам, Алексей Александрович, – смущенно улыбнулся Анатолий, – ты уж прости меня.

– Ничего, – ответная улыбка профессора была искренней, – хорошую встряску получил.

– Левины, за мной! – это полковник скомандовал уже, спрыгнув на дорожку.

Короткая хлесткая команда отрезвила рыдавшую Светлану быстрее мужских объятий. В длинный коридор, показавшийся Анатолию теперь настолько мрачным, что он перестал ощущать тяжесть на плече, они вступили все вместе. Вместе же поочередно «полюбовались» на лежащих неподвижно Нари и Ради – в камерах под номером «три» и «четыре». Да – именно так теперь воспринимал эти комнаты тракторист.

– «Удовольствие» и «Прекрасная женщина», – вспомнил он перевод с тайского, – представляю, какое удовольствие будет для Швидке в соседнем, втором номере, когда эта страшная женщина очнется, и начнет колдовать.

– Никакое Зло отсюда не вырвется, – командир, закрывавший дверь с номером «три», словно ответил на его невысказанный вопрос, – никто и ничто!

И следом открыл соседнюю комнату, в которой из встретил немец – взъерошенный, как воробей после дождя, и сидевший в дальнем углу. Полковник Кудрявцев не дал ему возможности обрушиться с «толерантными» претензиями; коротко приказал Левиной:

– Светлана – осмотри!

И столько властной уверенности было в его голосе, что Герхард даже не пикнул, когда целительница возложила свои ладони, и чуть поморщилась:

– Чувствую остатки того самого Зла... они, наверное, сами бы истаяли со временем. А вот мы их сейчас...

Лицо немца на глазах светлело; разглаживалось. Казалось, он сейчас заснет, и засопит – прямо на мягком полу.

– Не спи, Герхард, – теперь в голосе командира не было жесткости, – доберешься до дома, и там дрыхни хоть до утра.

– Мне же вечером в караул, товарищ полковник, – попытался слабо возразить немец.

– А вот товарищ сержант тебя сейчас освободит от наряда. Найдешь ему замену, Борис?

– Найду, – кивнул начальник охраны.

– И Жюлю найди, – это командир приказал, открывая «номер» с цифрой один...

Анатолий не решился войти в родильное отделение в растрепанных чувствах. Он был в полной уверенности, что ласковые ладошки Светланы изгнали из его головы всю скверну. Но рисковать не стал – решительно повернул направо, за командиром и профессором. А там, уже на улице, побежал, что было сил в сторону, откуда раздавались дикие отчаянные крики. В них была мука расставания с жизнью, и боль от рассекаемой на части плоти – именно эту картину увидел пораженный тракторист посреди цветущего парка – рядом с их «круглым столом», родником, который не думал пересыхать.

Это было излюбленным местом отдыха горожан. Здесь всегда было много народу; здесь же и разыгралась страшная бойня. В озерце, куда изливалась прозрачная холодная вода, плавало что-то ужасное – человеческие тела, и части тел; внутренности... Анатолий разглядел даже чью-то голову, отделенную от тела. А над всем этим, по колено в красной от крови воде, стоял Спартак с искаженным от безумной ярости лицом и коротким мечом в руке. Где раздобыл это оружие спятивший с ума гладиатор, было непонятно? Одно было несомненно – именно он учинил здесь кровавую резню; напав на безоружных людей, не имевших ни одного шанса противостоять великому мастеру боя.

– Да даже с мечами в руках... Кто мог бы отбиться от этого страшного чудовища? Только он!

В бассейн мягко, не подняв кроваво-красных брызг, прыгнул полковник Кудрявцев. Сюда, к месту трагедии, уже сбегались люди; иные – напротив – готовы были покинуть этот проклятый уголок, и забиться куда-нибудь в норку поглубже. Некоторые морщились в страданиях, зажимали резанные раны. Но все в этот момент остановилось; уставились туда, где должна была разразиться великая битва Добра со Злом. Она и произошла – быстро, без всяких эффектов: можно сказать, буднично.

Страшный меч рассек воздух по ломаной траектории; сначала сверху вниз, заставив сорваться с лезвия целую россыпь тягучих капель крови, а потом, достигнув уровня пояса противника, полетел по кругу – не оставляя ни единого шанса противнику перед гладиатором. Только вот никакого противника там уже не было. А был он за спиной страшного мясника. Что уж там сделал полковник, Анатолий не разглядел. Он только успел заметить, как меч вырвался из ладони Спартака, и упал в воду; как следом поочередно опали, словно плети, вздувшиеся мускулами руки гладиатора. И как сам он закатил глаза, и тоже упал в бассейн, выплеснув не меньше половины жидкости на берег. В запале Никитин пожелал, чтобы там острое лезвие нашло своего хозяина; его сердце, и тут же сам ужаснулся этому:

– Это же Спартак! Друг... я только недавно дважды перечислял ближний круг товарищей, за которых готов был отдать жизнь. И Спартак там...

Кудрявцев нагнулся к воде, и верхняя часть тела гладиатора показалась над водой; лишенное сознания тело не хотело умирать. Громадный фракиец судорожно кашлял и отхаркивался водой; со свистов вдыхал воздух. А неумолимые руки полковника окунули голову опять в воду, и еще, и еще раз. Пока, наконец, тело не перестало вырываться из захвата. Только тогда командир одним могучим рывком выбросил гладиатора на берег, заставив собравшуюся толпу отшатнуться.

– Левин! Левина! – голос полковника был страшен; не подчиниться ему было невозможно, и два гиганта, не уступавшие Спартаку ростом и объемами громадных мускулов, подступили к командиру.

– Света, – первой задачу командир поставил целительнице – уже много мягче, и с болью в голосе, – не теряй времени; не дай погибнуть еще кому.

Левина не стала терять времени даже на кивок; сразу же склонилась над страшными ранами человека, чья грудь чуть заметно вздымалась – других признаков жизни Никитин не видел. Он, кстати, тоже подскочил к командиру, как и профессор, которого сейчас было трудно узнать – такой бледной и потрясенной была его физиономия.

– Сержант! – полковник словно не заметил порыва ближайших помощников, – убрать тут... все. Собрать, в общем... Возьми пока пластиковые мешки, а потом решим, куда и как... А вы (это он сверкнул глазами на тракториста с Романовым) – за мной.

Втроем они унесли тяжелое тело гладиатора в тюремный блок; опустили там его на пол в «первом номере», который недавно освободил Ранье. Командир рывком перевернул Спартака на спину; еще два почти неуловимых рывка, и руки гладиатора шлепнулись на мягкую пластмассу, явно вправленные на место.

– Пойдем отсюда!

Полковник пошел вперед из больничного комплекса, потом за золотые ворота с белой и алой розами; мимо грядок с овощами; по нетронутому; заросшему бурьяном полю – единственному такому в городе. Даже у Оли Ульяновой не поднялась рука; точнее, язык – отдать приказ перепахать этот участок, и засеять его чем-нибудь полезным. Ведь именно здесь нашли свою смерть их соотечественники – два бывших китайца. Никитин едва не ткнулся в спину командира, когда тот резко затормозил. И, так же, как Александр Николаевич, уставился себе под ноги, пытаясь разглядеть в траве следы трагедии полуторамесячной давности. Увы – время и злой бурьян не оставили тут ни клочка ржавой от крови земли. Тем не менее, Анатолий был уверен – командир не ошибся.

Все трое, как по команде, подняли головы, осматриваясь. Участок был большим, как и соседние; площадью ровно в гектар. Тем не менее, полковник решил:

– Вот здесь и будет у нас кладбище. Огородим; цветы посадим.

– Да тут же... тут же весь город похоронить можно! – ужаснулся профессор, – еще и место останется. Или вы думаете, Александр Николаевич?...

– Думать – ваша задача, товарищи мыслители. Моя задача – принимать решения и присмотреть, чтобы эти решения воплотились в жизнь – общими усилиями. А насчет того, сколько места тут будет занято... Хотя какие-то мысли есть?

– Я, товарищ полковник, когда засыпал на массажном столе, – вдруг выдал Анатолий, – почему-то вспомнил ту латышку итальянскую.

– Викторию?! – профессор невольно потер пальцами ухо, которого едва не лишился из-за этой белокурой бестии.

– Да Алексей Александрович, – повернулся к нему тракторист, – не ее саму, конечно; живой-то я ее не видел, – а твой рассказ. И слова товарища полковника: «Ходи, да оглядывайся!». Вот так нам, наверное, и придется теперь жить.

– Да, – протянул командир, – ходи, да оглядывайся.

– А я вот о чем подумал, Александр Николаевич, – профессор в волнении схватился и за второе ухо, – купол ведь теоретически защищает от всех видов излучений?

– Теоретически защищает, – кивнул полковник, – до сегодняшнего дня я думал, что и практически.

– А что у нас появилось нового – такого, что могло так повлиять на Спартака; а до него на таек?

– Аборигены?! – ахнул тракторист, – Виталька Дуб с командой. Неужели они?!

Ему никак не хотелось верить, что именно этот симпатичный ему человек (дикарь!); или один из его соплеменников явился причиной кровавых событий. Но ничего иного в голову не приходило. В кармане Кудрявцева требовательно заверещала рация. Полковник глянул на экранчик, высветивший фамилию абонента, и не стал убирать громкой связи.

– Товарищ полковник! – раздался встревоженный голос сержанта Холодова.

– Слушаю, сержант.

– Тут «гости»...

– Что гости*! – лицо полковника стало каменным и жутким.

– Вас требуют, товарищ полковник!

– Ну что ж, – пригласил товарищей в обратный путь командир, – послушаем, что с нас будет требовать вождь русов. А потом сами потребуем – рассказать все без утайки. И пусть только попробует юлить!

Бросившись вслед за Кудрявцевым, Анатолий невольно пожалел Витальку Дуба.

Глава 10. Дуб-старший, Дуб-младший и королева Бэйла. Три в одном

Первые несколько кругов (здешние странные обитатели называли их сутками) вождь провел в беспечном безделье. Разве что в далеком детстве он мог позволить себе вот так бездумно валяться на траве... точнее на мягком ложе, называемом диваном, и пялиться на смешные картинки в экране. До этого и сам Виталька, и его сородичи аккуратно обследовали; даже обнюхали большой черный ящик, который показывал чудесные «мультики». Разламывать его не стали, резонно решив, что магия в нем тут же умрет.

«Железный Капут» был надежно запечатан какой-то едва видимой пленкой. Несмотря на толщину, сравнимую с нитями пауков, живущих в верхних пещерах, эта пленка не поддавалась могучим рукам Витальки. Люк так и не открылся. Даже на половину ладони – чтобы можно было ухватиться понадежней, и рвануть вверх. Прежде Дуб уже закатил бы скандал; призвал бы к ответу одного из здешних охотников, которые поочередно маячили у дверей. Или потребовал бы к себе самого главного – человека, назвавшего себя Полковником Кудрявцевым. Но... что-то твердило внутри:

– Остынь. Оглядишься. Расслабься. Ничего этого в будущем больше не будет. Ни этой странной, но такой удобной смены светлой и темной части круга, ни еды, которой в первые круги стыдились обжираться, а потом привыкли – брали один за другим сладкие, тающие во рту «фрукты» и «ягоды», не отводя глаз от те-ле-ви-зо-ра. Ни-че-го!

Будут только солнце, бескрайние пастбища родного, оранжевого цвета, да опасности – сверху, и снизу. Со всех сторон.

Но это была его жизнь, и рано или поздно Дуб в нее вернется. С танком, или без – но вернется. Непременно. А пока... Он действительно сам расслабился, и людям своим позволил, оправдав свой непростительный прежде поступок вполне уважительной причиной:

– Так ведь шторм снаружи. Куда пойдешь? Вот закончится, и тогда я... тогда мы!

Шторм он неведомым образом чувствовал. Считал круги, и ждал. Не дождался! Тревога пришла раньше. Словно овца или корова сверху, или червяк снизу этой огромной пещеры правильной формы, в которой их заточили (чего уж там – надо смотреть правде в глаза) бьются, не в силах передать какую-то вест. Наконец, он не выдержал – подошел медленно, и вальяжно, как надлежало вождю могучего племени – к охотнику, страдающему от безделья (тот сразу направил на него какую-то штуковину из металла и дерева; явно оружие, хотя колющих и режущих частей не было видно), и остановился перед ним – таким мелким, но не выдающим ни капли страха. Одобрительно кивнув, Дуб пророкотал, постаравшись придать своему голосу властности:

– Вели позвать самого главного из ваших.

– Это товарища полковника, что ли?

– Да, Полковника Кудрявцева, – медленно, чуть ли не по слогам протянул вождь.

– Сейчас доложу.

Он вытянул из кармана черную коробочку и прошептал в нее какое-то заклинание. И почти сразу же дверь распахнулась; не очень широко – так, что в нее скользнул Хо-ло-дов, которому охотник и доложил:

– Товарищ сержант, – этот вот товарища полковника требует.

– Хорошо, Мао, я разберусь.

Только теперь Виталька всмотрелся в круглое личико охотника; признал его, ругая себя в душе за невнимательность, за непростительную расслабленность. Парень действительно был очень похож на вождя китаез; точнее – на его внука, лицо в лицо. Только выражение лица

у этого, у местного, было спокойным, заполненным какой-то внутренней уверенностью, даже силой. У «домашнего» Мао, которого Дубу, скорее всего, не суждено было увидеть, физиономия была всегда заполнена спесью. Лишь однажды Виталька видел его испуганным, заполненным страхом и плаксивостью, когда ему выкручивали ухо за какую-то провинность. Он же, Дуб, и выкручивал. А потом ждал, когда его разъяренный дед вступится за внука, полезет в драку. Не полез. За что и заслужил презрение вождя русов – на все оставшиеся круги.

– Мои. Оставшиеся, – горько усмехнулся Дуб.

В лице Холодова, кстати, тревоги и горечи было, пожалуй, еще больше. Может, поэтому он смог передать посредством своей черной коробочки горячее нетерпение Витальки. Теперь оставалось только ждать. И готовиться. Впрочем, ни о какой подготовки без того же Полковника речи не шло.

– А вот и он, – дружно вздохнули вождь и Холодов; оба облегченно.

А здешний вождь даже не стал выслушивать Витальку до конца – почти сразу кивнул:

– Что тебе для этого надо?

А ведь Дуб даже не успел объяснить, что ему надо вырваться за пределы этих давящих стен; увидеть солнце – пусть затянутое тяжелыми тучами, плюющимися холодным дождем.

– Немного, – торопливо (сам удивляясь такой поспешности, и готовности вывернуть душу перед полковником) воскликнул Виталька, – взять из «Железного Капута» по паре шкур и другую одежду. Вместо этой.

Он с видимой безразличностью, и затаенной завистливой тоской – удобная же ведь, что не говори – потрепал за рукав одежды, выданной взамен их привычной.

Полковник повернулся к Холодову, и тот пожал плечами:

– Сожгли. Согласно инструкции.

Что такое таинственная «инструкция», Виталька не знал. Но предположил, что это что-то, не уступающее общим законом племен. Потому что Полковник явно склонил голову перед ней.

– Хорошо, – поднял голову полковник, – пойдем.

Пошли целой толпой. Со стороны русов – все шестеро; от местного племени – их вождь и двое хмурых сопровождающих; один из которых – раньше улыбавшийся во всю физиономию, а теперь глядевший на Витальку, как на червя, скрещенного с коровой. Холодов не пошел – побежал. После команды Полковника: «Сержант, гони сюда „Варяг“. С тем же экипажем».

Сам Полковник легко запрыгнул на гусеницу «Железного капута», и так же легко, почти небрежно, откинул верхний люк. Обрадованный вождь полез следом. И задержался внутри чуть больше необходимого. Не сравнивал привычные, но такие неудобные подробности своего быта с тем, чем пользовался последние несколько кругов. Он словно набирался духом перед действием, о котором пока не знал, но уже страшился.

Наконец, наружу полетели шкуры и связки запасной одежды. Сам вождь переоделся здесь же, в железной теснине танка. Еще он подавил в себе ребяческое желание взять в руки тяжелый глиняный бочонок со спящими внутри «жужжащими стрелами смерти», и выкинуть его наружу. А потом высунуть голову из люка, и полюбоваться на то, как хозяева с воплями носятся по огромному залу, хлопая ладонями по собственным задницам. Почему-то жужжащие убийцы начали убивать жертвы именно с этой части тела. И неизвестно, что заставило его руку, уже протянувшуюся было к ближайшему бочонку, остановиться – стальная практичность вождя, или понимание того, что Полковник справится с этой ситуацией. Справится. Непонятно как, но наверняка блестяще.

Наконец, Виталька спрыгнул на ровный пол зала – в тот момент, когда в открывшиеся ворота с негромким хрустом больших круглых штук, заменявших здешнему «танку» гусеницы, въехал тот самый «Варяг».

– Прошу, – протянул руку в сторону открывшейся дверцы «Варяга» Полковник, – прокатим с ветерком.

Последнее вождь понял совсем скоро – когда «Варяг», чуть увеличивший громкость, стремительно пролетел внутренности громадной пещеры; практически не остановился в воротах, и замер, лишь промчавшись достаточно далеко. Снаружи на шестерку русов и трех выскользнувших за ними любопытствующих, закрывших лица прозрачной защитой, обрушился тот самый ветер, и косые струи дождя. Но вождь, и его парни развернули плечи: подняли кверху руки (один – Ерш – полторы вместо двух), и замерли, благодаря за жизнь и все сущее солнце, которое чувствовали даже сквозь тяжелые черные тучи.

– У тебя ровно полчаса, – прервал его медитацию Полковник – единственный из тройки открывший свое лицо, – доказать, что мы не зря приехали сюда.

– А иначе? – хотелось закричать в это лицо, сравнившееся сейчас с камнем пещер.

Не закричал. Понял и принял ответ от торчащей на башне «Варяга» трубы, грозно шевельнувшейся и замершей прямо напротив него. Но не заспешил. Решил, что в те самые полчаса уложится. Должен уложиться. Еще и проворчал знакомое всем издревле: «Поспешай медленно!». И понял, что за темной пленкой непроизвольно расплылись в улыбке губы местного Тракториста. Но поспешать, все же, следовало.

Он кивнул сородичам, и первым уселся на траву, подстелив под себя сразу две шкуры. Одну, мехом вниз, как защиту от червей; вторую – теплым мехом наружу – для комфорта, к которому привыкли его ягоды. И действие началось – как только круг шести замкнулся. Словно кто-то ждал этого момента. Или чувствовал, что время здесь бежит неумолимо быстро. Посреди круга, образованного сидящими со скрещенными ногами сородичами, словно вспыхнуло пламя незримого костра. Настоящей пламень грел совсем других людей – в невообразимой дали, в двух десятках кругов пути «Железного капута». Скорее всего, в пещере Совета.

Но здесь, в степи, круглое пятно травы вдруг пожухло, и медленно истаяло, словно пожранного огнем. Совсем немного не доставшим до шкур. Стоявший за кругом напротив вождя полковник кивнул: «Давай, парень. Начало многообещающее!». Кивнул и во второй раз – когда сам Виталька слышал грохот барабанов, и ощутил на губах неповторимый вкус молока коровы. А потом увидел перед собой лицо сына, и прочел вопрос в его глазах.

– Делай то, что должно, – ответил на этот вопрос вождь, заставив сердце отца сжаться в недобром предчувствии.

Барабаны загремели совсем громко; теперь струи дождя испуганно метнулись в сторону.

– Нет, – с ледящим душу воплем воскликнул Виталька, – это не барабаны! Это магия крови!

В сердце словно действительно впрыснули гигантскую порцию крови, и оно не выдержало, захлебнулось, и вождь повалился вперед – на выжженный круг земли. Последнее, что он ощутил, это крепкие руки, схватившие его, не давшие телу больно стукнуться о растрескавшуюся корку почвы...

А потом, практически сразу же – другие ладони; большие, но очень мягкие; прохладные и ласковые. И женский голос. Журчащий, словно ручеек в самой дальней пещере русов. И слова, тоже звучащие нежно, но такие страшные по сути.

– Он там не один, товарищ полковник, – рассказывала целительница – та самая, что спасла жизнь Ершу, – там... три личности. Не знаю, как это может быть, но они сейчас... забились каждый в своем углу, и не спешат знакомиться. А, нет! Одна, кажется, женская.

– Что значит, женская?! – вождь резко сел на диване, едва не врезавшись макушкой в подбородок целительницы.

На ее месте тут же оказался Полковник, который опять был сумрачен лицом и нестерпимым в каких-то терзавших его мыслях:

– Вот это ты нам и объясни, вождь! Что ты там, в степи, увидел?

Вождь молчал. До тех пор, пока кто-то внутри него не заворчал, умудрившись там, в душе, найти макушку Витальки, и треснуть по ней кулачком:

– Да не молчи же, старый дурак! Скажи им все – и о сыне, и о Зле, что поселилось в этих пещерах.

– Королева Бэйла! – воскликнул в шоке Виталька, – подруга дней моих суровых!

«Суровые» – так называли свои детские годы три сорванца – сам Дуб, маленький Тракторист, и внучка прежней королевы жидовок-амазонок.

– Вот сама и рассказывай, – буркнул он внутрь себя, – а я пока с сыном побеседую.

Невероятно, но так и произошло. Вождь делился впечатлениями с сыном; одновременно впитывая каждое слово королевы, которая хриплым голосом повествовала Полковнику о Зле, о шести его ипостасях, поселившихся в большой пещере, и о том, что оно не остановится – будет убивать, убивать и убивать...

– Это мы уже знаем, – кивнул полковник, – оно уже начало убивать. И три его ипостаси мы уже заперли. Туда, откуда они не вырвутся. А где отыщутся три другие... как их найти прежде, чем они тоже начнут убивать?

Беседа Витальки с сыном прервалась. Потому что его тело без ведома и команды хозяина; подчиняясь теперь хозяйке, вскочила на ноги, и гордо выпрямилась перед местным вождем:

– Я! Я, королева Бэйла, покажу тебе их. Для этого я покинула свою пещеру, свое племя, и свое тело!

– Бэйла! – шагнул вперед явно потрясенный Тракторист, – это ты?

– Я! – захохотала королева – уже голосом вернувшегося Дуба, – рада видеть тебя, милый. Что-то ты тут усох... плохо кормят?

Тракторист нырнул за спину полковника, который уже командовал:

– Сержант, через полчаса всех собрать в столовой. Двери пока не открывать; ждать меня. А ты, красавица, – усмехнулся он, опять поворачиваясь к Витальке, – давай, переодевайся.

Сам Дуб усмехнулся еще шире, и тут же скинул с себя шкуры. Бэйла было завизжала, пытаясь прижать ладонями самое сокровенное. Тут же отдернула их от того самого, сокровенного. И удалилась. Оскорбленная. В свой угол...

Рядом с целительницей и ее мужем – Борей Левиным – вождь совсем не выделялся ростом и статью. А в такой же ладной одежке, как они, и вовсе мог сойти за своего. И сошел. Когда полковник ловко опустил забрала (так назывались темные пленки на головных уборах местной одежды, закрывавших всю голову вместе с шеей). У Тракториста с Прохвесором – посредством команды. У себя; быстрым неуловимым движением. У Витальки, вызвав еще одно возмущенное ворчание королевы. Потом все вышли в Город – большую пещеру, в которой амазонка и Дуб-сын только вертели головой Дуба-отца в шлеме (том самом головном уборе), не в силах вымолвить ни слова от изумления. Но ни восхищения, ни, тем более, зависти, в них не было. Как и в самом Витальке, когда он впервые увидел эти «чудеса».

В очередной пещере, которую пыхтящий за спиной Прохвесор назвал больничным комплексом, было светло, но очень... тесно. Потолки были достаточно высокими, но все равно давили на затылок, заставив Витальку-младшего воскликнуть:

– Да как же они тут живут?

Отец на правах старожила здешних пещер ответил:

– Тут они не живут. Тут они...

Вождь, полковник, как раз в этот момент открыл очередную «дверь», и три руса отшатнулись от вопля ярости, плеснувшего в них из пещеры, где не было ничего, кроме сравнимого с ними человека, в котором, как тут же заявила королева амазонок, не осталось ничего человеческого. А сам Виталька все-таки закончил:

– ... тут они умирают!

Зверь в человеческом обличье прыгнул прямо с места, на котором лежал, свернувшись огромным клубком. И допрыгнул бы до двери, где его был уже готов встретить жестоким ударом вождь русов. Но раньше Витальки в пещере оказался Полковник, который неуволнимым даже для него, для Дуба, для лучшего охотника всех племен, движением отправил зверя обратно на пол. Который был сравним цветом с камнем пещер, но оказался мягче шкур. Как и стены этой пещеры...

– И потолок, – добавил Тракторист – после того как сам Дуб ощупал удивительный материал стен, – это чтобы вот такие твари не разбили себе головы. До суда.

– Он сделал что-то неправильное, вопреки вашим законам? – поинтересовался вождь.

– Он убил людей, – ответил Тракторист, – порубал на куски мечом.

– Восемь человек, – уточнил Полковник, – и еще почти два десятка ранил. Но с ними уже все в порядке. Так, Света?

Виталька, конечно, заметил, что в пещеру вошли те самые Левины, которые встречали его с родичами перед штормом. Он даже улыбнулся Светлане – той, что вернула Чижа оттуда, откуда не возвращаются. И тут же подвинулся в душе; уступил место колдунье Бэйле. Что интересно – человек со звериной душой на полу лежал, не в силах даже двинуть рукой и головой, но глазами вращал вполне разумно. Точнее – безумно. Еще и челюстью двигал. Словно разминал ее, прежде чем разразиться речью. Уважения Витальки к Полковнику прибавилось, хотя казалось – куда больше!

А Бэйла тем временем нагнула общую на троих спину, и заглянула в глаза Зверю. Два Дуба шустро отпрыгнули куда-то в район общих пяток (их как раз было две)! Не потому что испугались. Нет!

– Да, испугались, – признались они друг другу, – испугались, что этот Зверь тоже окажется внутри большого тела вождя. И тогда еще неизвестно было бы, кто станет управлять этим телом.

Но нет – порыв Зверя встретила сила колдуньи, которая не отвела взгляда, а словно наступила ногой на душу твари, заставив ее завизжать от страха и ярости, и сказала – больше удивленная, чем уstraшенная; сказала вслух, для всех:

– Знаете, на кого похож этот Зверь? На вождя неандерталов – на Денатурата. Точнее – на его внука – один в один. Послушайте, что он рычит:

И она начала говорить горлом и языком Вождя, тут же заболевшими от странных звуков, которые раздались в пещере. Все племена говорили на своих языках; но меж собою – на общем языке; еще недавно Виталька даже представить себе не мог, что кто-то может говорить иначе. Полковник и его люди говорили, как русы, и другие обитатели пещер. Странно, и не всегда понятно, но все же. Этот же...

Королева Бэйла вещала, заставляя Витальку мучиться, а Прохвесор за спиной говорил на языке русов – явно понимая чудные слова Зверя:

– Ты! Снова ты!! Великий охотник, не достойный даже лизать ноги Высшего не-Зверя. За мою смерть, за смерть деда ты...

Полковник нагнулся, и в лице Зверя остались жить только глаза.

– Все понятно, – произнес он задумчиво, – великий пакостник Дену... Прибыл с нами оттуда... В виде матрицы, конечно. Ну, или чьего-то пожелания. А тут проснулся – в черную минуту. Пойдем дальше.

Его руки без видимого труда перевернули тело Зверя на живот, и пробежались вдоль хребта, заставив того заскрежетать зубами, и выгнуться дугой. Выходя из пещеры, Виталька оглянулся, и едва не выпрыгнул за дверь, готовый снести с пути Тракториста с Прохвесором. Потому что Зверь уже перевернулся, и стоял на четвереньках, как самый настоящий зверь – покачивая головой, и готовый очень скоро ринуться в новую атаку. Но Полковник уже закрывал

дверь, и улыбался. Горько, но улыбался, хлопая ладонью по тонкой перегородке, которую сам вождь выбил бы ногой, даже без разбега:

– Никто, и ничто не сможет войти сюда без моего разрешения... и выйти тоже.

Колдунья, всех талантов которой не знал никто, кроме нее самой, прильнула ухом Виталика к гладкому полотну, и отшатнулась – скорее уstraшенная, чем пораженная:

– Да! – воскликнула она, – глянув на Полковника теперь, как на равного, а может, и на кого-то из Великих, – она словно живая! Она пожрет душу и тело того, кто будет в состоянии сломать ее, но не пропустит!

Такая же дверь ждала их перед следующей пещерой. В нее вождь вступил с опаской – не то, что в первую. И тут же перевел дух; вместе с сыном. Потому что за дверью их встретила маленькая – много ниже и тощее даже Прохвесора с Трактористом – женщина с лицом благовоспитанной жидовки-амазонки. Хотя похожа она была больше на жен Самчайки – Ради и Лари. Полковник, к удивлению двух русов и одной амазонки, так ее и назвал.

– Это Лари, – его голова возвышалась над личиком женщины, которую он держал за вывернутые назад руки, – а кто еще?

Он, наверное, сжал свои железные пальцы чуть сильнее, и Лари визгнула, а потом обрушила в лицо наклонившегося перед ней вождя целую лавину слов. Тоже непонятных.

– Это латышский язык, – поспешил сообщить за спиной Прохвесор (к нему Виталька тоже испытывал уважение; поменьше, конечно, чем к полковнику... наверное, сравнимое с тем, которым всегда наделял Бэйлу).

– Спасибо, конечно, – тут же язвительно ответила королева, – только можно об этом позже? Не мешай слушать.

А слушать было особо нечего. Дуб даже спиной почуял, как Прохвесор поморщился, и даже, кажется, покраснел.

– Ругается и страшает всеми карами на земле, Анатолий (это он так называл местного Тракториста). Не зря ты вспоминал про: «Ходи, да оглядывайся!». Это Виктория – собственной персоной...

В третьей пещере, которую местные вожди называли по-разному – комната, отсек, палата, а Анатолий тюрягой – ждала еще одна мелкая из обезьянов – Ради. Или, по утверждению Прохвесора, которого сородичи называли длинным именем Алексей Александрович, другая женщина. Имя которой было – Академик Зинана Арчелия.

– Вот пока и все, – сообщил им Полковник (он же Товарищ Полковник, он же Командир, и еще Александр Николаевич), закрыв третью дверь, – пойдем ловить остальных?

– Пойдем, – согласились русы и королева.

Товарищ Полковник достал свою маленькую черную коробочку и ее посредством (а не магией, как поначалу думал Дуб-младший, а еще раньше и сам Виталька) поговорил с Холодовым (он же Сержант, он же Товарищ Сержант).

– Сержант, всех людей собрал?

– Так точно, Товарищ Полковник, – ответил Холодов посредством все-той же коробочки, – всех, кроме наряда.

– Сделаем сегодня исключение, сержант. Ввиду экстраординарной ситуации. Снять весь наряд – все смены, включая караулы. Кто у нас сегодня в Центре?

– Дубов с Любой Ульяновой, товарищ полковник.

Товарищ полковник помолчал, явно в сомнении, а потом, вздохнув, бросил в трубочку слова, в которых не было ничего человеческого – только холодное железо:

– Их тоже.

Прохвесор за спиной горестно вздохнул. Тракторист тоже.

Еще одна прогулка по пещере-городу привела их в темный «коридор», за дверью которой тревожно гудели голоса. Множество голосов.

– Подождем немного, – остановил всех перед дверью Полковник, – пусть все соберутся. Мария Васильевна, у вас списки с собой?

Это он обращался к низенькой женщине, державшей в руке удивительные вещи. Впрочем, таких вещей повсюду было великое множество, и вождь запретил и себе, и сыну приглядываться к ним. Потому что справедливо полагал, что этот чудесный сон когда-нибудь кончится, и они вернутся в свои пещеры. Ну, или хотя бы один из них. И это будет правильно. А королеве Бэйле было не до диковин. Она еще раньше чуть ли не обнюхала всех спутников Товарища Полковника; теперь Марию Васильевну, и показала жестом: «Нет, с ней все в порядке!». Все вздохнули с облегчением.

– Запускай, – Полковник скомандовал Холодову, сам становясь рядом с Дубом.

Впрочем, ни Дуб, ни его сын Александра Николаевича сейчас не интересовали. Вождя тоже – как бы странно это не звучало. Виталька опять спрятался в душе с наследником; отдал все органы своих чувств колдунье. А та, не мигая, всматривалась поочередно в каждого входящего, которые после полутьмы за пределами этой пещеры моргали и щурились от ярких огней пещеры. Откуда изливались эти лучи, сравнимые с солнечными, Виталька разглядеть не успел. А теперь не очень-то интересовался. Он с волнением и дрожью в душе следил изнутри за губами, за шепотом Бэйлы: «Нет... нет... нет... Он!».

Вождь даже не успел разглядеть того, кто блеснул безумными глазами из полутьмы. Полковник выдернул этого безумца из общей очереди так аккуратно и стремительно, что шагнувший следом человек, скорее всего, ничего не понял. И опять потянулось: «Нет... нет... нет... нет...». До тех пор, пока Холодов не вошел с лицом, на котором читалось: «Какие команды будут еще, товарищ полковник?».

– Все? – спросил Полковник.

– Все! – вытянулся в немалый рост сержант Холодов.

– Нет, не все, – перебила его Мария Васильевна, – нет шестерых. Не считая, конечно, родильного отделения.

За последние слова Полковник одарил ее таким тяжелым взглядом, что отшатнулся даже Виталька, которого этот взгляд задел только краешком.

– Кто. Эти. Шестеро?! – в голосе Полковника опять осталась только сталь.

– Финны, – поспешила ответить Мария Васильевна – уже из-за спины Тракториста, – живут в общежитии, в одном блоке. Заявления на коттеджи пока не подавали.

Выходя вслед за Товарищем Полковником под своды большой центральной пещеры, вождь услышал, как тот же Тракторист проворчал:

– Скорее всего, никаких заявлений эти горячие финские парни подавать больше не будут. Перед очередной дверью собрались все.

– Постучим? – робко, опять из-за спины (теперь уже Прохвесора) предложила Мария Васильевна.

Командир ей не ответил. Точнее ответил – пинком в дверь. Та влетела внутрь, стукнувшись о что-то мягкое, никак не отреагировавшее на удар. А потом Командир сам мягко втек в комнату, и уже там встал на ноги, выражая расслабленной спиной (это подсказала все та же колдунья) отвращение, гнев, и... приглашение – всем им – «насладиться» эти букетом. Что такое «букет», вождь не знал; предположил, что кто-то из местных тоже владеет способностями, сравнимыми с колдовскими чарами королевы амазонок, и сейчас наделяет всю пещеру своими мыслями. Толпа, в которую сбились гости, и хозяева пещер, ввалилась внутрь вместе. А потом резко разделилась; женщины – Марья Васильевна и Света Левина, вдвое выше ее, резко отделились от толпы; выскочили из пещеры, заполненной ужасом; кусками человеческих тел, валявшихся повсюду, густым чадом костра, на котором подгорало что-то тошно-творно-сладкое (скорее всего, тоже человечина), наконец, аурой смерти и безысходности, что буквально зримо виднелась между двумя людьми, сидевшими на полу и уставившимися друг

другу в лицо. Они были чем-то похожими – и лицами, и пугающей пустотой взглядов, и невероятной силой, с какой пили жизнь друг друга (еще одна подсказка Бэйлы).

Очевидно, силы этих Зверей были равны. Так что сказать, кто одержал бы победу в этой битве воли и чародейского мастерства, не смог бы, наверное, никто. Кроме Товарища Полковника. Который и оказался победителем. Два мягких удара по темечку – одному и второму – и длинная прочная веревка опутала этих тварей так же крепко, как прежде другого – в прежней пещере.

– Ну, и кто это у нас? – повернулся Полковник к Дубу – после того, как отослал Холодова за людьми, которым надлежало собрать здесь останки.

Костер волшебным образом, не понятым вождем, уже погас. Колдунья склонилась над первым из пленников, и забормотала что-то вообще невообразимое. А закончила ругательствами – грязными, неприличными, корявыми, но вполне понятыми русом. И еще – Прохвесором, который побледнел, как замерзшая вода, падающая с неба во время самых жестоких штормов, и прошептал, не обращаясь ни к кому:

– Дикарь! Это же дикарь, который едва не съел меня, и сержанта, и который Марио...

– Понятно, Алексей Александрович, – остановил его Полковник, – можешь не продолжать. Следующий!

«Следующий» вдруг запел, попытавшись вытянуться. Кто бы ему дал? Ремни не дали. А потом и Полковник – стукнув его легонько по макушке. Пленник умолк, а Полковник с видимой безразличностью проворчал:

– Вот уже не думал, что еще раз услышу гимн Соединенных Штатов. Это, я полагаю, капитан Браун. Не забыл такого, Алексей Александрович?

Прохвесор побледнел еще раз. А Командир продолжил:

– Предполагаю, что твой с Холодовым «друг» проснулся первым, и решил устроить тут пикничок. А следом явился капитан, решивший померяться с ним кровожадностью.

И опять он повернулся к Витальке с вопросом, который готов был сорваться с языка, но так и не сорвался. Но королева ответила на него.

– Можешь не беспокоиться, Товарищ Полковник – больше тварей в твоей пещере нет.

Полковник помолчал. Недолго. Но очень... мучительно. А потом улыбнулся тепло и удивительно доверчиво – словно вокруг не валялись ошметки человеческих тел, и не поднялся опять от костра тошнотворный дымок:

– А пойдемте, мы вас с нашими королевами познакомим.

– А собрание? – это спросил Тракторист, бесцеремонно влезший в разговор своего вождя с тремя вождями племен.

– А что собрание? – пожал плечами командир, – кворума там пока нет. Вот эти ребята закончат здесь; отмоются, и придут в столовую. К тому времени и мы освободимся.

«Ребята» – это те, кого привел с собой Холодов, и кто стоял сейчас, не решаясь войти.

– А ты, Мария Васильевна, – Полковник со всеми уже вышел из пещеры смерти, – составь пока списки... погибших. Назовем их всех на собрании поименно. Ну и обрадуем, что врага удалось вычислить и повязать.

– А что с ними будем делать? – это опять выступил Тракторист, имевший, кажется, право высказывать свое мнение без разрешения вождя.

– А об этом будем думать, – опять нахмурился Александр Николаевич, – крепко думать. И у союзников совета попросим...

– А что спрашивать? – думали Дубы – и старший, и младший – пока они толпой шли за Полковником в «родильное отделение», находившееся совсем рядом с тем страшным местом, куда унесли еще двух пленников.

Думал все то долгое время, пока королева Бэйла в веселом изумлении общалась с собственной копией и ее новорожденной дочкой; и с женой Прохвесора, оказавшейся великой вои-

тельницей; и со спутницей самого Полковника, от которой колдунья отшатнулась, едва заглянув в глаза – не в страхе, а в почтении.

– А что спрашивать? – повторил он вопрос Полковника, уже выйдя из родильного отделения и направляясь в «свою» пещеру, где ждали сородичи и «Железный капут», – правила одни для всех – око за око, смерть за смерть. Различия только в способах. Можно убивать долго и мучительно – под одобрительные крики племени. А можно – просто раздеть, и выгнать под живительные лучи солнца. Черви подарят смерть быструю, и практически безболезненную. Ерш подтвердит.

Глава 11. Профессор Романов. Одна из граней Создателя

– Итак, что мы имеем?

Этот вопрос полковник задал только теперь, спустя почти месяц после трагических событий, унесших жизнь сразу полутора десятков горожан. Еще шестеро ждали своей участи; единственного шанса, который им все-таки предоставили на спасение. Точнее, предоставил – полковник Кудрявцев. В этот месяц Александр Николаевич словно забыл о своей приверженности к демократии. Железная дисциплина; строгий режим работы и отдыха; неуклонное следование основному армейскому принципу – это сообщил профессору Толик Никитин – «Не важно, чем занят солдат; главное – чтобы он был занят всегда!».

Как ни странно, это помогло. И жуткие картинки кровавых расправ; и трогательная, и одновременно какая-то ожесточенная церемония похорон; и долгие ночные думы о прошедшем – все как-то размывалось повседневными заботами... Хотя нет – думы оставались; даже после утомительных дней, заполненных работой, к какой бывший профессор Санект-Петербургского университета не привык.

– Лучше бы в разведку, в поиск, – вырвалось у него однажды за обедом.

Он тут же прикусил язык – ведь рядом, за одним столом, сидели кроме Александра Николаевича и Анатолия еще три молодые мамы, недавно выписанные из «роддома». Малыши тоже были здесь; в колясках из той же пластмассы. Изготовил их, конечно же, сам Кудрявцев. Профессор Романов хорошо запомнил слова вождя русов; точнее, одной из трех его ипостасей. Слова колдуньи местного племени амазонок о том, что стены тюремного блока буквально кричат о своей неприступности; о том, что они готовы защищать врученное им имущество (в данном случае – живые тела преступников) всеми возможными, и невозможными способами. А главное – что их слышал, и вполне серьезно воспринял полковник Кудрявцев.

Вручая чете Романовых коляску для двух малышей, он улыбнулся:

– Держите. В этой коляске Тане с Тамарой ничто не грозит.

Профессор поверил, и немного ужаснулся. Его аналитический ум, настроенный на рассмотрение всех возможных и совершенно невероятных вариантов развития событий, вдруг в каком-то из снов представил, как он – папа двух крошечных; самых прелестных во вселенной девочек – тянет руки к коляске, а та не отдает их; требует помыть руки, принести кучу справок, допуск к общению с новорожденными, в общем – кучу всяких бюрократических проволочек, от которых он проснулся в холодном поту.

Сам Кудрявцев, кстати, все дни напролет пропадал в лаборатории; что-то химичил, проектировал. Но сейчас, вопреки всем правилам приличия потянувшись за столом так, что в широких плечах что-то хрустнуло, он неожиданно поддержал профессора:

– А что, Алексей Александрович, пожалуй, я тебя подержу. Хватит отсиживаться. К тому же интересно будет посмотреть, как произойдет встреча вождей.

Командир намекал на тот факт, что «Железный Капут» усилиями Никитина с Дубовым, и, конечно же, самого полковника, получил новый двигатель – вместо старого, чадающего угольным дымом. А еще – солнечные батареи, которые позволяли этому движку работать под солнцем непрерывно. Учитывая, что ни одного заката в этом мире никто так и не увидел, двигатель был вечным.

– Я думал, что эта «встреча на Эльбе» давно уже произошла, – удивленно вскинул брови Анатолий.

Командир усмехнулся с хитринкой в губах.

– Вы что же, ребята, думаете, что полковник Кудрявцев в лаборатории только игрушками для детей занимался? Нет... Сейчас я определенно могу сказать, что «тридцатьчетверка» до сих пор движется по прямой. Кстати, с остановками – через те самые триста-четырееста километров. Думаю, мы сможем догнать их до побережья. Если выступим завтра утром.

– Как завтра?! – воскликнула Оксана, едва не уронившая одного из близнецов в коляску.

Коля (или Дима) все же оказался на своем месте – мягко и бережно, как обычно, а Кудрявцева с видимой обидой на лице повернулась к мужу: «А мы?!».

– А они? – ответил вопросом на вопрос Александр Николаевич, так же бережно подхватывая на руки Диму (или Колю).

Скандал, который явно собирались учинить своим половинкам воинственные мамыши, так и не разразился. Но только после того, как командир торжественно пообещал – в следующий рейд; в крайнем случае – через один – разведгруппа отправится в полном составе.

– Только вот когда он начнется, этот следующий рейд? – читалось в глазах Кудрявцева.

Алексей Александрович не был бы столь категоричным; больше того – предполагал, что в этом мире, полном неожиданностей, загадывать наперед нельзя. Даже на несколько минут. Пока же экспедиция тронулась в рейд точно по графику – в восемь ноль-ноль третьего ноября первого года. «Варяг» гудел двигателями обиженно – так казалось профессору Романову. Не удивительно – грозного бойца в этом рейде превратили еще и в тягач. Кому в голову пришла удачная мысль позаимствовать опыт путешествий аборигенов – самому Кудрявцеву, или гораздому на выдумки трактористу, профессор не уточнял. Он просто констатировал факт – за боевой машиной на таких же громадных колесах медленно «плыл» по траве еще более громоздкий прицеп.

– Чего там только нет, – неторопливо размышлял профессор, сидевший между товарищами – командиром и Никитиным, рулившим этим автопоездом, – в том числе и страшный груз, от которого, наконец, избавился город.

Действительно, в огромном фургоне, в отдельных отсеках, лежали в бесконечной коме шесть преступников. Ни у кого из горожан не поднялась рука отправить их в степь, на медленную смерть – так предложил поступить с шестеркой вождей русов. И профессор видел; скорее, чувствовал – командир колеблется, ждет какого-нибудь сигнала. И, очевидно, получил его. Потому что все разговоры о судьбе арестованных резко прерывал – первые два дня. А потом они сами прекратились; после такой явной демонстрации.

И вот теперь профессор, и, конечно же, Анатолий, надеялись услышать объяснения. Но командир первым задал свой вопрос. И повторил его:

– Ну, и что мы имеем?

– Да, что мы имеем, товарищ полковник? – переспросил Никитин, явно намекая на то, что командиру есть чем поделиться с товарищами.

– Прежде всего, конечно, тем, зачем мы везем с собой преступников? – добавил про себя Романов.

Но полковник Кудрявцев предложил другой вариант беседы.

– А ведь ты, Алексей Александрович, так и не закончил своей лекции. Сейчас, с новыми данными, что ты мог бы добавить? Почему мы оказались тут? Почему здесь раньше появились аборигены – столь же странные, сколь похожие на нас. Тебе не кажется, что эти племена больше похожи на какую-то карикатуру. Страшный, но все же фарс? И, наконец, почему вместе с нами сюда переместились души давно погибших маньяков? И не «проснется» ли в наше отсутствие еще кто-нибудь?

– Это тебе лучше знать, Александр Николаевич, – чуть улыбнулся Романов, – ты же у нас больше других общался с Виталькой Дубом, и с колдуньей, что живет внутри него. Кстати, насчет самого имени. Думаю, в нем как раз первая разгадка и кроется. Что-то мне подсказы-

вает, что вот так назвать созданное им существо Спящий бог – если это его причуды – просто не мог. Тем более, выдумать всяких так обезьянов, неандерталов...

– Или жидовок-амазонок с «Железным Капутом», – подхватил командир, – Анатолий, в твоих фантастических романах таких племен не встречалось? Сдается мне, что в городе Дубова Виталькой только ты называл... и называешь. Ни в чем не хочешь нам признаться?

«Варяг» чуть притормозил ход, но в сторону не вильнул; побелевшие руки водителя не шелохнулись на руле. Но сам Никитин отчаянно замотал головой:

– Если я даже и подсказал что-то вам, товарищ полковник... ну – там, где вы были «богом»; спящим, или каким другим, – тракторист повернул голову к товарищам, ничуть не боясь попасть в какое-то местное ДТП (ни одного препятствия за полтора часа езды по бескрайнему оранжевому морю травы им не попало), – то эти шутки были вполне безобидными.

– А какие были не... такими?

Это уже заинтересовался профессор.

– А такие, Алексей Александрович! Подумайте, кто мог призвать сюда чудовищ, которых мы везем с собой в прицепе? Только тот, кто сталкивался с ними прежде; кто, быть может, уже ощутил на собственной шкуре их ярость и колдовство. Много таких людей вы знаете, товарищ профессор?

– Да, уж, наверное, хватает, – протянул в сомнении Алексей Александрович, – да это можно прямо сейчас выяснить. С памятью у нас все в порядке...

Он принялся лихорадочно примерять – с кем контактировали; кто имел такое «счастье» – общаться с чудовищами в человеческом обличье. Примерять прежде всего к себе. Его губы беззвучно шептали, глаза даже закрылись; перед внутренним взором вставляли поочередно страшные картинки: торжествующее безумное лицо Виктории – в тот момент, когда она опускала молоток на его череп; еще более яростный взгляд разоблаченной Зинаны Арчелия. Наконец, он – словно со стороны – увидел себя, обнаженным, висящим вниз головой с дерева. А напротив – кровожадный взгляд дикаря с костью в ноздрях. Даже меховую трубку в паху – единственное одеяние каннибала – разглядел в подробностях, а потом, и все остальное.

Наконец, он тряхнул головой, открыл глаза, и с нескрываемым торжеством выпалил:

– Есть такие люди! Да я сам, можно сказать, пострадал от каждого из них. Сталкивался глаза в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.